

Данияр
Сугралинов

Кирпичи 2.0

Данияр Сугралинов

КИРПИЧИ 2.0

Издательство
«Манн, Иванов и Фербер»

Информация от издательства

Возрастное ограничение: 18+

Книга рекомендована к изданию Дамиром Халиловым

Сугралинов, Данияр

Кирпичи 2.0 / Данияр Сугралинов. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.

ISBN 978-5-00057-226-9

Это жизненная история про слабость и безвольность, про падения, борьбу и преодоление себя. Главный герой — молодой офисный сотрудник, за внешней воспитанностью которого скрывается инфантильность, малодушие и отсутствие уважения к самому себе. Он пытается изменить себя, мечтая о красивой и успешной жизни. Действуя вопреки всем стереотипам о неудачниках, ошибаясь снова и снова, он выходит из многих жизненных ситуаций, которые знакомы каждому из нас.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс»

© Д. Сугралинов, 2014

© Издание, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2014

Мушке и Пушпику с любовью

От автора

Дорогой читатель! Первым делом поясню название.

Если ты не читал первые «Кирпичи» — не сомневайся, читай сразу вторую версию, которую ты держишь в руках. «2.0» в заголовке свидетельствует о том, что это вторая версия книги и ты ничего не упустишь.

Если же ты читал первые «Кирпичи» — не сомневайся, можешь читать и эту книгу, причем с начала. Ведь здесь многое изменилось, добавилось. И если ты ждал продолжения, то оно у тебя в руках. Просто история Сергея Резвея стала подробнее и длиннее.

Первая версия книги была написана мной осенью 2004 года.

Это была небольшая повесть, выходявшая поглавно на одном из популярных тогда «контркультурных» интернет-ресурсов^[1]. Когда я начинал ее, даже не думал о том, что это будет книга. Я писал небольшой рассказ о неуверенном в себе молодом человеке. По задумке он должен был переоценить себя, влипнуть в какую-нибудь криминальную историю и этим закончить свой жизненный путь.

Я выслал первую главу, которая практически не отличается от той, что представлена в этой книге, владельцу и редактору «контркультурного» сайта Дмитрию Соколовскому, и он ее опубликовал.

Читатели сайта, или, как их там называли, «фтыкатели», неожиданно для меня стали симпатизировать главному герою Сергею Резвею и требовать продолжения.

Воодушевленный, я писал главу за главой, и к шестой о «Кирпичах» заговорили в сети. От идеи прикончить главного героя пришлось отказаться — читатели бы не простили. К тому времени он и мне понравился. А вскоре персонажи зажили собственной жизнью, мне оставалось только записывать происходящее.

Ночами я писал продолжение, утром высылал очередную главу Диме, а днем читал отзывы-комментарии читателей и мотивировал себя к тому, чтобы продолжить «писательство». В кавычках, потому что никогда не считал себя писателем, трезво оценивая свои силы.

После десятой главы мне позвонили из одного питерского издательства и предложили публикацию повести. Еще один звонок был с популярного московского телеканала — они решили снять фильм. На протяжении последующих десяти лет каждый год ко мне обращались продюсеры, кинорежиссеры, небольшие издательства с аналогичными предложениями.

Забавно, но ни книга, ни фильм по разным не зависящим от меня причинам так и не вышли, и сейчас я уверен, что это к лучшему.

Потом на кураже я тут же написал продолжение, но вторая книга так и не увидела свет. Продолжение было откровенно неудачным — мне было 25 лет, и просто не хватало жизненного опыта, чтобы написать так, как надо. Первую главу неудавшегося продолжения по сей день можно найти в сети. Она, кстати, вошла и в эту книгу с незначительными изменениями. Больше от тех «вторых кирпичей», как их называли в сети, ничего не осталось: файл был утерян при переезде.

К началу 2013 года количество прочтений книги в сети превысило пару миллионов. Первую версию «Кирпичей» активно размещали в электронных библиотеках, на форумах, развлекательных, пикаперских^[2] и мотивационных сайтах. Кто-то выпустил аудиовersion, а кто-то опубликовал на Google Play. В соцсетях создавались группы поклонников, книгу разодрали на цитаты.

Я к тому времени окончательно отпустил историю с «Кирпичами», занимаясь карьерой и семьей.

Наступил 2013 год. Мы с семьей были в отпуске, и мне подумалось, что я готов. Десять лет с выхода первой версии дали мне столько жизненного опыта и интересных людей, что я ощущал готовность написать продолжение. Для этого я прочел первую версию книги — чтобы вспомнить героев, события. Дочитав, я понял: продолжения не будет. Идея и мораль первой книги категорически не соответствовали мне, тридцатичетырехлетнему. Я решил полностью переписать книгу и развить историю.

И я это сделал.

У тебя в руках, читатель, «Кирпичи 2.0».

ГЛАВА 1

Инициация

— Ты в магазин? Купи мне шоколадку, Резвей, — попросила Лида. — Пожалуйста!

Лидка Фрайбергер, вопреки стереотипу о некрасивых немках, обладала сногшибательной внешностью. Конечно, она это знала и — хуже всего — всю этим пользовалась.

Народ в офисе встрепенулся. Всем стало интересно, как я отреагирую. Черт!

А дело было так. Шеф дал нам проект. Свою часть я выполнил, а деловая стрекоза Лидочка, занятая куда более важными делами, не успела. И ладно бы покаялась — шеф побурчал бы, но продлил срок. Нет!

Утром на планерке не моргнув глазом заявила: «Михаил Степанович, выполнение проекта задержано по вине Резвея, не собравшего в срок данные по заказчику». Резвей — это моя фамилия.

Степаныч, старый хрыч, внимательно изучив длиннющие Лидкины ноги, вынес вердикт:

— Проект закончить до завтра, Резвея лишить квартального бонуса.

В общем, послать Лидку в далекие края или принести шоколад, темный с орехами, как всегда, вопрос не стоял. Первое сделать не позволяли врожденная робость и воспитание. Оставалось второе. Но вопрос в том, как бы ответить, не растеряв остатки гордости. Если бы мы с Лидкой были одни, я не задумываясь согласился бы, но коллектив, до того сосредоточенно кликавший мышками, замолк в ожидании.

Подумав, я нашел, казалось бы, компромиссное решение:

— Хорошо, возьму. Слушай, а ты не поможешь мне вечером с проектом? Хочу задержаться, но добить его наконец сегодня.

— Вот еще, разбежался, — Лида скривила губы, — у меня уже весь вечер расписан. Ничего, сам закончишь, из-за тебя же сроки горят.

Такого ответа я не ожидал. Где-то в углу программистов прозвучал смешок. Это Саня Бородаенко не сдержал презрения. Он вообще всех

презирал, а меня — особенно.

— Резвей, и мне сигарет купи! — крикнул стажер Панченко.

— А мне щенка, кроссовки и барабан! Ладно, Резвей? С полочки отдам! — проявил остроумие Бородаенко.

Тут уж и сидящий на диете Гараян не сдержался и заказал упаковку овсяного печенья.

— От него не толстеют, Сережа, — пояснил он. — А деньги я тебе с полочки верну, хорошо?

Чавкающая грязь при каждом шаге взлетала и опускалась на штаны. Морозящий дождь заставлял жмуриться, а это при моем плохом зрении преимуществ в ориентации на местности не давало.

Коммунальные службы перекопали участок дороги возле офиса, сменили трубы, но заасфальтировать забыли. Местность напоминала колхозное поле после уборки урожая.

Мимо с гудением пронесся грузовик, водитель которого весело погрозил мне кулаком. Меня облепили комья грязи, а сопутствующие водопады залили очки. В голову упорно лезли мысли о ковровых бомбардировках. Настроение ухудшалось с каждой секундой, срочно хотелось кого-нибудь убить.

Цель, ради которой я вышел из офиса, явно не стоила всех этих мучений. Разболелось горло, и мне хотелось смягчить его какими-нибудь леденцами. До продуктового магазина недалеко, но черт меня дернул выйти в такую погоду!

В магазине душно. Остановившись у витрины с колбасами, я снял и очистил очки, вытер лицо. Жизнь налаживалась. За кассой стояла женщина лет сорока, очки в роговой оправе грозно сверкали, а копна обесцвеченных волос превращала ее в пришельца из 80-х двадцатого века. На меня — ноль внимания.

Пока я приводил себя в порядок, в магазин зашел еще один покупатель. Тяжелые облепленные грязью ботинки, щетина и короткая стрижка — мужчина среднего возраста, рабочий класс. Зал магазина наполнил запах перегара и пота.

— Бутылку водки «Журавли» и два пива! — приятный голос работяги не сочетался с его внешностью.

— Какое именно пиво?

— Мне «Балтику», а вот этому... — мужчина обернулся ко мне. — Какое пиво предпочитаешь, чудик? Угощаю! И зовут-то тебя как?

«Эх! — пронеслась шальная мысль. — Неудобно отказываться!»

— Мне, пожалуйста, «тройку». А зовут меня Резвей.

— Вы слышали? Две «тройки»! — бросил он продавщице и снова повернулся ко мне. — Очень приятно, Резвей! Меня Лехой зовут! Верняк — моя фамилия!

— Я, конечно, извиняюсь, Леха...

Мужик поморщился.

— погоди, так ты, получается, сам себя извиняешь? — поинтересовался он.

— В смысле? — не понял я.

— Смотри. Я умываюсь — значит, я умываю сам себя, да? Получается, ты извиняешь сам себя?

— Э-э-э, — я реально тормозил, а от этого всегда начинал запинаться, — ну, так же говорится... Извините.

— Вот, это уже по-русски. А повода нет: просто увидел хорошего человека и захотелось его угостить.

Он расплатился и кивком предложил мне следовать за ним. «Хороший человек» в моем лице совсем забыл и про леденцы, и про Лидкину шоколадку, и даже про овсяное печенье для худеющего Гараяна. И, ни капли не сомневаясь, направился вслед за Лехой. Мой новый знакомый вышагивал так, что никто не посмел бы усомниться в его уверенности в себе. Горделивая осанка даже вызывала невольную зависть. Между тем дождь все еще лил.

— А куда пойдём-то?

— Да сядем сейчас на лавочке в скверике, тут недалеко.

— А дождь?

— Ты что, промокнуть боишься?

Вопрос прозвучал насмешливо, и желание что-либо выяснить сразу пропало. Действительно, почему бы и не промокнуть? Мы шли молча, и всю дорогу я пытался объяснить самому себе: что я делаю и зачем куда-то иду с этим человеком? Разум подсказывал, что надо вернуться

в магазин и купить все то, что заказали ребята из офиса, где меня минут через двадцать по закону подлости начнут искать. Но возвращаться туда я не хотел.

Дождь прекратился. Выглянуло безразличное осеннее солнце. В сквере было пусто.

Леха уселся на мокрую скамейку так, как будто она сухая: видно, что его не заботили такие мелочи. Я робко присел рядом. Открыли бутылки. Пить холодное пиво на улице при такой мерзкой погоде большого удовольствия не доставляло. Глотать больно, но я сделал несколько крупных глотков и выдохнул.

— Как пиво? — поинтересовался Леха.

— Пиво как пиво, — пожал я плечами, — холодное.

— Ясно. Тогда рассказывай!

— О чем?

— Как о чем? Чем живешь, чем дышишь? Кто ты вообще такой?

Потребность высказаться и выпитое на голодный желудок пиво развязали мне язык. Полчаса моего сбивчивого монолога, и Леха знал обо мне все. Ненавязчивыми вопросами и глубокомысленным хмыканьем он направлял мой рассказ и, дослушав, подвел итоги.

— Итак, Сергей Резвей, двадцати семи лет, жены нет, девушки тоже нет, родители далеко, работаешь рекламщиком в медиахолдинге. Работой доволен, но в коллективе авторитетом не пользуешься. Зачем живешь-то, Серега? В чем смысл?

— Смысл? — даже как-то удивился я. — Жить.

— Жить, чтобы жить? Seriously? Ну ты даешь, старик! Наверняка у тебя есть какие-то мечты, планы, цели. Проблема в том, что ты пытаешься угодить всем в ущерб себе. Всё, что тебе нужно для счастья, — осознать, что твои мечты вполне исполнимы и зависит всё только от тебя. Стань эгоистом в хорошем смысле. Поставь цели. Наберись здоровой наглости. Будь грубее и не бойся казаться невоспитанным: сейчас воспитанные люди не в моде!

— Извините, но...

— Что за идиотская привычка к месту и не к месту через слово вставлять «пожалуйста», «прошу прощения» и «извините»? За что извиняешься, прощения просишь, сам хоть понимаешь? Что за «э-э-э...» да «ме-е-е...»? Что за «ну... я не знаю» после каждого вопроса? Отвечай односложно и предельно конкретно: либо да, либо нет. А если хочется ответить «нет», но стесняешься, собери волю в кулак и скажи три коротких слова: «Нет — и точка!» Забудь о воспитании: в этом мире выживает не самый воспитанный, а самый наглый. Стань хамом: хамство упрощает взаимопонимание в той среде, в которой ты обитаешь. Уяснил?

— Не совсем. Наглецы и хамы, может, и успешнее в чем-то, добиваются своего, но это всегда плохо заканчивается для них, — услышанное от Лехи не вписывалось в мое понимание мира, его харизма поблекла и больше не действовала на меня.

— Ты и вправду так считаешь? Я ведь не учу тебя, как превратиться из жутко интеллигентного парня в крайне неинтеллигентное быдло, это ты можешь понять? — вскипел Леха. — Я тебе говорю, что в современном обществе, в большей его части, а особенно в той, в которой ты имеешь честь жить и работать, быть тем, кто ты есть, — значит обречь себя на вечное лузерство. Хочешь позволить себе такую роскошь? Роскошь быть собой вместо права на нормальную жизнь, уважение коллег, внимание красивых девушек?

— Э-э-э... — пока я думал, заполнил паузу привычным бляеньем.

— Да твою же мать! — Леха взорвался.

— Нет! Нет, не хочу!

— Тогда запоминай! Все вышесказанное относится только к тем, кто тебя использует. Неважно: родственник ли это, начальство, коллега или просто случайный прохожий. Вот тебе простой пример: ты спешишь на работу, но тебя останавливает прохожий и стреляет сигарету или огня. Как ты поступишь?

— Конечно, дам сигарету, — ответил я, не задумываясь. — А что, мне не жалко.

— И опоздаешь на работу?

— Да нет, это же не займет и минуты.

— А отказать не займет ни секунды! Представь, что по дороге на работу тебе встретились несколько прохожих, стреляющих курево.

Представил? Останавливаешься, вытаскиваешь пачку, открываешь, протягиваешь, дожидаясь, пока прохожий вытянет сигарету, кладешь пачку на место, достаешь зажигалку... Не успел на автобус. Опоздал на работу. Доступно?

— Вполне, — я начал понимать, к чему он клонит.

— И вот ты опоздал на работу, что, конечно, не привело руководство в восторг. При таком подходе рано или поздно твои опоздания приведут к увольнению или лишению премии.

— Да меня и так уже лишили премии...

— Вот видишь! Длинноногая девочка Лида живет себе припеваючи, гуляет, работу выполняет не вовремя, а что в итоге? Ты без премии, она на коне, совесть не мучает, над тобой посмеивается, еще и гордится своей находчивостью... Стерва?

— Она не стерва, она хорошая, — почему-то поправил я.

— Так ты к ней равнодушен?! — изумился Леха. — Ха! Думаешь, если и дальше позволишь ей ездить на себе, то она и ноги раздвинет?

— Ну, ноги не ноги, но...

— Знай, Резвей, что нормальная, уважающая себя девушка никогда не будет не то что спать, но даже встречаться с рохлей. Тем более такая, как она. Зачем ей с тобой встречаться, если ты и так под нее стелешься?..

Внезапно Леха задумался, а потом воскликнул:

— Да тут же поле непаханое! Слушай, а почему ты со мной-то пошел? Тебе же на работу надо было возвращаться? Или нет?

— Э-э-э... Надо было...

— Короче! Я не я, если не сделаю из тебя нормального мужика! Вот номер моего мобильного, — Леха протянул мне визитку. — Позвони мне как-нибудь: попьем пива и продолжим беседу. А сейчас возвращайся на работу и попробуй хоть остаток дня побыть мужиком! Сможешь?

— Ну, я не знаю... — протянул я, глядя вниз.

Поднял голову, увидел бешеные Лехины глаза, покраснел, разозлился на себя и выпалил:

— Да!

Леха улыбнулся:

— Молодец! Так держать! Держи краба!

С этими словами он встал, пожал мне руку и ушел.

Я повертел его визитку — дорогая темно-зеленая бумага, белым шрифтом на ней: «Алексей Верняк».

ГЛАВА 2

Первый кирпич

Георгий, вахтер и охранник в одном лице, расплылся в улыбке. Я тут же представил себя и понял, что вид у меня комичный: мокрые растрепанные волосы, нелепые заляпанные очки в толстой оправе, промокшая одежда и визуально увеличившиеся в размерах за счет налипшей грязи туфли.

«Ну что же, пусть веселится, я ведь и впрямь выгляжу несуразно», — подумал я. Но, вспомнив Леху, неожиданно даже для себя самого выпалил:

— Чего лыбишься?.. Дурак, что ли?

Вахтер застыл с оскаленным ртом, уголки губ поползли вниз, в глазах — изумление. Не дожидаясь, пока он опомнится, я прошмыгнул мимо него к лифту. К последствиям собственной несдержанности я оказался пока не готов. Опомнившийся Георгий закричал вслед: «Ты оборзел, гнида?..» — но дальнейшего я не услышал. Возможно, наш корпоративный преторианец взывал к моей совести; возможно, просто хотел объяснить, что улыбался он вовсе по другой причине. Эти версии наиболее комфортны для меня, но я честен перед собой: я оскорбил Георгия, расправа неизбежна.

Георгий, которого все, кроме меня, звали просто Жора, в юности провел пару лет в колонии по какой-то хулиганской статье, и этот период стал самым ярким в его жизни. Сотни, да что там, тысячи «чмырей», по его словам, вставали ему поперек дороги, после чего умывались кровью и становились инвалидами. Поэтому я четко понимал, что, скорее всего, Георгий хотел максимально доступными методами пояснить мне неприемлемость моей линии поведения без должного к нему уважения. Проще говоря, побить меня.

Кровь прилила к лицу, пульс участился, в горле пересохло — так происходит всегда, когда я попадаю в конфликтную ситуацию. Еще больше я волнуюсь, впадаю в ступор при любой угрозе физического воздействия. Я боюсь. Боюсь, что мне разобьют нос, выбьют зубы, ударят в живот... Я очень хорошо все это себе представляю, настолько

ярко и подробно, что при одной мысли о драке паникую. Поэтому я стараюсь быть со всеми в хороших отношениях, не обострять, идти на компромисс, входить в положение и всегда боюсь кого-нибудь обидеть.

Пробыть даже полдня «мужиком» без должной подготовки, а тем более без возможности физически обосновать свои слова, — нелегко.

Поднявшись, я зашел в туалет и привел себя в порядок: снял очки, счистил грязь с одежды, вымыл руки, умылся. Вгляделся в зеркало: обычный парень, серые глаза, короткие русые волосы... На лбу — шрам в виде молнии. Когда я был маленьким, тот, чье имя нельзя называть... Ха-ха, шучу. Шрамов нет, конечно: не то что на лбу, вообще нет. Драться — никогда не дрался, а от жестоких порезов, переломов и падений бог миловал. В общем, важнейшая часть в моей жизненной подготовке была упущена, а что-то наверстывать в двадцать семь лет — поздно.

Да и зачем мне это нужно? Всегда жил по принципу: «Все люди хорошие, пока не докажут обратное». Если же они «доказывали обратное», в очередной раз разочаровывался в этом мире, впадал в апатию и терял вкус к жизни. А потом просто переставал с «доказавшими обратное» общаться.

Встал у окна, закурил. Втягивая сладкий табачный дым вместе со свежим октябрьским влажным воздухом, вспоминал разговор с Алексеем Верняком. Странно, но я не задавался вопросами: кто этот человек, почему он завел со мной разговор и учил, как жить. Его тезисы доказательств не требовали: моя неудачная жизнь была живым примером, что так себя вести нельзя.

Пора менять принципы. Отныне все люди для меня — сволочи и подлецы. Пока не докажут обратное.

На пороге офиса я расправил плечи, выпрямил спину и, задрвав подбородок, вошел. Снял куртку, сел за свое рабочее место, подвигал мышкой. Экран монитора включился, и я увидел не прекрасный вид на Штормград^[3] с высоты полета грифона, установленный у меня в качестве обоев, а похабную отвратительную сцену с одного из тех

сайтов, где можно найти видео любых половых извращений. Причем с присутствием нечеловеческих персонажей.

Еще пару часов назад я бы на такую выходку не обратил внимания — наоборот, угодливо посмеялся бы над этой «невинной шуткой». Но сейчас следовать традициям не хотелось. Я всматривался в каменные лица коллег, еле сдерживающих смех, быстро перевел взгляд с одного на другого, пытаясь догадаться, кто это сделал.

И, наконец, тихо спросил:

— Кто?

Молчание. Лидка, взглянув на меня, фыркнула.

А Костя Панченко нарочито гнусавым голосом произнес:

— Резвей! Явился — не запылится! Все купил, что должен был? Сигареты не забыл? Ничего не перепутал?

Шоу началось! Из-за мониторов появились лица коллег, уже готовых к веселью. «Значит, шута нашли? — закрутились злые мысли. — Будет вам шоу!» Главное — это голос, а он у меня тихий. «Раз громко говорить не получится, придется орать», — решил я.

Набрал полную грудь воздуха и выкрикнул на одном дыхании:

— Тебе, Панченко, не о куреве надо думать, а о том, пройдешь ли ты испытательный срок! Стажер! Где маркетинговое исследование по ночным клубам? Ты его еще на прошлой неделе должен был подготовить!

Обескураженный Костя примирительно, без всякой гнусавости в голосе попросил:

— Серега, да ладно тебе, ты чего это?..

— Серега?! Да какой я тебе Серега! Для тебя — Сергей Александрович, стажер!

Я выдохся и замолк. Не знал, что еще сказать. Излить то, что давно накипело, — смог, а вот оскорблять и хамить специально не научился пока.

Впервые в жизни я осознал значение выражения «звонящая тишина». Коллеги перестали клацать кнопками клавиатур, и лишь мерный гул работающих компьютеров повис в комнате. Даже непомерно толстый, не дождавшийся своего овсяного печенья копирайтер Левон Гараян перестал жевать бутерброд и, открыв рот, внимательно меня изучал.

Я почувствовал себя неуютно и сорвался:

— Что уставились? Работать!

Нет, к работе никто не вернулся. Все с каким-то новым интересом рассматривали меня, словно пытаюсь понять, что во мне изменилось. В глазах любопытство и небольшая тревога, лица напряжены.

Тишину нарушил удивленно-радостный Панченко:

— Ребята! А ведь он же пьяный! Принял уже где-то!

Все тут же понимающе улынулись, с облегчением закивали друг другу. Люди страшатся необъяснимого, а секрет истерики Резвея крылся лишь в его алкогольном опьянении. Элементарно, Ватсон! Гараян продолжил трапезу. Бородаенко что-то застрочил в мессенджере, Фрайбергер брезгливо сморщила носик. Это какой-то кошмарный сон.

Я стоял, не зная, куда себя деть. Краска заливала лицо. Наконец сел, в душе проклиная собственную глупость, и невидящим взглядом уткнулся в веселую картинку на экране.

А Костя, упиваясь победой, продолжал разоблачительную речь в духе тех старух, которые дают следователям показания об ограблении соседской квартиры:

— А я еще думаю, от кого перегаром-то несет? Думал, может, это спирт Бородаенки, которым он свои компы протирает? Смотрю — нет, Бородаенке вообще всё по барабану...

— Слышь, ты, салага! — востроился Саня и спародировал меня. — Для тебя я — Александр Витальевич!

— Ага, — важно кивнул Панченко, — смотрю, а Александр Витальевичу всё по барабану. Они соизволили пасьянсик разложить, и не до спирта им. И тут меня осенило! Это же от Резвея амбре исходит, Сергея Александровича нашего: пришли они в грязи, как в канаве искупавшись, перегаром от них несет, еще и истерику тут устроили...

— Заглохни, Панченко, — сквозь зубы произнесла Лида.

Костя удивленно на нее посмотрел (как же так, для вас же стараюсь, ваши благородия, развлекаю!), но умолк.

Посверлив меня изумрудными глазами, Лида тихо спросила:

— Сереж, ты мне шоколадку купил?

— Нет, Лида, извини.

— Ну и ладно, до обеда уже чуть-чуть осталось.

И улыбнулась! Вот зараза-то, а?

В кафе за обедом я сидел в одиночестве. Кто же знал, что одна выпитая натошак банка пива даст такой эффект? Перегар похлеще, чем после бутылки водки! Еще и Саня расстарался: всем разослал сенсационную новость, никого не забыл. Я тоже получил эту рассылку.

Сосредоточенно и спокойно ел борщ (аппетит после пива проснулся зверский) и прислушивался к окружающим столикам.

Краем уха услышал, как Панченко рассказывал утреннюю историю. Внезапная слава меня не порадовала, хотя раньше я и переживал, что не особенно популярен. Известность я сегодня приобрел довольно сомнительную. Девчонки из дизайнерского отдела заливались смехом, поглядывая на меня.

— Бывают же люди: трезвыми слово боятся вставить, а как выпьют — так на людей с топором кидаются! Вот и Чикатило такой же был, — донеслось до меня.

А после обеда меня вдруг вызвал Степаныч. Красный от гнева, он полчаса сначала песочил, а потом возвестил:

— Пьяный на работе! Это же ЧП! Устроил истерику в отделе, накричал на Панченко! Радуйся, что генеральный тебя ценит, я бы на его месте дал тебе пинка под зад и уволил по статье! Теперь мне понятно, почему у нас проекты в срок не выполняются! В отделе у вас черт знает что творится! Менеджеры в игрульки играют, копирайтер жрет весь день, вместо того чтобы тексты писать, а ты прямо на рабочем месте водку пьянствуешь? В общем, минус пятьдесят процентов из месячного оклада! На первый раз. Будет тебе уроком. И чтобы я тебя сегодня больше на работе не видел! Пшел вон!

И я пшел. Поднялся к себе, взял куртку, сохранил документы, выключил компьютер. Потом, прокашлявшись, привлек к себе внимание и как ни в чем не бывало сказал:

— Ребята! У нас в отделе появился стукач. Фамилия — Панченко. Знайте: все, что здесь происходит, он доносит Степанычу.

Панченко спрятался за монитор. Такое обвинение — гораздо серьезнее, чем мой проступок, особенно для командных, гармоничных,

основанных на взаимном уважении, а также проникнутых корпоративным духом отношений в коллективе. Я оделся, громко попрощался со всеми.

Выходя, услышал за спиной строгий Лидин голос:

— Панченко, завтра до вечера жду результаты маркетингового исследования. Не будет — пощады не жди!

Я улыбнулся. Несмотря на штрафные санкции Степаныча, настроение стало отменным. Домой! Чай с лимоном и малиновым вареньем, молоко с медом, теплая ванна и крепкий сон до вечера. А вечером... Вечером я наконец-то наберусь смелости и приглашу Лиду в кино. А может, в ресторан — неважно. Ну и что с того, что у нее «весь вечер расписан»? Может, и не весь. Главное — попробовать. Попытка не пытка. А откажет — не беда, скачаю какой-нибудь сериальчик или поиграю.

Мои приятные размышления прервал резкий голос вахтера Георгия:

— Резвей, еще раз что-нибудь подобное скажешь, я тебя удавлю. Понял? Скажи спасибо, что бухой ты был. Видимо, по синему делу совсем страх потерял.

Сердце застучало сильнее, прошиб пот. Вот они, последствия. Хочется ответить достойно, но сейчас наглым быть опасно, можно и по шее получить. Можно...

Да и черт с ним! Я понял, что получить по шее не боюсь. Наоборот, хочется спровоцировать Георгия, этого дебила с амбициями вора в законе, да так, чтобы он сам накинудся с кулаками. А там... А там посмотрим по ситуации.

— Жорик, бредишь? Какое «синее дело»? Кто был нетрезвый? Я? Уверен?

Жора открыл рот, но я продолжил:

— Может, тебе путевку выписать?

— Не понял... Ты чего гонишь?.. Какую путевку?

— Путевку? В пешее эротическое путешествие!

— Куда-а-а?!

— Попить водички из пруда! — во мне проснулся рифмоплет, я почувствовал кураж. — Расскажи мне лучше, как ты меня удавишь, если я тебе оформлю путевку. Будешь использовать для этих целей бельевую веревку? Или обойдешься гитарной струной?

Я выдал эту тираду, абсолютно мне не свойственную, словно отыгрывая какую-то роль. В прошлом в подобных ситуациях мне постоянно приходили в голову остроумные, как мне казалось, ответы, но я никогда не озвучивал их. Но сейчас я, преодолевая собственную культуру общения, говорил все, что вздумается. И мне это нравилось.

— Да... Да я... я тебя собственными руками закопаю! — оторопевший Жора прохрипел это так, словно уже не он, а его кто-то пытался задушить.

— Перебьешься! Удавит он, закопает... Определись! А потом с работы вылетишь, понял?

Жора бешено посмотрел, сжал кулаки, тяжело задышал, но ничего так и не произнес, а потом и вовсе отвел глаза.

Выходя из офиса, я чувствовал на себе его угрюмый взгляд. Что скрывать: не хотелось бы мне встретить Жору вне стен офиса. Он же дурак, а дураки не умеют мыслить в перспективе. Встретит меня, вспомнит обиду, да и пересчитает кости. А потом хоть трава не расти, главное — он «этому чмырю», то есть мне, спуску не дал, на место поставил. А работа... В пьяном угаре кому нужна работа? Наверное, и убить может... Да что это я?!

К черту эти страхи!

Как ни крути, а сегодня заложен первый кирпич моей крепости.

ГЛАВА 3

Level up

— Лопата! Больше десятка ошибок, и это на первом-то этапе! — Леха, казалось, был взволнован и обеспокоен после моего рассказа о второй половине дня. — Тяжелый случай!

Лидке позвонить я так и не решился. Хотя после горячего чая с лимоном, засыпая под теплым верблюжьим одеялом, присланным ташкентскими родственниками, я мечтал поскорее проснуться, чтобы позвонить ей. Но очнулся я в десятом часу вечера, а беспокоить человека так поздно не позволяло воспитание.

— Ты пойми, чудила, я тебе не мессия и не добрый дядя Степа, который пришел и решил все твои проблемы. Я только рассуждаю, а все мои рассуждения по умолчанию спорны и уместны в какой-то данной конкретной ситуации, — продолжал Леха лекцию. — Твоя задача — уловить суть, принять ее за основу для линии поведения и претворить в жизнь. Понял?

— Понял.

Кое-что я усвоил четко. Жизнь — череда маленьких и больших стимулов, между которыми путь. Путь к цели. Есть цель. Есть стимул — добиться ее. Простейший пример: я лежу на диване и смотрю телевизор. Захотелось в туалет. Облегчиться — стимул. Очень сильный, особенно после трех-четырёх бутылок пива. Так вот, чтобы добиться цели (получить удовольствие от опорожнения мочевого пузыря), мне надо встать и пройти в туалет. То есть имеем цель — облегчиться, стимул — чтобы больше в туалет не хотелось, и план выполнения задачи — встать и дойти до сортира. И если стимул перевешивает лень и неохоту, то мы движемся к цели. Поэтому очень важно ставить перед собой хорошие стимулы и реальные цели.

— Молодец. Давай рассмотрим твои ошибки.

Я не решился позвонить Лиде, но позвонил Лехе. Он сразу ответил, узнал и радостно завопил, как будто ждал моего звонка:

— Здорово, Серега! Как дела?

— Все нормально!

Договорились встретиться в маленьком пивном баре недалеко от моего дома.

Как же я удивился, когда из подъехавшего джипа представительского класса вылез улыбающийся Леха. Я в который раз убедился в ложности стереотипов. На таких машинах работяги не ездят.

— Итак, ошибка первая, которую ты и сам, наверное, осознал. Ты зачем вахтеру нахамил? Ты бы сдержал улыбку, увидев кого-нибудь в таком же виде? Учись адекватно оценивать ситуацию: ты был смешон. Лучше было самому улыбнуться в ответ: «Мол, вот какое дело-то, угораздило попасть под дождь без зонта».

— Раньше, до встречи с тобой, я бы так и сделал, — возразил я. — А ты же сам учил...

— Я тебя не этому учил. Повторяю: учись адекватно оценивать ситуацию. Ошибка вторая. Ты позволил себе иметь легко выявляемое слабое место: появился в офисе с запахом перегара. Никогда не позволяй другим замечать свои слабости! Ахиллес знаешь как погиб? Вот! Так и здесь: ты неуязвим, пока кажешься неуязвимым!

— Угу, — хмуро согласился я. Всякому неприятно, когда его тыкают мордой в собственные ошибки.

— Не угукай! Не хмыкай, выражайся четко. «Да», «понял». Я серьезно. Возвращаясь к охраннику: вот тебе третья ошибка. Ты же слышал, что он орет тебе вслед что-то нелюбезное? Последнее слово должно всегда оставаться за тобой. Ошибка была в том, что ты не вернулся.

— Так вернулся бы я, и что?

— В том-то и дело все, Серега! Человек, убежденный в том, что ты не ответишь, будет тебе вслед говорить что угодно. И чисто психологически победа будет за ним! Это же классический прием толстых теток с рынка: вы будете орать друг другу в лицо гадости, но когда ты посчитаешь, что дальнейшие препирания бессмысленны, и развернешься, чтобы уйти, то услышишь вслед что-то типа: «Щенок!» А ты — бац! И вернулся! И в лицо ей: «Что ты, зараза, вякнула?»

Леха так здорово изобразил базарных теток, что я рассмеялся.

— Во. А пока она будет удивляться оригинальному развитию событий, ты, весь такой гордый и красивый, спокойно покинешь место

перебранки. Хотя... Мой тебе совет: с базарными бабами пока не пикируйся. Это высокий уровень, а ты и на первый пока не тянешь.

Пиво пилось очень легко. Я и не заметил, как официантка принесла мне третью кружку. Леха тянул минералку.

— Какие еще ошибки я допустил? — спросил я.

Жизнь стала казаться компьютерным квестом, где очень важно без ошибок пройти уровень.

— А жизнь и есть игра, Резвей, — сказал Леха.

— Не понял. Я что, думал вслух?

— Нет, — улыбнулся он, — у тебя просто все мысли по глазам читаются. Ха-ха! Повелся? Ерунда это все, Серега, е-ру-нда! Невозможно прочесть мысли, можно лишь просчитать вероятность событий. Поверь мне, у типичного выпившего человека не более пяти желаний и мысли, соответственно, текут в том же ключе. И сейчас мы думаем об одном и том же, да? Что, по бабам?

— А есть? — с надеждой спросил я.

— Бабы всегда есть. В сауну поедем. Заодно и отпразднуем!

— А что будем праздновать?

— Наш первый день.

— Первый день?

— Да. Первый день оставшейся жизни!

Леха ехал быстро. Успевал все: и рулить, и обгонять, и лавировать, и отвечать — лаконично «да», «нет», «понял», «до связи» — на звонки, и разговаривать со мной. Наконец отключил телефон.

— Всё. Кто мне нужен — уже отзвонились, а кому я — потерпят.

— А вдруг дома что-то случится?

— Так этот для работы. Близким я доступен всегда, только не по этому номеру. На чем мы остановились-то?

— На первом дне оставшейся жизни.

Пока ехали, я успел обдумать этот самый первый день и проникнуться смыслом сказанного.

— И как ты это понял?

— Да просто все! От всего, сколько мне жить осталось, сегодня как раз первый день, а значит, впереди вся жизнь и можно многое успеть. А то, что не удалось в прошлом, можно попробовать исправить. Да и вообще, прошлая жизнь — репетиция настоящей, которая прямо сегодня началась. А значит, если даже у меня вчера день сложился неудачно, сегодня это не имеет значения. Вот так и понял.

Леха постучал костяшками пальцев по столу:

— Балда! Плохо ты понял! Ты, конечно, правильные вещи говоришь: и про репетицию, и про много что можно успеть, — только вывод-то не такой! Ты прав: в первый день оставшейся жизни хорошо ощущается, что времени — вагон. Примерно такие же чувства в первый день на море в отпуске. Ура-ура! Сидишь у воды, пьешь пиво и наслаждаешься тем, что времени еще много! Ты еще четко не представляешь, когда поедешь на экскурсию, а когда — на шопинг. Спешить некуда. Но когда отпуск переваливает экватор, ход времени ускоряется. Все пролетает перед глазами. Тпру! Приехали, отпуск закончен! Отличие первого дня оставшейся жизни от первого дня отпуска ровно в одном: у тебя будут другие отпуска. И увидеть древний храм можно будет в следующий раз. Уяснил?

Я кивнул. А потом сказал:

— Лех... Я на море никогда не был...

— Здорово, отец! Свободно что-нибудь? — гаркнул Леха.

«Отец», пожилой мужик с изборожденным морщинами лицом, сидел на лавочке у сауны «Ихтиандр» и с удовольствием курил папиросу. Глубоко затянувшись, он благоговейно замер, а потом, выпуская клубы дыма, сообщил:

— Кажись, люкс свободен.

— Спасибо, отец. А невесты на выданье есть?

— Не, невест нет. Девочки есть.

— Добро!

Удовлетворенный полученной информацией, Леха зашел в сауну. Я последовал за ним.

В приемной за баром стояла симпатичная девчонка, которой я дал бы лет восемнадцать, если бы не глаза. Пронзительные и в то же время настолько блудливые, что, казалось, нет в мире грехов, которых они не видали. На бейдже написано «Мария», и имя очень подходило к ее славянской внешности. Увидев нас, Мария заученно улыбнулась, поприветствовала и спросила, может ли чем-то помочь.

— Машенька, конечно, можешь! — ласково сказал Леха. — Дай-ка нам люкс на пару часов.

Внутри разделись, взяли простыни, тапочки и двинули в сауну. По телевизору вещал музыкальный канал.

— Резвей, ты как хочешь, а я сначала попарюсь. И тебе советую: попьешь пива потом.

— Ну, и я как ты.

Я смог выдержать минут пять, потом выбежал из парилки, на ощупь открыв дверь. Леха, блаженно кряхтя, остался. Я принял душ и вернулся за стол. Вскоре появился и раскрасневшийся Леха.

Открытое пиво зашипело, пена попыталась вырваться на свободу. Леха налил себе чаю.

— Возвращаемся к разбору ошибок. К крику прибегай в исключительных случаях. Ничто так не давит на оппонента, как спокойный и уверенный голос. Заорав на этого... Иванченко?

— Панченко.

— Ага, так вот. Ты, заорав на Панченко, изначально поставил себя в заведомо проигрышное положение. Кричат те, кто не уверен в собственной правоте, считает, что криком можно подавить противника. Суть в том, что тот, кто кричит, тратит силы на крик, а не на размышления над ответами. Поэтому в споре побеждает не тот, кто тратит эмоции на повышение громкости, а тот, кто логично и обоснованно высказывает свою точку зрения. Понял?

Я понял. Кивнув, решил задать ему вопрос, который в последнее время не давал мне покоя:

— Слушай, Леха, а зачем оно тебе нужно? Благотворительность?

Леха пожал плечами и ответил:

— Знаешь, Серега, придет время, и ты сам все поймешь. А в том, что оно придет, я теперь не сомневаюсь.

В дверь тихо постучали. «Войдите!» — заорал Леха. Дверь приоткрылась, из-за нее появилась очаровательная мордашка.

— К вам можно?

— Нужно! — крикнул Леха и обратился ко мне. — Серега, остальные ошибки выявляй сам! А на сегодня урок окончен, баста!

Последние слова он произнес, выпихивая меня из-за стола в сторону девушек:

— Отдыхайте, молодежь, это приказ!

— А ты?

— Иди, иди! Мне надо пару звонков сделать, — отрезал Леха.

И я пошел, паникуя и матерясь про себя. Мне даже захотелось отказаться от всего этого. Леха уже говорил по телефону, но, заметив мое смущение, жестом показал девушкам на меня — мол, забирайте парня. Они, подшучивая надо мной, обхватили меня с двух сторон под руку и увели.

Постройка крепости из теории плавно перетекала в практику. Первые кирпичи оказались с браком и выкинуты на свалку. На их место встал новый стройный ряд кирпичей, закаленных пламенем разбора ошибок и уверенности в собственной правоте.

Так мне казалось.

ГЛАВА 4

Цели и стимулы

Домой приехал вымотанный, под утро. Потом долго не мог уснуть, анализируя прошедший день. Да уж, он выдался насыщенный! Поворочавшись в постели еще немного, я понял, что сон не придет. Холодный душ и легкий завтрак помогли восстановить силы. Не одеваясь, замотавшись в плед, вышел на балкон. Свежий утренний морозный воздух вдарил в голову, а кожа покрылась мурашками. Холодно! Взял с собой горячий кофе, сигареты и лист бумаги с ручкой.

Итак, что мы имеем? Цель-минимум: добиться уважения и авторитета на работе, расположения Лидки Фрайбергер, подняться как можно выше по карьерной лестнице, стать финансово независимым. Цель-максимум: сделать мир лучше, хотя бы тот, что вокруг меня. А между минимумом и максимумом еще сотни и тысячи мелких целей и задач, призванных привести меня к главной.

Много-много целей-кирпичей. Каждый поступок, каждое слово — кирпич. А что строить из них: высокую и прочную крепость для защиты себя и близких или ступеньки лестницы к высокой цели, — как раз и предстоит решить.

Мне хочется, чтобы моя Родина, а не «эта страна», как выражаются некоторые, жила лучше. Здесь рождались, росли, жили, воевали и трудились, любили и ненавидели, мечтали и горевали мои предки. Мысли о том, что где-то жизнь лучше, а у соседа лужайка зеленее, — удел нищих духом. Человек, который так думает, внутри пуст, потому что не уважает землю, на которой вырос.

Другая крайность — мечтать создать рай в своей стране, живя в хлеву. И как бы благородны ни были мои помыслы, о каком рае речь, когда у самого куча проблем?

А потому рай начну строить в отдельно взятой квартире. А еще лучше — начну с себя.

— Людям очень важны внешний облик, голос, поведение, осанка. Так что, Серега, советую сменить эти турецкие шмотки на что-то другое. Девушки внимательны к таким мелочам, с которыми ты давно свыкся и считаешь нормальными. Взгляни на свою обувь: грязная, нечищенная.

Лил дождь, под давлением встречного воздуха капли на лобовом стекле текли горизонтально, пока ленивые дворники не смахивали их с глаз долой. Мимо проносились зазывные неоновые вывески.

Леха решил подвезти меня до дома. В дороге он времени не терял и продолжал разбор полетов.

— Деньги-то есть?

— Найдутся, работаю все-таки, накопил немного.

— Прекрасно! Смени очки на контактные линзы, перемени одежду. Побрейся, наконец, что у тебя за фиговина под носом и на подбородке выросла? Ходишь, как Хоттабыч при постаревшем Вольке.

Леха рассмеялся собственной шутке.

— Ладно, идем дальше. Сходи к стоматологу, сделай чистку, отбеливание. Возьми что-нибудь неброское, но стильное, сам не сможешь — консультанты бутика помогут. И поработай над осанкой. Ну-ка, расправь плечи так, как сможешь, чтобы лопатки соединились. Во! Подними голову. Да нет, не запрокидывай ее, просто держи ровно. Эй! Плечи верни в исходное положение! Во! Так и ходи. И постоянно себя контролируй. Пару дней походишь, потом так привыкнешь, что для тебя это станет естественным.

Ты пойми: успешный человек двигается и ведет себя так, что у него и осанка прямая, и походка уверенная, и улыбка во все зубы, и голос властный. Потому что у него все замечательно! Отсюда следствие: если будешь вести себя уверенно, ходить с прямой осанкой, широкой улыбкой на лице, то твой организм сам начнет выработку гормонов счастья. А счастливому человеку все дается легко. И у тебя тоже все будет замечательно! Понял?

— Понял.

— Все, работай. Завтра я по делам улетаю, буду на следующей неделе. Бывай.

Леха подвез до подъезда. Только поднимаясь по лестнице, я понял, что не говорил ему, какой из подъездов мой, но не стал над этим

раздумывать: настолько сильно я был уверен во всесильности и всезнании Лехи.

Домой я шел с твердым намерением следовать всем его указаниям.

Спина, не привыкшая к таким нагрузкам, уже болела, но я упрямо продолжал контролировать расправленные плечи и высоко поднятую голову. До выхода из дома на работу оставалось полчаса, и тут в дверь долго и требовательно постучали. Вроде даже ногами.

На пороге стоял Василий — мой сосед справа. Жил Вася с женой Катериной. У них два несовершеннолетних сына: тезка мой — двенадцатилетний Сережка и Петька — четырехлетний вечно ноющий карапуз. Вася всегда был в состоянии холодной войны с супругой. Холодная война довольно часто, когда Вася в очередной раз приходил вдребезги пьяным, перерастала в бурные скандалы, с битьем посуды, ломанием мебели и применением тактического ядерного оружия. В такие моменты я включал музыку погромче, чтобы не слышать всей той грязи, которой воинствующие стороны обильно поливали друг друга. Жутким фоном ругани обычно служил хор воющих Сережки с Петькой.

— Сосед, одолжи стольник до получки!

Ох, Вася, Вася. Несколько раз в месяц он брал у меня займы с целью догнаться, а чаще опохмелиться. Деньги иногда отдавал. Иногда нет. На мои жалкие просьбы Вася чаще всего отвечал, что денег нет, всю получку зараза Катька забрала.

Катька денег мне не давала, мотивируя это тем, что Вася занимал, Вася пусть и отдает. И я уходил, в очередной раз кляня себя за мягкотелость, с твердым желанием больше Васе денег не давать.

Но Вася приходил снова, клялся и божился, что в последний раз, что отдаст лично, с получки, с заначки, перезаймет и вообще вернет с процентами. С бодуна чего только не наобещаешь, да? И я снова одалживал.

Как-то я сидел на балконе, а внизу у гаражей бухали какие-то мужики. Одним из них был Вася. Когда у мужиков закончилось пойло, они снарядили экспедицию в поисках средств на продолжение банкета.

Идти вызвался Вася, а составить ему компанию возжелал Кецарик — мелкий плюгавенький мужичок, напоминающий Шарикова из «Собачьего сердца». Как звали Кецарика, не помнил никто, даже Вася. Но собутыльником он считался душевным, и его часто угощали.

У моей двери они остановились, и я услышал громкий шепот.

— Кецарик, иди на пролет вниз, а то этот шпендик испугается и денег не даст.

— А может, он и так не даст?

— Да даст, он всегда дает. Просить надо уметь.

Прошло минут десять (видимо, Вася ждал, пока Кецарик скроется из виду), потом Вася позвонил. Я открыл дверь и увидел его со скорбной миной. Хотя я от и до слышал их разговор с Кецариком, мне показалось, что у него действительно случилось горе.

— Серега, братишка, выручай! У Петьки Полкан под машину попал, надо срочно операцию делать! Иначе все, кранты собачке.

Гордым прозвищем Полкан звали миниатюрную вредную собачку невнятной породы. Пес этот вечно меня облаивал, норовя цапнуть за ногу, а когда раз в день его отпускали на выгул, он часто не дожидался улицы и опорожнялся прямо на мою дверь.

И я выручил. Дал займы денег на операцию Полкана, потому что боялся конфликтов, боялся обидеть человека. Мне проще и удобнее было дать Васе желаемое, чем сказать «нет» и захлопнуть дверь.

И вот все повторилось. Снова скорбь на Васином лице, недельная щетина, слипшиеся мутные глаза, выпяченная нижняя губа и перезрелый перегар. Правая рука согнута, а ладонь повернута вверх — поза просящего милостыню. Васю шатало. В общем, Вася все тот же. Но я-то — уже нет!

— Вася, ты долг принес?

— Ы? Какой долг?

— Короче, Василий, ты мне уже должен больше пяти тысяч. Когда отдашь, тогда и поговорим.

Я захлопнул дверь. Почти ликуя, но все еще недовольный собой. Все-таки надо было этого синяка еще и в эротическом направлении отправить. А что? Еще не поздно! Я открыл дверь. Вася все так же стоял, но при виде меня его лицо расплылось в улыбке. Наверное, этот идиот решил, что я одумался и возжелал одолжить ему столярник.

— Серега, друг, брат, выручи по-соседски, — заканючил он. — Стольник всего-то!

— Знаешь что, Вася? Иди-ка ты!

— Чего?

— Ты все слышал. А если твоя вонючая шавка еще раз нагадит мне под дверь — ей конец, а ты тут все отмоешь. Понял?

Вот теперь можно захлопнуть дверь. Что я и не преминул сделать. Вид шокированной Васиной физиономии стал для меня лучшей наградой.

Стоило мне подумать, что, кажется, я нашел способ давать отпор, зазвонил телефон. Звонил Миха. Не могу сказать, что мы большие друзья, но из всех коллег с ним у меня сложились хоть какие-то отношения: несколько раз ходили вместе в бар и общались на почве любви к одной онлайн-ролевухе. Той самой, где Альянс против Орды^[4]. Миха, двухметровый толстяк-бородач весом под полтора центнера, как полагается, играл за прекрасную ночную эльфийку. В компании он работал юристом.

— Здорово, старик! — бодрый Михин голос ни с чем не перепутаешь. Он невероятно звонкий и пронзительный. — Не разбудил?

— Никак нет, Миха, уже собрался выходить. Что-то случилось?

— У меня-то ничего, старик. А вот что случилось у тебя? — я услышал, как он тяжело дышал, услышал шум машин, трение рукавов о куртку и понял: Миха шел по улице, ему стало скучно, и между сигаретами он решил позвонить кому-нибудь.

— У меня все в порядке.

— Да? Слухи всякие ходят: мол, набухался ты вчера, Жорику нагрубил, Степаньчу, на Панченко телегу накатыл. Серьезная заявка, с чего это ты вдруг?

Похоже, Миха позвонил мне не первому. Я почему-то улыбнулся своей проницательности, но одновременно стал закипать.

— А ты чего вдруг слухам стал верить, Мих? И на фига звонить с утра? На работе бы пересеклись, спросил бы.

— Старик, да не напрягайся ты так. Мы же это... типа друзья, а если у друга проблемы, другой друг имеет право знать.

— Все нормально... друг. Долгая история, ничего серьезного, расскажу при встрече.

— Да рассказывай уже! Глядишь, помогу чем, юридически проконсультирую.

— Миха! Я так на работу опоздаю! Все, пока!

— А, ну ладно, давай, до встречи.

Миха недовольно отключился. Как же, у меня что-то происходит, а что именно — непонятно... Любопытно. На правах друга, так сказать, имею право знать и требую соблюдения своих прав!

Кретин.

Честно, я не знаю, как еще назвать всех этих милых людей, которые то и дело вторгаются в мою жизнь. Если бы все было так просто, как с Васей, тут и рассуждать было бы не о чем. Но он настолько примитивен в своей хитрости, что раскалывается, как оказалось, в два счета.

Бывает, погряз в каком-то деле, зашиваешься, мозг кипит. Окружающие это видят и реагируют. По-разному, но чаще всего реакция маскируется под сочувствие, желание помочь, хотя срабатывает банальное любопытство.

Хороший повод выяснить, что у тебя происходит, — выбрать позицию филина-мыслителя, по умолчанию мудрее тебя.

«Сочувствующие» еще хуже. Попричитают: «Ой, горе-то какое!» — и сразу же переключаются на другое. Конечно, любопытство удовлетворено, твои проблемы — решай сам, но на тебе немного моей жалости и моих лажовых советов.

Позже я рассказал Лехе о своем неумении правильно реагировать на таких типов. Он посмеялся: «Как реагировать на их реакцию? Серег, да все просто. Как минимум осмыслить то, что предлагают, поблагодарить за сочувствие, восхититься изящным решением и спокойно двигаться дальше. Множить негатив и проблемы, когда их и так по уши, смысла нет».

Но это было потом. А тогда начинался новый день, впереди было много целей, которых надо достичь, и задач, которые надо решить. Я

не спал всю ночь, но ощущал такую легкость и бодрость, что все казалось выполнимым.

Жизнь уже не была серой и однообразной, на войне скучно не бывает.

ГЛАВА 5

Нет — и точка

Я вышел из квартиры, захлопнул дверь. Тихо. Внизу слышался мерный храп. Оп-па! Так я и думал: этажом ниже на площадке спал Вася. И вот с этим недоумком я не хотел ссориться?

Я осторожно, стараясь не задеть тело, перешагнул Васю и уже почти выкинул его из головы, как он ухватил меня за ногу. Я слегка напрягся. Повернул голову и спросил:

— Что?

— Серега, Христом Богом прошу, не пьянки ради, а здоровья для! — прохрипел Вася.

— Куда дел сокровища убиенной тобой тещи, животное? Бог подаст. Ногу отпусти.

Вася обессиленно откинулся, но рукой продолжал цепляться за штанину. Я выдернул ногу из цепких лап соседа и побежал вниз.

Вот это уже здорово. Раньше я долго объяснял Васе, почему не могу дать займы, докладывал ему о своих покупках и тратах — былых и планируемых, — а потом все равно давал. Потому что Вася тупо кивал головой, стараясь показать: да, конечно, Сережа, я тебя понимаю, вхожу в положение, но денег дай. И тупо клянчил, игнорируя все мои объяснения.

А все проще на самом деле! Еще вчера Леха мне об этом рассказал, но тогда для меня актуальнее были офисные отношения, и я большого значения этим советам не придал. «Нет!» Одно слово. Или три: «Нет — и точка!»

А еще круче — без восклицательных знаков. Спокойно, твердо и без эмоций. И главное — без малейших раздумий и колебаний. Увидят, что вроде бы сомневаешься, — все, суши весла. Так что: «Нет». Обессиленный заемщик спросит: «Ну почему нет?» Тогда вариант такой: «Просто нет». Не надо говорить: «Не могу» или «Не хочу». Эти слова обязательно повлекут за собой вопросы, на которые односложно уже не ответишь.

Теперь уже я буду тупо, даже не пытаюсь придать лицу и голосу выражение сочувствия, говорить «Нет». И это касается не только тех случаев, когда у меня хотят взять взаймы. Это касается всех случаев, когда меня используют. Баста!

Я вышел во двор и увидел прислоненный к стене пакет с мусором. Содержимое его переполняло; видимо, чтобы оно не вывалилось, пакет был перевязан. Обычный черный мусорный пакет с обычным бытовым мусором: из дырки под узлом высовывались горлышко бутылки из-под какого-то вина, использованные салфетки, пустая банка из-под черной икры — в необычном месте, не предназначенном для мусора. Я огляделся.

Чуть дальше, на стоянке своей черной BMW, нервно курил Артур. Вообще-то его имя Виталий Артуров, но все звали его Артуром. С этим соседом у меня сразу не сложились отношения.

Артур был предпринимателем средней руки, владел несколькими небольшими продуктовыми точками, но чувствовал себя как минимум олигархом. И вел себя соответственно. Выставлял все нажитое добро напоказ, постоянно хвалился успехами, покупками и местами отдыха, будь то элитный ресторан или отпуск в отеле «Бурдж-эль-Араб» в Дубае, где он сфотографировался с Шарлиз Терон, после чего вся его жизнь разделилась на две части: до встречи со знаменитостью и после.

Сожительствовал Артур с классической (в его представлении) секс-бомбой: высокой крашеной блондинкой с развитой грудью и мощными бедрами. У меня сложилось четкое ощущение, что для Артура она не более чем еще один атрибут жизни олигарха. И относился он к ней как к породистому домашнему питомцу, которого надо правильно затюнить, красиво одеть, хорошо напоить, накормить и выгулять. В общем, холил он ее примерно так же, как Миха свою ночную эльфийку.

Судя по всему, не меньший трепет он испытывал к своему пузу, которое выросло в два раза с тех пор, как я поселился в этом доме. Артуру было чуть за тридцать, брови и ресницы выцветшие, из-за чего и взгляд какой-то рыбий. И вообще, на таких, как я, безлошадных

очкариков, живущих от зарплаты до зарплаты, он смотрел как на пустое место.

В любой другой день до встречи с Лехой я бы прошел мимо, поздоровавшись. Обычно Артур либо кивал головой в ответ, либо вовсе игнорировал приветствие. Это, впрочем, не сильно меня расстраивало: я знал, что он себя ведет так со всеми соседями. Наверное, было даже удивительно, как в нашем небогатом доме поселился такой человек, как Артур. Но факт в том, что жил он в доме с детства, с первых серьезных заработков выкупил соседние по площадке квартиры и объединил их в одну. А дальше — дело привычки. Вася, как и остальные соседи, его шугался, мнил себя Артур первым парнем на деревне, а поэтому ли, или из ностальгии, или привычки место жительства не менял.

Когда я увидел мусорный пакет, то сразу понял, чей он. Дом у нас небогатый, и сомневаюсь, что кто-то, кроме Артура, покупает черную икру. Да и вино, честно говоря, большой популярностью у жильцов не пользовалось. То ли дело пиво или водка.

Я подошел к Артуру, вытащил сигарету, закурил и поздоровался:

— Виталий, доброе утро!

Он посмотрел на меня и ответил:

— Хреновое утро! Не видишь, аккумулятор сел — на ночь забыл фары вырубить. Не было печали, черти накачали! А тебе чего?

— Хотел спросить, не вы ли забыли мусор у подъезда?

— Что? Какой мусор?

— Да вон же, пакет черный, — я кивнул в сторону подъезда.

Артур мельком глянул, бросил бычок, раздавил его ногой, сплюнул, посмотрел мне в глаза и уверенно сказал:

— Не-а, не мой. Какой-то баран оставил. Оборзели, черти! До мусорки уже лень дойти?!

— Не ваш? Ну ладно, я тогда пошел, а то на работу опаздываю, — сказал я. Строить из себя Холмса и проявлять дедуктивный метод не было времени.

— Тогда бывай... — Артур прищурился. — Слушай, потребитель! А может, это твой мешок? А? Я же когда выходил, его не было, а потом ты вышел... Ну и дела! Да это же ты мне свой мусор впариваешь, потребитель!

— Э-э-э... — как и в ситуации со срывом проекта на планерке у Степаныча, я впал в ступор.

— Чего ты блеешь, овца? Мухой забрал свой мешок и отнес на помойку, понял?

— Да не мой это мешок! Я для того и подошел к вам, чтобы узнать, чей он! — меня наконец-то прорвало. — Я вообще такими пакетами не пользуюсь!

— Заткни фонтан, четырехглазый. Взял мешок и отнес на помойку. Больше повторять не стану.

Кровь прилила к лицу, в горле пересохло, меня всего трясло. Я не нашелся, что ответить. И если быть до конца откровенным, даже если бы нашелся, не ответил.

Поэтому я молча, чувствуя на себе взгляд Артура, пошел, взял этот чертов мешок с мусором и отнес к мусорным бакам.

По пути к метро мне пришло в голову несколько отличных ответов Артуру. Скажем, «нет». Почему я не сказал ему «нет»? Или «нет — и точка»? Да уж, решить что-то делать оказалось намного проще, чем делать то, что решил.

В общем, я шел, мотал на кулак сопли, глотал обиду и преисполнялся все большей решимостью меняться. Потому что это чистая эволюция по Дарвину: выживают сильнейшие. К счастью, в отличие от кролика, который никогда не будет волком, я могу стать сильнее.

Просто надо делать все, что советует Леха.

Итак, сегодня пятница. До вечера я на работе, значит, покупку новых шмоток придется отложить на завтра. Кое-какие деньги на счету накопились: все-таки живу один и больших расходов нет.

Жаль, что машиной еще не обзавелся. Позволить себе купить какую-нибудь подержанную иномарку я могу, но прав нет, да и ездить не умею. В общем, еще две задачи на этот год: научиться водить машину и получить права.

В метро, как всегда утром в будни, столпотворение. Бегом спустился по эскалатору, двинул в другой конец перрона — оттуда

потом ближе будет к выходу. Кое-где на лавочках спали бомжи. Уверен, когда-то они не смогли чему-то или кому-то сказать «нет».

У перрона поезда ждал в основном средний класс и пролетариат. Кое-где в толпе вкраплениями стояли агрессивные бабки. Сонно зевая, переминались с ноги на ногу студенты. Либо на зачет, либо ботаники. Нормальные студенты обычно на первые пары забивают. Или уже не забивают?

Подъехал поезд, раскрылись двери, и толпа ломанулась в вагон. Распихивая всех локтями и наступая всем на ноги, бабки пошли на штурм. Некоторые, совсем уж слабые, натыкаясь на широкие спины и плечи рабочего класса, отскакивали, как мячики от стенки. К счастью, в процессе расталкивания им помогали здоровенные сумки не пойми с чем.

Я не успел и глазом моргнуть, как все бабки оказались внутри вагона, двери захлопнулись, а я и еще пара хилых студентов остались на перроне. Черт! Пора позаботиться и о собственном физическом развитии.

На вахте сегодня Николаич, Жорик отдыхал. Николаич, в принципе, неплохой мужик, правда, всегда угрюмый и молчаливый. На приветствия он обычно бурчал что-то в ответ, а когда с ним здоровался я, вообще не достаивал меня ответом и гордо молчал. Оживал он только при виде генерального, вскакивал с места и громко, с показным уважением, здоровался.

— Здравствуйте, Игорь Николаевич, — поздоровался я с ним. — Как жизнь?

Николаич кивнул, показывая, что жизнь, мол, в порядке, не мне, Резвею, ему такие вопросы задавать. Елки-палки! Синдром вахтера в действии. Сидит это чудо в кепке, в сорок с чем-то лет не нашедшее достаточно мозгов или сил устроиться на другую работу, и строит из себя пуп земли. Он даже не смотрел на меня.

— Николаич, с вами все в порядке? Не заболели? Все молчите и молчите, или немота какая напала? — с почти искренним удивлением спросил я. — То-то я думаю: что-то наш Николаич в последнее время

не такой, как всегда. На входящих внимания не обращает, не говорит ни с кем, мычит только. Вам, дедушка, лечиться надо — тишина, покой. А генеральный знает, что нездоровы вы? Больным не место в нашей компании! Сегодня же поставлю начальство в известность!

Николаич ошеломленно посмотрел на меня. Вид у него такой, словно он только что лично узрел Папу Римского, но не ведал, как обратиться, да и отчества не знал. Ответа дожидаться я не стал и сразу пошел к Степанычу. Прошное недоразумение надо устранить.

— Понятно, Сергей, — сказал Степаныч, потом нажал кнопку на телефонном аппарате. — Фрайбергер, ко мне, живо.

Вчера я по-джентльменски выручил симпатичную мне девчонку, потеряв по этой глупости квартальный бонус. Хорошие деньги, между прочим. Мой поступок не оценили и восприняли как слабость. Более того, как призыв не стесняться и пользоваться Резвея всем и чаще.

Пришлось исправляться. Я без запинок, без всех «э-э-э» и «ме-е-е», рассказал Степанычу истинную причину задержки проекта, что, как ни странно, его не удивило. Умудренный опытом мужик. Интересно, сколько таких человек сидели у него в кабинете и без зазрения совести подло сливали компромат на своих коллег? Хотя в моем случае это не подлость, а восстановление справедливости.

В дверь коротко постучали, потом на пороге появилась жизнерадостная Лидка. Юбка едва прикрывала роскошные бедра. Высокая грудь мерно колыхалась, светлые волосы собраны. Красивая, что уж там. Степаныч, похоже, был такого же мнения и с жадностью ее рассматривал.

Улыбка сползла с ее прелестного личика, а брови удивленно вскинулись вверх, когда она увидела меня.

— Михаил Степанович, вызывали? — севшим голосом спросила Фрайбергер.

— Да, Лидия, садись, — сухо сказал Степаныч. — Ты не хочешь внести кое-какие изменения в версию о причинах задержки проекта?

Лидка кинула на меня быстрый досадливый взгляд и села как прилежная ученица: ноги вместе, руки на коленях. Лишь впившиеся в

ладони ногти выдавали волнение.

— Хочу, — вздохнула Лида. — Выполнение проекта задержано по моей вине. Резвей свою часть работы выполнил вовремя.

— Тогда будет справедливым снять штрафные санкции с Сергея и лишить бонуса тебя?

— Да, это будет справедливо.

— Хорошо. Заканчивайте проект.

Степаныч откинулся в кресле, показывая, что разговор закончен. Когда мы подходили к двери, сзади раздался его голос:

— А вы хорошо смотрите вместе, ребята.

Лидка фыркнула, а я, обернувшись, увидел на лице заместителя директора лукавую улыбку.

По пути я попытался утешить Лидку:

— Да ладно, Лид, купишь себе на пару губных помад меньше, делов-то!

Лидка остановилась, потемневшими изумрудными глазами посмотрела на меня и сказала:

— Да па-ашо-ол ты-ы!

И побежала. Смешное это зрелище: девчонки вообще плохо бегают, а уж на каблуках...

В пятницу работать никому не хотелось. В отделе царило оживление: впереди насыщенный пятничный вечер и два выходных. По традиции в пятницу гулять начинали в офисе. Я в таких мероприятиях участвовал всего пару раз, потому что приглашали, только когда денег не хватало. Я не отказывался и оставался, предпочитая дружеской беседе молча выпивать.

День прошел почти спокойно.

Правда, у Панченко заметно испортилась координация движений. Проще говоря, он с завидной регулярностью падал. Вроде идет человек — и вдруг на ровном месте спотыкается. Падая, он каждый раз извинялся.

Все объяснялось просто: он умудрялся наткаться на неожиданно выставленные ноги коллег. Со стороны выглядело довольно мирно.

Шел Панченко мимо Гараяна. Тот сосредоточенно глядел в монитор, раздевая в стрип-покере красивых «дэушэк». Потом Гараян зевнул, потянулся, его вытянутые ноги неожиданно оказались перед Панченко. Панченко упал. Никто не засмеялся, все сочувственно стали интересоваться, не больно ли ушибся Костик, как же его угораздило в пятый раз на том же месте, и вообще, не пора ли Костику менять работу, раз на него так плохо атмосферные изменения влияют?

Панченко pokruxтел, отряхнулся и сообщил заинтересованным лицам, что с ним, Константином Панченко, все в порядке, а атмосферные изменения ему вообще побоку. И вообще, он, Панченко, не смог уловить связи между атмосферными изменениями и работой.

Это продолжалось до тех пор, пока Костик, неся бокал с кофе, не кувыркнулся в очередной раз, расплескав все на Бородаенко. Саня взревел, как раненый слон, и начал материться. Костя Панченко узнал много новых слов. А потом пошел застирывать рубашку Бородаенко.

Когда же он вернулся, то скринсейвером у него стала фотография полового акта столь нетрадиционного, что даже Гараян покраснел. А еще кто-то поставил пароль на его компьютер.

Учитывая, что вчера Лидка зарезала Костино маркетинговое исследование, доходчиво объяснив, что первокурсники сделали бы лучше, чем он, Панченко впал в депрессию и отчаяние. Потому что на переработку отчета сроку у него — до вечера.

— Ребята, скажите пароль! — жалобно просил он.

— Слушай, не компостируй тут всем мозги, дался нам твой компьютер! Забыл, небось, свой пароль, а теперь ищешь причину, чтобы не работать, — сказал Саня.

— Да, Костя, помолчи, работать не даешь, с мысли сбиваешь, — попросил Гараян, сосредоточенно жуя бутерброд.

Зараза-Лидка делала большие глаза и показывала Панченко два жеста: стучала указательным пальцем по своим часам, потом проводила оттопыренным большим пальцем по горлу.

Остаток дня Костя передвигался, как слепой сапер на минном поле темной ночью. Ходил он осторожно, смотрел в пол и широко расставлял руки, как будто ограждая себя от нечистой силы. Потом ушел к дизайнерам, которые милостиво выделили ему один компьютер за мизерную цену в бутылку коньяка. Костя попытался сторговаться на

шоколадку, но услышал резонный отказ от главаря дизайнеров и богини «Фотошопа» Милки:

— Панченко, «с меня шоколадка» — самая лживая фраза всех времен и народов. Никто и никогда еще не видел своими глазами ту самую обещанную шоколадку! Да и вообще, мы на диете. Тащи коньяк, и торопись, потому что предложение действительно только в течение часа!

А вечером Панченко, тихо ликуя, принес отчет и привел с собой трех девчонок с дизайнерского, включая Милку.

— Ребята, девчонки с нами хотят посидеть! — радостно выпалил он. — Вы не против?

— Мы? — уточнил Макс Кравцов, один из самых опытных и спокойных менеджеров отдела. Макс славился тем, что никогда не вмешивался и не был замешан ни в одном конфликте внутри компании. — Нет, Костик, мы только «за». Особенно учитывая, что сегодня ты всех угощаешь. Вы как, ребята?

— Да, Панченко, раскошеливайся! Сам с первой зарплаты обещал! — напомнил я.

— Не жмись, салага, — покровительственно вещал Бородаенко. — Мы жадных не любим. Мы любим нежадных!

— Да, Костя, жадным быть плохо, — подтвердил Левон Гараян. — Организм слабеет, зрение портится, вестибулярный аппарат тоже.

Костя помялся, но терять лицо перед девушками ему не хотелось. Тем более все сказано однозначно и предельно ясно.

— Да я что, я не отказываюсь, — промямлил Панченко. — Что брать-то?

Оживившись, народ начал перечислять необходимое для скромной офисной гулянки, а Костя, высунув язык, записывал.

Я же думал, что за эти два дня вроде бы ничего не изменилось, но почему-то настроение и ожидания у меня совсем другие, чем обычно.

ГЛАВА 6

Другая пятница

— Да достало все, Миха, понимаешь? Пытаешься всем угодить, никого не обидеть, в результате обижаешь только себя. Ну куда это годится? Вот и психанул.

Мы с Михой курили в туалете, пока у нас в отделе в полном разгаре была пятничная гулянка. Костя Панченко расстарался: приволок два тугих пакета с алкоголем, напитками и закуской. До нас доносились визг Милки Чердаклиной, потом бас Бородаенко и заразительный хохот Гараяна.

— Ох, старик, не поздно ли в твоём возрасте себя менять? — Миха глубоко затянулся сигаретой, выдохнул. — У меня, думаешь, жизнь лучше? Юриста все ненавидят. Сегодня прибегает продажник, Рашид из коммерческого. Вопит: «Где мой договор с компанией “Печкилавочки”?» Натравливает комдира — Семенов срывает нам продажу. Комдир летит к Степанычу. А тот знает же, что на мне еще сто двадцать два договора и все нужны вчера...

— Может, помощник тебе нужен?

— Серег, да прошу я того помощника уже второй год, а толку? Степаныч обещает, на Кацюбу ссылается, Кацюба на финотдел кивает — не предусмотрено бюджетом. Да в задницу! — Миха сплюнул. — Знаешь, для меня жизнь делится на две части. Первая — офис и вся эта фигня, с ним связанная, с этими играми подковерными, подставами, фарсом и ложью. Это одна жизнь: сорок часов в неделю плюс еще двадцать на дорогу да за «здорово живешь» на переработки. Я с этой частью жизни давно разобрался: мне она неинтересна, но нужна, чтобы я мог полноценно проводить вторую. Ту, что мне нравится.

Миха хорошо поддал, и язык у него немного заплетался.

— А вторая часть? Играешь?

— Не только, Серега. Ты не знаешь, а я тебе скажу. Живу с родителями: они на пенсии, мать болеет, ей уход нужен. Ну да ладно, сестра помогает, она с дочкой после развода с нами живет. Прихожу

домой с работы с такой радостью, ты б знал! Открываю дверь, а там уже Полинка встречает, племянница, радуется! На столе ужин: борщ со шкварками, отбивная свиная, картошечка жаренная с грибами и луком...

Миха сглотнул слюну. Я — непроизвольно — тоже.

Между тем Миха продолжил:

— Прихожу с работы я поздно обычно, уже все поужинали, так что ем, потом читаю или разговариваю с домашними, делимся новостями. Потом включаю какой-нибудь сериал, сейчас вот «Во все тяжкие» смотрю, видел? Нет? Посмотри, там про одного учителя химии, он раком заболел и решил перед смертью семью обеспечить — стал варить наркоту...

— Посмотрю, — ответил я.

А сам подумал: «Когда бы успеть...»

Мы закурили по новой.

— Вот, а потом у меня игра, рейд^[5], ну, ты в курсе — собираемся всем статиком^[6] и идем траить^[7] очередного босса. И вот там-то у меня полноценная жизнь, общение. Я с девчонкой там одной познакомился где-то полгода назад, Ульяной зовут. Она из Киева, правда, но это неважно. Главное — именно там я чувствую себя своим, ощущаю уважение, общение построено не на лжи. Живу я там, понимаешь? Дом, семья, книги, фильмы, сериалы, World of Warcraft и моя гильдия — вот это моя жизнь. А здесь... Здесь я существую.

— Понимаю, Мих. Еще как понимаю. Только у тебя есть жизнь в этой твоей второй части, а у меня и ее нет. Вся моя жизнь — сплошное существование. Сегодня с утра один урод-сосед ломился ко мне в дверь ногами, чтобы занять денег на опохмел! Для него это в порядке вещей, представь? И дело не в нем, а во мне: он же ни к кому больше так не ломится! А второй отправил меня выносить собственный мусор, представляешь?

— Ни фиги себе, как это?

Я начал было рассказывать, но в туалет вломились Кравцов с Гараяном, распевая «Наша служба и опасна, и трудна». Так что мы с Михой ретировались.

— А помните, еще все вкладыши собирали? — мечтательно спросила Милка. — Love is...

— Что за вкладыши? — поинтересовался Костя.

— Эх ты, салага! Не знать, что такое вкладыши! — встрепенулся Бородаенко. — Ты сиську сосал, когда я, да и вся страна вплоть до пубертатного возраста впадала в экстаз при получении нового вкладыша. Были такие картинки, вложенные в упаковку жевательной резинки...

— Вкладыши! — перебил Саню Гараян. — Я Final-90 собирал, с футболистами. Помню, никак сборную ФРГ нигде не мог найти! Она только у Ашота была, моего двоюродного брата. Чего я ему только не предлагал за нее, даже целый нераспакованный блок Final'a, а он только смеялся. Хотя сам Turbo собирал!

— Точно! — подтвердил Саня. — У нас сборные менялись на пять-шесть вкладышей с игроками. А сборную ФРГ я даже не видел.

— А мы «сотки»^[8] собирали, — вспомнила Лида. — Их еще фишками называли. Играли до умопомрачения.

Мы уже хорошо выпили, но домой никто не спешил. То, что принес Костя, давно закончилось, так что сходили и добавили. Николаич, правда, пытался качать права, грозился служебную записку накатать на всех «о распитии спиртных напитков», но его усадили, налили коньяку, поднесли бутерброд, и он, выпив и закусив, успокоился.

— Да я что, ребята, я ничего, работа такая: за порядком следить, я же к вам с душой... — говорил разомлевший Николаич, изредка бросая на меня настороженные взгляды.

— К нам с душой, и мы с душой, — очень тихо заметил я.

Мы сидели и вспоминали детство. Не все мы были коренными петербуржцами. Поэтому, находя что-то общее, радовались и начинали это оживленно обсуждать. Вспомнили Карлсона, капитана Блада, Алису Селезневу, морской бой и металлический конструктор, выжигатель по дереву и настольную игру «Менеджер», сборки металлолома и макулатуры, первые видеосалоны, воскресные диснеевские мультики по ОРТ, первые игровые приставки Dendy...

— Я тоже Turbo собирал, — вклинился Кравцов в вечер воспоминаний. — Мы еще постоянно в «хлопушку» играли, помните?

Каждый клал по вкладышу в общую кучу, потом по очереди хлопали ладошкой, что перевернулось — твое.

— У нас отдельные хитрецы смачивали ладонь слюной, — добавила Милка. — Мы у таких конфисковали всё и гнали взащей.

— Фигня ваши вкладыши, — вдруг сказал Саня, весело сверкнув глазами. — Хотите историю?

— Какую? — спросила Лидка.

— Историю про то, как я почти поехал в «Артек»!

— Что за «Артек»? — спросил Костя. — Лагерь какой-то?

Вел он себя весь вечер довольно тихо. Не развязно, как обычно, но чувствовалось: был доволен, что влился. Тем более первые тосты были за его первую зарплату с хорошими пожеланиями, и даже Миха Семенов расчувствовался и произнес трогательную речь о своей первой зарплате.

— Какой-то! — поучительно сказал Саня. — «Артек», Костя, это как сейчас Куршевель, только для пионеров. Ну так что, будете слушать историю? Только сначала накатим. Костик, наливай.

— Будем, будем! — загомонили девочки.

Костя несколько неуклюже всем разлил. Чокнулись, выпили.

Начал Саня торжественно:

— Слушайте и не говорите, что не слышали историю юного Александра Витальевича Бородаенко о том, как рухнувший социалистический строй поломал его так прекрасно складывавшуюся карьеру филателиста. Случилось это в городке столь небольшом, что его название вам ничего не скажет, мои юные друзья. Было мне лет девять, и я собирал марки.

Костя хрюкнул. Я тоже едва сдержал улыбку: представил маленького девятилетнего вечно хмурого и всем недовольного Саню Бородаенко, с лупой склонившегося над альбомом с марками.

— Гусары, не ржать! У нас в школе тогда все марки собирали! Особо увлекшиеся даже ходили во Дворец пионеров в кружок филателии. Потом на переменах понтовались новыми марками: «Монгол Шуудан» или прекрасной коллекцией «живописи», которую фиг где купишь, кроме специального магазина «Филателия».

— У нас тоже такой был, — вспомнил я.

— Резвей, дальше будешь сам рассказывать, понял? Только перебежь еще раз! — рассердился Саня.

Народ зашикал.

— Молчу, — улыбнулся я. — До смерти хочется дослушать до конца эту леденящую кровь историю!

— Итак, пока мои одноклассники наслаждались репродукциями картин Рафаэля и Микеланджело, я собирал «фауну»: марки с изображениями животных. На этом-то меня и подловил один одноклассник — твой тезка, кстати, Резвей, — и заманил в этот самый кружок. «Только в кружке, — говорил Серега, — ты сможешь купить любую “фауну”! Даже кубинские марки!» Безмерно впечатленный такой перспективой, я тут же согласился. Кубинские марки были самыми клевыми — это вам любой советский школьник эпохи заката советской империи подтвердил бы!

В кружке меня постигло разочарование. Я и не знал, что для марок есть специальные альбомы, и раньше просто тупо наклеивал их в альбом для рисования.

Короче, после первого посещения кружка я выклянчил у родителей денег на альбом для марок, который называется кляссер. Почему-то при слове «кляссер» мы ржали, а со временем оно стало у нас оскорбительным. Так что Лева Натансон неслучайно стал «Кляссером», но это отдельная история.

За альбомом мы с корешем поехали в ту самую «Филателию» на другом конце города. Район этот у нас пользовался дурной славой. Местная шпана считала своим долгом допросить каждого чужого пацана на предмет принадлежности к району и в случае несоответствия так отделать, чтобы приезжать к ним было неповадно. Но у нас ходили легенды: если сказать, что ты знаешь Мишу Кривого, то тебя отпустят. Не знаю почему, но один раз, когда Серега поехал за свежей «живописью», его отбуцкали так, что ему никакой Миша Кривой не помог. Мало того, после слов «Я знаю Мишу Кривого!» его стали бить с еще большим остервенением. Наверное, этот Миша Кривой был каким-то уродом.

Но в тот раз нам повезло и альбом я купил без приключений.

Так началась моя карьера филателиста.

А через некоторое время наш тренер объявил, что пора готовиться к городской выставке филателистов. Тренером мы его называли, потому что он вел еще секцию бокса, и многие из нас ходили к нему и туда.

На идею участвовать в выставке не повелся никто, это оказался тот еще геморрой. Надо было купить специальные выставочные листы, грамотно расположить там марки определенной тематики в клеммташах — это такие пленочные карманы для марок — и все аккуратно подписать.

Ключевое слово во всем этом — аккуратно. Печатными буквами прямо писать я не умел тогда, маленький был еще. А тренер, зараза, сказал, что это ерунда, можно под трафарет делать пояснительные подписи. И вообще, если, мол, я одержу победу на городской выставке, меня наградят путевкой в «Артек».

На слово «Артек» у нас, пионеров, тогда была такая же реакция, как сейчас у школоты на какую-нибудь Меган Фокс.

В общем, развели меня и еще нескольких пацанов, включая Серегу, на участие в этой выставке. У них там тоже какой-то свой план был: обязательная норма участников.

Тренер отговорил меня делать выставку про животных: «Это избитая тема, Саша». Взамен предложил тему «Владимир Ильич Ленин в зеркале мировой филателии».

Вот это была жесть. Черт с марками-то, их было много тогда с Лениным. А вот подписи! Под каждой маркой надо было зафигачить познавательную подпись. А какая подпись может быть, если марок — триста и на всех один и тот же человек?! Пришлось идти в библиотеку и брать книги о Ленине.

Дальше я уже фантазировал. Скажем, стоит Ленин на броневике. Моя подпись: «В. И. Ленин на Финляндском вокзале». А вот еще один Ленин на броневике. Подписываю: «В. И. Ленин в Варшаве». Благодаря моим познаниям в географии Владимир Ильич побывал везде. Судя по моим пояснительным подписям, В. И. Ленин проводил агитацию мирового пролетариата даже в Австралии.

Короче, я одержал безоговорочную победу на выставке. Мне выдали диплом и сказали: «Готовься, Саша, к “Артеку”».

Я очень обрадовался и всем об этом рассказал. Девчонки хотели со мной дружить, а Серега кипел от зависти.

В общем, пару недель я ходил в героях.

А потом Союз развалился, и ни о каком «Артеке» речи быть не могло, — грустно закончил Саня.

— Александр Витальевич... — обратился Костя к нему. — Можно, я вас Кляссером буду называть?..

Из офиса пошли пешком. Метро уже закрыто, а нам нужно было заглянуть в ночной магазин и взять алкоголь: решили посидеть у меня. Нормального человеческого общения Михе не хватало, как и мне. С нами увязался Гараян, которого бросила жена и которому тоже хотелось общения. Кроме того, вечерний моцион, как он заявил, очень полезен для сброса веса.

— А что, очень даже душевно посидели, — тяжело дыша, заметил Миха. — Как считаете?

— Вполне, мне понравилось, — ответил я. — А тебе, Левон?

Я оглянулся и увидел, что Левон отстал шагов на десять. Я остановился.

— Сережа, Миша, давайте помедленнее пойдем, — попросил он. — Я устал.

— Может, лучше такси возьмем? — предложил Миха, который тоже страдал лишним весом и одышкой.

— Хорошо, жирдяи, уговорили, — засмеялся я. — Вот вам и вечерний моцион!

Я поднял руку, голосуя, и возле нас резко притормозила разбитая вершина российского автопрома с ягодным названием. Впрочем, нас это не смутило: Гараян лихо нырнул в салон рядом с водителем, мы с Михой расположились на заднем сиденье.

Я сказал бомбиле, молодому парню интеллигентного вида, в очках, куда ехать, попросив притормозить возле любого открытого продуктового магазина. В магазине закупились, потом вернулись в машину и поехали ко мне.

Некоторое время ехали в молчании, а потом Миха спросил:

— Левон, а чего с женой-то?

Гараян прокашлялся, открыл окно, закурил, предварительно знаком спросив разрешения у водителя.

Потом ответил:

— Поссорились.

— Опять? — не удивился Миха.

Жена у Гараяна была молодая, шептунья и дерзкая. Уходила она от мужа регулярно, но каждый раз Левон ее возвращал: сначала обижался, грозил разводом, потом отходил, переживал, горевал и шел на поклон, сдаваться на ее условиях.

— Опять, — согласился Левон.

— Из-за чего?

— Она спросила: «Ты меня любишь?» Я ответил: «Конечно!»

— И?

— Да так вот, слово за слово — поругались, она дверью хлопнула и к маме уехала.

Мы с Михой заржали.

Отсмеявшись, я сказал:

— Плюнь! Сколько раз ссорились-то? Вернется!

— Так она возвращается, если я прилагаю усилия, понимаешь, Сережа? А я вот думаю: если я не буду ее возвращать, она вернется?

— Конечно, вернется, — заявил я. — Вернется же, Миха?

Миха промывчал что-то утвердительное.

— Да вам-то откуда знать? — воскликнул Гараян. — У вас-то и девушек, наверное, не было никогда!

— Почему не было? Были! — хором возмутились мы с Михой, впрочем, без особого рвения.

Возникла неловкая тишина, но тут неожиданно в разговор вступил бомбила.

— А я со своей... Ну, как моей: нравится она мне, в основном в институте общаемся. Но тут я ее вчера в кино пригласил. На вечерний сеанс. И она согласилась, представляете? Вечером, значит, звоню ей. Не отвечает! Перезваниваю — та же фигня. Начинают мутить всякие мысли типа: «Я ей не нравлюсь», «Не берет трубку — значит, ей и так хорошо», «Я неудачник»... Душат мысли: если она не отвечает, значит, дает понять, что не хочет со мной говорить. Это с одной стороны. А с другой — думаю: «Е-мое, мужик я или нет? Дозваниваться надо в

любом случае, пусть она сама скажет, а не я буду выдумывать». Вся ситуация давит: хочется быть одновременно и понимающим, и настойчивым. То есть и не беспокоить ее больше, и добиться своего.

— И что? — почему-то зло спросил Гараян.

— Дозвонился, — улыбнулся парень. — Оказывается, она просто пошла в магазин, а телефон дома оставила.

— Сходили в кино?

— Сходили. Вечер удался!

— А к чему ты все это нам рассказал? — поинтересовался я.

— К тому, что ваш друг слишком много думает. Буду возвращать, не буду, вернется, не вернется... Я вот понял, что надо быть проще. Тогда и жизнь будет проще! Любишь — возвращай, не любишь — не думай, чего переживать-то?

Остаток пути ехали в молчании. По радио звучал жизнерадостный голос диджея: «Пятница — столица веселится!» А я думал о том, что, возможно, этот парень и прав. Лично я думаю и вправду слишком много. Думаю, переживаю, рефлексирую.

— Приехали, мужики, — прервал мои размышления бомбила.

Машина остановилась. Расплачиваясь, Гараян что-то бурчал об охамевшей молодежи, что-то о себе возомнившей и пороку не нюхавшей.

ГЛАВА 7

Жизнь продолжается

У подъезда на лавочке сидел Вася со своими друзьями. Один был Кецарик, остальных я не знал. Мы уже заходили в подъезд, который в Питере все называют парадной, когда Вася меня окликнул. Приблатненно так, с гопническими интонациями. Я почувствовал, как у меня окаменела спина. Остановился и обернулся.

— Иди сюда, братишка, не бойся, — сказал незнакомый мне мужик в кепке.

Я напрягся еще больше и на негнущихся ногах медленно двинулся к ним. Мои коллеги, недоуменно потоптавшись, подошли вместе со мной.

— Чего вам надо? — спросил я, чувствуя, как язык шершаво трется о нёбо разом пересохшего рта. — Я вас не знаю.

— Мужики, — обратился Кепочка к Михе с Гараяном, — к вам у нас претензий нет, сходите пока покурите. Нам с вашим другом побеседовать надо.

— Пойдем, — пихнул локтем Миху Левона. Но Гараян застыл, словно не слыша Миху, и исподлобья продолжал смотреть на Кепочку.

Тот не стушевался:

— Чужие проблемы на себя взваливаешь, джигит. Друг твой оскорбил нашего товарища, а значит, и все наше общество.

Кепочка сплюнул и, продолжая сидеть на корточках на скамейке, обвел рукой расположившихся рядом с ним Васю, Кецарика и еще какого-то спящего мужика, который вдруг встрепенулся и закивал.

— Василий по-соседски обратился вот к нему, вежливо попросил одолжить денег.

Миха отошел в сторону и закурил, оттуда поглядывая на нас. Курил он нервно, а в руке держал сотовый: то ли искал чьи-то контакты, то ли что-то читал.

— Точно, так и было все! — подтвердил Вася. — По-доброму просил, по-соседски! А он меня послал, дверь захлопнул. Потом еще животным назвал, что-то про тещу мою наговорил, типа убил я ее...

— Видишь, Серега, некрасиво получается, — переключился Кепочка на меня. — По всем понятиям должен ты теперь обществу.

— Никому я ничего не должен, — прошептал я.

— Как так не должен? — удивился Кепочка. — Я тебе сейчас весь расклад дал...

Гараян резко выдохнул и врезал ему в нос. Вася с Кецариком ахнули, а спавший мужик вскочил со скамейки, осмотрелся, чертыхнулся и куда-то рванул. Кепочка неудачно опрокинулся за скамейку, при падении сильно ударился затылком об асфальт.

Левон обошел скамейку, за грудки поднял что-то мычавшего Кепочку и, тяжело дыша, спросил:

— Кому Сережа еще должен?

— Никому, никому, — захрипел он.

Левон вопросительно посмотрел на Васю с Кецариком, и те на всякий случай отошли на пару шагов.

— Извиняйте, мужики, непонятка вышла, все ровно. Никто никому ничего не должен.

— погоди, Вася, а мне ты разве не должен? — осмелел я.

— Серега, это наши с тобой дела, разберемся, все верну!

— Теперь это и мои дела, — встрял Левон, отпустив ноющего Кепочку и сделав шаг к Васе. — Сколько он тебе должен, Сережа?

— Тысяч пять.

— Чтобы все вернул, понял?

Вася закивал. Левон кивнул и приказал:

— Валите отсюда и этого... своего заберите.

Когда Вася с корешами ушел, к нам подошел Миха:

— А чего случилось-то? Чего они хотели, Серега? Левон, ты его ударил, что ли?

— Пойдемте уже, — сказал я. — За столом поговорим.

— Пожалуйста, идемте быстрее, — сказал Миха. — Они могут вернуться. Мстительный народ эти алкаши.

Пока я накрывал скудный холостяцкий стол: водка, соки, салатки из супермаркета, разогретые в микроволновке сэндвичи, нарезанные

огурцы, помидоры, — ребята осматривали мою комнату.

В одном углу — раскладной диван. У стены — шкаф с одеждой, рабочий стол с компьютером, книжные полки, за которые мне стало немного стыдно. Вся серьезная литература была в родительской библиотеке: русская и зарубежная классика, советская проза, научная фантастика и хорошие детективы.

А у меня на полках — только фэнтези. Студентом я заинтересовался подобными книгами и стал читать все подряд в этом жанре. В последнее время я все больше корил себя за то, что увлекаюсь несерьезной литературой, занимаюсь эскапизмом, живу в других мирах, созданных не мной, в роли зрителя, но не героя. И замечание Гараяна, услышанное мною, только утвердило меня в таком мнении:

— Попахивает инфантильностью. Книжная полка подростка.

— В смысле? — оскорбился за меня Миха, гордый владелец ночной эльфийки девяностого левела и большой поклонник фэнтези.

— Без комментариев, — улыбнулся Левон, увидев меня.

— Я там это... все приготовил. Идите жрать, пожалуйста, — сказал я.

— Старик, а если они теперь Сереге жизни не дадут? — спросил Миха Левона, разливая водку по рюмкам.

Я присоединился к Михе:

— И правда, Левон, что дальше?

— Сережа, помнишь, что наш водила сказал? О том, что я слишком много думаю? А ведь он прав. Зачем грузиться тем, что еще не произошло? Надо делать то, что зависит от тебя. И если не получится, по крайней мере перед собой ты будешь чист. А страхи лучше держать при себе и не давать им съесть тебя. Я вот для себя решил: не буду за Миленкой бегать. Захочет — сама вернется, не захочет — так и смысла унижаться нет!

— Круто ты этого, в кепке который... — сказал я, возвращаясь к волнующей меня теме. — Я вот всегда знал, как себя вести в такой ситуации, но никогда не вел: тупо впадал в ступор и не мог из него выйти.

— И часто влипал в такое, старик? — спросил Миха, нанизывая на вилку огурец.

— Порядком: и я, и знакомые мои. Вот слушайте. Не секрет, что в провинции пьют по-черному. Объяснение простое: сложно найти способ развлечься. Только если одни выпьют — и вреда другим от них никакого, то другие толпой идут развлекаться. По-своему. Главное развлечение для них — запинать кого-то до полусмерти.

Классический сценарий. Толпа малолетних или вполне совершеннолетних, а часто и тех и других, рыщет по округе в поисках жертвы. Только в своем районе! Потому что в чужом можно и самим отхватить от таких же искателей приключений. Дальше к жертве подходит один из шакалов: «Э, братиш, где здесь круглосуточный магазин?»

Жертва искренне задумывается. Одно неосторожно сказанное слово — и можно не только здоровья, но и жизни лишиться.

«Здесь рядом вроде нет таких. Но в паре кварталов отсюда есть магазин, там работают допоздна», — говорит жертва.

Круглосуточный магазин шакалу не нужен. Поэтому следует пробный заброс, от ответа на который можно понять, овца ли жертва или нашла коса на камень. Несмотря на численное превосходство, никому из шакалов не хочется терпеть физические потери в виде подбитого глаза. Ведь это всего лишь развлечение, подразумевающее только удовольствие и ничего больше.

«А если он уже закрыт, тогда что?»

Правильный ответ: «Тогда это твои проблемы». И уносить ноги. Не факт, что уйдешь благополучно. Но такая линия поведения снижает риск быть битым. Некоторые советуют сразу бить и убегать.

А обычно жертва выбирает неверную линию поведения. Она начинает суетиться и покрывается испариной. Запинаясь, сообщает адреса всех известных ей магазинов. Жертве хочется убежать, но ноги подкашиваются, она боится, что не сможет и ее догонят. Ей хочется все решить мирным путем. Но как общаться с шакалами — не знает.

Шакал, ухмыляясь, делает вид, что слушает. Ему уже все ясно. Дождавшись конца монолога, он вопрошает: «Э, ты че, дерзкий, что ли?»

Жертва теряется. Начинает мямлить: «Ну почему... Ты спросил, я ответил... Не дерзкий...»

Далее идет малопродуктивный диалог, состоящий из оправданий жертвы и все более нелепых наездов шакала. Потом шакал бьет жертву кулаком в глаз, лбом в нос, ногой в пах — в зависимости от личностных предпочтений.

Когда жертва падает, прибегают остальные шакалы и начинают ее бить ногами. Дальнейшее зависит от усталости группы шакалов и удаленности от мест людских скоплений. Иногда жертву бросают. Если место безлюдное, иногда куражатся дольше. Правда, предварительно обчистив карманы, отобрав мобильник, бумажник и всякую ценную одежду.

Шакалы среди нас. Днем они маскируются под нормальных людей: где-то учатся, работают. Родители в них души не чают. Ночью они оборачиваются шакалами.

Я выговорился и почувствовал, как пересохло в горле. Левон предложил выпить за «хороших, настоящих людей», и мы выпили. Я прикурил сигарету и глубоко затянулся. Не знаю почему, но эти парни, Левон с Михой, вдруг стали мне близки, и я без тени стеснения или зажатости, как обычно, общался с ними.

— Сережа, ты, наверное, очень близко к сердцу когда-то это принял? — спросил Левон. — Теория шакалов и жертв по Резвею?

Спросил серьезно, без намека на подтрунивание или издевательство. Я со школьных времен такие вещи очень хорошо чувствую.

— Да, было такое. Прямо клинило меня, чуть ли не сам пытался влиться в подобную шакалью компанию, своим стать... — ответил я. — Не вышло. Расскажу как-нибудь.

Тут заговорил Миха:

— У меня был друг Дима. Хороший парень, всегда выручал, жил небогато, но на ногах стоял твердо. Женился, работал на семью. Правда, иногда позволял себе выпить с нами или сходить в компьютерный клуб. Но редко, имел человек четкие ориентиры в жизни: обеспечить родителям старость и поднять свою семью, купить к зиме жене Светке дубленку, матери с отцом на даче помочь, к лету холодильник поменять, а то старый совсем уже не морозит. А был еще

один знакомый, Семен. Учился на юриста, был шумным и компанейским парнем. Сказать по правде, видел я его гораздо чаще, чем Диму. Вот. А потом случилась та же ситуация, что и у тебя, старик, только это были не абстрактные жертвы и шакалы, а вполне реальные. В роли жертвы — Дима, задержавшийся на работе и спешащий домой. В роли одного из шакалов — Сема, хорошо выпивший и жаждущий продолжения банкета. Оставив окровавленного и бездыханного Диму на снегу, Семен и компания пошли в ближайший бар, выпить под хорошую закуску на Димины деньги. Там живо обсуждали детали этого легкого приключения, словно футбольный матч какой-то, понимаете? А Дима умер.

— Поймали? — спросил я.

— Семен стал юристом. Вину повесили на двух самых незащитных из всей шакальей стаи. Сему отмазал папа, — невозмутимо закончил Миха. — Такие дела, старик.

— Сволочи, — выматерился Левон. — Какие же сволочи!

Выпили не чокаясь. Не знаю, что за аналогия вдруг сыграла, но мне вдруг вспомнился мой сокурсник Илья.

— В Питере было дело, — начал я. — Одно время жил с нами в общаге парень один, Илья. Учился хорошо, денег куры не клевали. На втором курсе его родители купили ему хорошую квартиру. Внешность Илья имел смазливую, и отбоя от баб у него не было. Проще говоря, у него все было хорошо. Многие ему завидовали, чего скрывать. А потом Илья повесился. Отчего, почему? Фиг знает. Смотришь на студенческие фотографии с Илюхой — жизнью веет. А человека почти лет десять как нет — это его выбор.

— Жизнь — полоса черная, полоса белая, — изрек Миха.

— А вы не замечали, ребята, — спросил я, — что обычно такая банальность про полосы приходит в голову после каких-то жизненных проблем и неудач? В счастливые моменты ведь о таком даже не задумываешься! Тьфу! Что же теперь, с покорностью овцы на заклатие ждать, пока закончится черная полоса? Или молиться, чтобы белая подольше не заканчивалась?

— Так тут есть и другая сторона, Сережа, — ответил Левон. — У меня тоже есть своя теория. Теория шоколадных конфет Гараяна! Помнишь «Форреста Гампа»? Фразу: «Жизнь — как коробка

шоколадных конфет, никогда не знаешь, что попадется»... Так вот, жизнь подкидывает такую начинку, что впору вообще перестать есть эти конфеты! Еще утром все было хорошо, ты с оптимизмом смотрел в будущее. За день, наевшись всяких конфет, ты думаешь, что лучше бы этот день вообще не начинался! Следующий начинается как каторга, но, к счастью, весь день ты ешь только сладкие конфеты и вчерашние проблемы кажутся такой фигней, что и переживать-то не из-за чего! Только и сладость не всегда приятна, Сережа! И перманентное счастье имеет свойство перерастать в депрессии!

Гараян был взволнован, а в речи сильнее проявлялся кавказский акцент, который обычно незаметен. И я понял, что и ему эта тема близка, и он тоже об этом думал.

— Счастье перерастает в депрессии? — удивился Миха.

— Да, Миша! Счастье становится для тебя обычным состоянием, и, только когда жизнь подкидывает ворох конфет, горьких и отвратительных на вкус, ты понимаешь, что счастье-то было рядом, просто ты его не замечал! Поэтому никакие неприятности не могут добить меня: я знаю, что в любом случае черную полосу сменит белая!

Гараян глубоко вздохнул, выпил залпом водку и закусил помидором.

— А я боюсь белых полос, когда все гладко, хорошо и даже замечательно! — заметил Миха, разливая водку. — Всему этому рано или поздно приходит конец, а ожидание неприятностей всегда мучительнее самих неприятностей.

— Так что же делать, раз все так хреново? — спросил я. — И счастье вам плохо, и несчастье — каторга!

— Жить! — воскликнул Левон, второй раз за минуту поднимая рюмку. — Выпьем!

Остаток ночи мы пили, рассказывали истории, травили байки, обсуждали коллег, говорили обо всем, о чем говорят мужчины под тридцать и чуть за тридцать: о жизни, об увлечениях, о женщинах. Потом о работе, о студенческих годах и снова о женщинах. И только под утро, когда начало светать, ребята, вызвав такси, собрались по домам.

Перед тем как лечь спать, я проверил, остались ли сигареты: в пачке было еще две. Одну я выкурил, не переживая о том, что на утро не останется.

Лежа в постели, я размышлял: как же хорошо вот так, как сегодня, посидеть с друзьями. Мог ли я еще утром назвать Гараяна с Михой друзьями? Сомневаюсь. Здорово общаться с близкими тебе по духу людьми, слушать чужие и рассказывать свои жизненные истории, чувствовать искренний интерес к себе! То, как повел себя Левон в ситуации с Васей и его корешами, для меня стало откровением! Кто бы мог подумать, что наш толстый, немного инфантильный копирайтер, так жалко переживающий ссоры с женой, тот самый Гараян, который даже не может соблюдать диету и контролировать свой вес, поведет себя именно так? Да еще и обвинит меня самого в инфантильности, взглянув на мою книжную полку?!

Я долго не мог уснуть, размышляя о том, что такие вроде бы обычные вещи, как дружеские посиделки, делают нашу жизнь осмысленнее и лучше.

Есть маленькие радости жизни, которые я никогда не променял бы на одно большое счастье. Это радость гола в футболе — неважно, сам ли ты его забил, или твоя любимая команда; это когда рано-рано утром, сидя на берегу маленькой речушки с удочкой в руках, ты наблюдаешь восход солнца и неутомную стрекозу, пытающуюся сесть на кончик удилица; это радость предвкушения встречи с девушкой, которая тебе нравится; это радость от дружеских посиделок за кружкой пива или чего покрепче, когда в какой-то момент ты понимаешь, как близки тебе все эти люди и как же, черт возьми, приятно быть с ними! Это радость предвкушения похода на концерт любимой группы или в кинотеатр; радость от того, что вечером после работы ты уединишься с интересной книгой или новым фильмом... Радость от того, что сегодня пятница и впереди выходные, и радость от того, что на дворе начало мая, впереди целое лето, а на улице все зеленеет, цветет и теплеет. Зимняя радость от того, что ты забрался под одеяло, а за окном вьюга, и летняя радость от заледеневшей бутылки пива после долгого жаркого дня.

И еще тысячу раз по столько же радостей. И ради этого стоит жить!

ГЛАВА 8

Дым сигарет

Мне приснился сосед Вася, внезапно разбогатевший, бросивший пить и вернувший мне долг; взрослый Саня Бородаенко, пытающийся выменять у меня кубинские марки; Левон Гараян, почему-то в облике Тома Бомбадила^[9]; и Леха с отросшей белой бородой и посохом в руке, похожий на Гэндальфа в молодости. Образы чередовались, места действия тоже, пока внезапно я не оказался в лесу.

Я обнаружил себя под большим деревом, с которого опали почти все листья. Я был ранен орочьей стрелой и окружен волколаками. На одном из них сидел урукхай, чертами лица смахивавший на Костю Панченко, и гнусно ухмылялся.

Внезапно все исчезло, и я оказался во дворе родительского дома. «Сынок, обедать!» — крикнула мама из окна.

Я побежал домой, но путь мне преградил Кепочка. От неожиданности я споткнулся и упал. Кепочка протянул мне руку и тепло улыбнулся. Во рту у него сверкнула стальная фикса. Я, не вставая, зачем-то пожал ему руку, но он резко дернул, так что на ногах я оказался с ним лицом к лицу. Кепочка затянулся сигареткой, выдохнул мне в лицо зеленый сладковатый дым, показал большой палец и превратился в Лидку Фрайбергер.

Она притянула меня к себе, и мы слились в каком-то неестественном похотливом поцелуе: мне казалось, что ее губы повсюду и она касалась ими, кусала и целовала одновременно все мое тело.

Я не заметил, как нас окружил пчелиный рой. Пчелы зло жужжали, отвлекали, ползали по мне, я пытался отмахиваться, мне нужно было еще немного...

...И проснулся. Перед тем как лечь спать, я включил беззвучный режим, но какой-то настырный чудак пытался дозвониться так упорно, что разбудил меня непрекращающейся вибрацией под подушкой. Я вытащил его, посмотрел на экран, сфокусировал взгляд и увидел, что звонит Леха.

Прокашлявшись, ответил:

— Кх... Алло.

— Резвей, спишь, что ли? Обед скоро, а ты спишь? Гулял всю ночь? — Лехин бодрый и жесткий голос вбивал в мою и без того раскальвавшуюся голову слова, как гвозди.

— Да не... Так... С коллегами посидели после работы... — слова давались мне тяжело, рот был наполнен какой-то отвратительной клейкой массой, мокротой, я еле разлеплял губы. В горле першило. Тело казалось таким истерзанным, словно волколаки все-таки добрались до меня. Я тяжело закашлялся.

— Да уж... Вляпался же... — сказал Леха и замолчал.

— Кто вляпался? Куда? — не понял я.

— Забудь. Короче. Вставай, умывайся, прими контрастный душ. Далее. Выпей минералки — литр, не меньше. Нет ее — обычной воды. Прими аспирин. Не кури, не похмеляйся. Приведешь себя в порядок — позвони. Сорок минут тебе на все. До связи.

Леха отключился. От яркого света в комнате резало глаза, так что я встал и зашторил окна. Потом добрал до холодильника, выдул полбутылки минеральной воды, прикинув, что на душ и прочее мне хватит и двадцати минут, лег в постель, даже не думая спать, а так, просто полежать, дать передышку ломящим костям и мышцам. Прикрыл глаза и не заметил, как снова уснул.

В этот раз сны были быстрые, сменяли друг друга. Снились какие-то кошмары, неприятные ситуации, в которые я влипал раз за разом. Спал я беспокойно: разметал подушки, простыни, скинул одеяло на пол, сильно вспотел — так что, когда проснулся, чувствовал себя еще хуже. В комнате было темно, постель и подушка — мокрые, стоял тяжелый перегарный дух. А больше всего мне было тяжело от осознания того, что я не послушал Леху.

От резкого приступа стыда я вскочил на ноги и схватил сотовый. Никаких пропущенных вызовов от Лехи. И времени — 19:36. Как же бездарно был убит день!

В ванной я с остервенением почистил зубы, рьяно — до порезов — побрился, умылся и полез под душ. Сдирая мочалкой кожу, так себя ненавидел, что в качестве наказания стоял под ледяным душем до тех пор, пока не онемел затылок.

Нашел аспирин, растворил пару таблеток и залпом выпил. Потом сделал кофе, вышел на балкон, прикурил последнюю в пачке сигарету и позвонил Лехе.

Он не ответил ни на первый звонок, ни на второй. Звонить еще не стал: либо он не мог ответить, либо не хотел. Рассердился? «Да кто он такой!..» — подумал было я, но тут же одернул себя. Прав Леха, а я слаб. Говорил же он — не курить, а я закурил.

Я опять сделал глубокую затяжку и закашлялся.

Утренний кашель знаком каждому заядлому курильщику. Но как же приятно с утра выкурить натошак сигарету, запивая сладкий дым черным кофе! Правда, эти минуты сменялись приступами тошноты, когда я чистил зубы. Но они стали уже настолько привычными, что я не обращал внимания...

Я стоял, высунувшись с балкона, курил, наблюдал за двором и думал. Несмотря на поздний вечер, в песочнице, что возле горки, при свете фонарей одиноко играл одетый в теплый комбинезон малыш лет пяти. Машинка, которой он управлял, развивала скорость не более пары километров в час, но это все равно не уберегало ее от периодических заносов и зарывания в песок.

Вот так и я зарываюсь в песок! Задумаю сделать что-то хорошее, стать лучше, но постоянно не хватает то куража, который быстро тает, то желания, то силы воли. Чаще — последнего.

Телефон завибрировал — пришло сообщение. От Лехи: «Завязывай». И меня озарило.

Первую сигарету я выкурил подростком.

Мне было четырнадцать. Я уже знал, как и отчего появляются дети, мне снились красочные и очень приятные сны. Девчонки в классе уже обзавелись вторичными половыми признаками, и прикосновение якобы невзначай к объемной груди Наташки Ивановой во время потасовок на переменах приводило меня в тайный дикий восторг и возбуждало так, как сейчас не возбудила бы никакая обнаженная натура.

Как-то после школы я увязался за ребятами — отпетыми двоечниками и заводилами класса, которые с несколькими нашими самыми красивыми и модными девочками договорились посидеть в парке вечером. Учились мы в тот год во вторую смену и в парк пошли сразу после уроков.

Меня никто не звал, но я узнал, что с ними пойдет Инка, которая мне очень нравилась. И я, снедаемый ревностью, любопытством, предвкушением чего-то нового, взрослого, напросился, и меня взяли.

Тема встречи для меня была неожиданной: ребята собрались, чтобы поделиться на пары! То есть реально, кто будет с кем гулять, а значит, и целоваться, и, может, даже заниматься совсем уж взрослыми делами! Конечно, я оказался лишним и без пары. Инка досталась другому Сереге, который был троечником, зато хорошо дрался, не боялся даже старшеклассников и уже курил. Впрочем, тогда я увидел, что курят все ребята и, что меня особенно поразило и взволновало, даже девочки. Те самые девочки, которых я привык видеть с первого класса в школьной форме, с бантами, ранцами и портфелями, сейчас сидели на корточках на лавочке, бесстыдно засвечивая ноги, курили и целовались со своими парнями!

Еще вчера я с дворовыми ребятами играл в футбол, менялся наклейками и картриджами, вечером смотрел какие-то боевики из видеопроката, был обычным ребенком с обычными детскими интересами, а сегодня — вот она, взрослая жизнь во всей красе! Кто-то предложил мне выпить водки, налив ее в единственный пластиковый стакан, ходивший по кругу. Ожидая, что меня выгонят или поднимут на смех, я все же отказался. У меня был дядя-алкоголик и к водке — стойкое предубеждение, на грани со страхом стать алкоголиком или таким же животным, каким становился дядя.

Но никто не засмеялся. Максим, лучший футболист класса, понимающе кивнул, сказав: «Боишься, предки запалят?» — и протянул стакан другому. Водку ребята запивали кислотно-цветастым пойлом — разведенным в воде порошком. Слоган у него был еще такой навязчивый: «Просто добавь воды!»

А от сигареты я не отказался. Мой отец курил, и к курению у меня было спокойное отношение. Да, я знал, что это вредно, но особо в это не верил: если оно вредно, тогда почему папа с таким наслаждением

закуривал? Я взял сигарету, долго неумело ее раскуривал, наконец затянулся.

Вкус дыма показался мне отвратительным. Я, как и каждый начинающий курильщик, поперхнулся, закашлялся, но терпеливо, под насмешливыми взглядами ребят, выкурил сигарету полностью. Потом встал, чтобы затоптать окурок, как делали настоящие курильщики, но пошатнулся от головокружения. Меня чуть не стошнило. Ничего хорошего в курении я тогда не нашел и весь путь домой постоянно сплевывал, пытаясь избавиться от гадкого привкуса во рту.

Помню, как вернулся домой и сразу пошел в ванную, чтобы вымыть руки, умыться и почистить зубы: не хотел расстраивать родителей своим курением. Поужинав, взялся за книгу. Но мне не читалось, строки плыли, и я пошел купаться.

Тогда для меня это была целая церемония. Я брал с собой магнитофон с записанными собственноручно сборниками любимых песен, колоду эротических карт — сейчас подобные фотографии публикуются в общедоступной прессе, — заперся, залезал в ванну и, лежа в теплой воде, под любимые композиции Nirvana или R.E.M. мечтал.

В тот вечер не было никаких карт, маминых подружек и телеведущих. Увиденное в парке: пьющие водку одноклассницы с оголенными ляжками и сигаретами во рту — в один момент стало для меня фетишем взрослой жизни со всеми ее ранее недоступными мне атрибутами.

Вторую сигарету я выкурил на следующий день, перед школой: вытащил одну из папиной пачки, оставленной им на балконе. Родители были на работе, поэтому я чувствовал себя вольготно и расхаживал по квартире голым.

И вот в тот момент, когда я закурил, я почувствовал дикое возбуждение. Я смаковал каждую затяжку, не понимая вкуса, но наслаждаясь теми ассоциациями, которые возникали передо мной.

С тех пор на долгие годы сигареты и курение стали ассоциироваться у меня только с приятными чувствами.

К окончанию института я выкуривал пачку в день. С нетерпением ждал окончания пары, чтобы выйти покурить. Курил от скуки, волнения, стрессов, во время подготовки к зачетам, во время зачетов, отпрашиваясь в туалет, после зачетов и экзаменов — с чувством выполненного долга.

Я писал курсовые и рефераты и награждал себя сигареткой после каждой набранной страницы. Изначально я печатал двенадцатым кеглем, к окончанию института это был шестнадцатый — так я мог чаще курить.

Я много курил во время вечеринок, во время просмотра фильмов или чтения книг в особо волнующих моментах, до еды в кафе в ожидании заказа, во время еды между блюдами, после еды. После еды сигарета казалась особенно вкусной.

Я курил по дороге, когда шел к метро, когда выходил из метро, на остановках в ожидании автобуса. Выходя из автобуса, я тоже курил.

Я не любил самолеты, кинотеатры и ходить в гости к некурящим. Я любил поезда, просмотр видео дома и курящих собеседников.

Я курил, когда нервничал и когда отдыхал, курил при любом важном процессе, где надо быть сосредоточенным, и просто чтобы расслабиться.

Я много курил в депрессии, чтобы улучшить настроение, и еще больше — когда был счастлив.

Курение помогало мне знакомиться и налаживать отношения в любом новом коллективе.

На свиданиях один из первых вопросов, который я задавал девушке, — курит ли она. Курильщики на одной волне и быстрее приходят к взаимопониманию. Это факт...

То, что у меня есть проблемы, я осознал после того, как мы с Ирой сходили «развести мосты». Так мы называли белую июньскую ночь, проведенную на набережной Невы в наблюдении за мостами, которые после полуночи на несколько часов разводят, чтобы большие корабли смогли пройти вверх по реке в Ладожское озеро.

В студенчестве это было самым романтичным занятием наряду с пинанием листьев в осеннем лесу и распитием глинтвейна.

Ира училась курсом младше и очень мне нравилась. Мне никак не удавалось познакомиться с ней поближе в силу стеснительности и

боязни отказа, но после какой-то вечеринки я набрался храбрости, прилично надрался и пригласил ее «разводить мосты», на что она, приезжая первокурсница, легко согласилась.

Мы сидели на набережной, пили пиво и ждали, когда разведут Дворцовый мост. Я приобнял Иру, она прижалась ко мне, и будущее виделось мне исключительно в радужных тонах.

Было уже за полночь, до разведения оставалось меньше часа, когда я понял, что у меня закончились сигареты. А уже тогда — после, во время и в предвкушении любого события, грустного или веселого, — я тянул руки к зажигалке и сигарете и, если их не находил, впадал в панику и приближался к истерике.

Обнимая Иру, я отставил бутылку с пивом в сторону и свободной рукой потянулся за сигаретами. Открыв пачку, похолодел: та была пуста.

Стоит ли говорить, что развод мостов девушка наблюдала одна, пока я бегал в поисках открытого магазина или ларька.

Она дождалась меня, но была грустна, скучна и холодна. Скинула мою руку с плеча, и остаток ночи мы просидели, общаясь на нейтральные темы, хмуро допивая пиво и в нетерпении ожидая, когда же наконец эти чертовы мосты сведут.

За следующие три года учебы и жизни в одном с Ирой общежитии мы с ней так и не стали... никем — ни друзьями, ни любовниками. Несмотря на все мои попытки.

В первый раз я бросил курить после института. Мне казалось, что молодость закончена, пора становиться серьезнее. Погожим летним деньком я вышел на улицу, торжественно выкурил последнюю сигарету до фильтра, втоптал окурок в асфальт — и все. Бросил.

Почти неделю я был воплощением зла и в номинации «Псих года» однозначно взял бы Гран-при. Я не знал, чем занять себя, свои руки, когда шел по улице, кого-то ждал и тем более выпивал с кем-то, а этот кто-то курил. Мне казалось, что я утратил смысл жизни!

Я ходил с кучей жвачек и леденцов в кармане, дыхание у меня было таким свежим, что леденели и покрывались инеем окна поезда метро, а

от постоянного жевания сводило челюсти.

Я чувствовал себя скверно не только потому, что мне постоянно хотелось курить. Не в порядке я был и морально, и физически. Из моих легких лезла какая-то буро-зеленая гадость. Зато мое обоняние стократ улучшилось, и я с седьмого этажа чувствовал, как какая-то тварь в ста метрах от дома курила сигарету, и этот запах, вкусный, чудесный запах табачного дыма, сводил меня с ума.

Каждую ночь мне снилось, как я курю. Утром я просыпался с жутким чувством стыда, что закурил, и бешеным облегчением, что это был сон.

Спустя неделю я понял, что мне не хочется курить. Еще через две пошел в ночной клуб в большой компании курящих друзей и за всю ночь, будучи в изрядном подпитии, так и не закурил. Я сильно себя заважал и распрощался с собой курящим.

В следующие полгода мне иногда хотелось покурить, но это были сиюминутные проходящие желания.

Я закурил. Спонтанно. Я встретил девушку, которая мне очень понравилась.

В шумном прокуренном пабе у нас завязалось непринужденное общение, будто мы знакомы очень давно. Помню, после второй кружки я спросил, испытывает ли она оргазм, и она ответила, что еще какой!

Она курила, и, чтобы стать ближе, я стрельнул у нее сигарету. Закурил, думая, что это всего одна сигарета и она погоды не сделает.

В следующий час я выкурил еще пять, и мне стало неудобно просить у нее еще, так что я заказал нам по новой пачке.

С той девушкой у нас так ничего и не сложилось, зато спустя месяц я вернулся к своей норме. Я снова выкуривал пачку сигарет в день.

Через год я опять бросил курить. Правда, с одной оговоркой: зная, как сложно отказаться от сигареты во время вечеринки, я разрешил себе курить, когда выпиваю. Так я и курил, только когда выпивал, пока не понял, что выпиваю, чтобы покурить. Бутылка или две пива вечером после работы стали обычным делом.

В обед по пятьдесят вискаря? Почему бы и да? Заодно и покурим.

Я снова закурил и больше серьезных попыток бросить не предпринимал, помня все тяготы и лишения только что бросившего курильщика.

...меня озарило.

Я помню этот субботний октябрьский вечер в деталях. Потому что тогда я в очередной раз решил бросить курить.

Я раз за разом перечитывал Лехино сообщение: «Завязывай».

Легко ему советы давать! Но я чувствовал, что он прав. И дело не в здоровье, хотя и в нем тоже. Я почувствовал легкое волнение, как будто в преддверии чего-то нового, что может кардинально изменить мою жизнь, и от этого мне захотелось закурить. Я потянулся было за пачкой, но понял, что сигареты закончились, и только потом вспомнил, что мне написал Леха и что я решил бросить. Я подумал: может, стоит бросить не сейчас, а, например, с понедельника... А что? Хороший вариант! И тут же искренне посмеялся над собой. Но даже когда смеялся, подумывал прогуляться в магазин, взять каких-нибудь чипсов, кока-колы и посмотреть новый фильм. А то, что случится в магазине и после него — вдруг я случайно куплю сигареты, — это уже будут проблемы будущего Резвея. Да и не факт, что куплю: я же решил! Но я не пошел в магазин.

Вместо этого я ожесточенно смял пустую сигаретную пачку и хотел картинно бросить ее с балкона, но передумал и выкинул в мусор.

Включил компьютер, открыл браузер и в поисковой строке набрал «бросить курить». Следующие несколько часов я читал и просматривал все на эту тему: статьи, форумы, отзывы бывших курильщиков, блоги, мотиваторы, сайты экстрасенсов и гипнотизеров, сайты наркологических клиник и медицинские сайты и, конечно, книгу Аллена Карра «Легкий способ бросить курить».

Под утро я собрал в один файл всю эту кучу противоречивой информации и принялся ее мысленно структурировать.

Курение — это не привычка. Привычка — читать за едой.

Курение — это зависимость. Химическая зависимость организма от никотина.

Никотин долбит в мозг через пятнадцать секунд после первой затяжки и стимулирует выработку гормона удовольствия, который называется дофамин. Когда мы занимаемся сексом, едим вкусную

пищу или получаем еще какое-то удовольствие, мы естественным образом вырабатываем дофамин.

Неестественным образом мы повышаем объем дофамина в организме алкоголем, амфетаминами, кокаином и, конечно, никотином.

Курильщики курят — им приятно — никотин работает.

Проблема в том, что он очень быстро выводится из организма. На третий-четвертый час у курильщика начинаются ломки. Пик наступает на вторые-третьи сутки, и если их перетерпеть, то с зависимостью покончено.

Поэтому первая утренняя сигарета кажется такой вкусной. Во-первых, ломки снимаются, во-вторых, врубается гормон удовольствия, а в-третьих, никотин резко ускоряет обмен веществ, из-за чего мы легче и скорее просыпаемся. Красота! Но есть и плохие новости — а хороших больше нет! Организм привыкает, и курить хочется чаще. Именно так люди доходят до пяти пачек в день к пенсии — удовольствия все меньше, ломки между перекурами все сильнее.

Годами вырабатывая дофамин таким неестественным способом, организм понимает, что можно больше не напрягаться. Поэтому такими приятными кажутся сигареты после секса и еды! Ни сам секс, ни сама еда уже не приносят такого удовольствия.

Никотин встраивается в обмен веществ и становится естественным стимулятором многих процессов в организме. Поэтому еще очень долго после бросания бывший заядлый курильщик чувствует себя так паршиво.

Обмен веществ и кровообращение замедляются. Он ест все подряд, потому что никотиновые ломки принимает за чувство голода, толстеет и впадает в еще большую депрессию. И вот ему кажется, что жизнь без сигареты не имеет смысла, и он с большим облегчением и быстро проходящими угрызениями совести снова закуривает.

Когда вся эта информация сложилась у меня в голове в пазл, я вспомнил свои прошлые попытки бросить и с радостным удивлением понял, что все так и есть.

Еще я заметил, как противоречивы причины курения.

Снимающие стресс курильщики передают горячий привет тем, кто курит от скуки! Курящие, чтобы сосредоточиться, жмут руку тем, кто курит, чтобы расслабиться.

Сигареты не снимают стресс и не делают жизнь веселее, не помогают сосредоточиться и не расслабляют. Это обычные ломки и потребность в новой дозе, ничем не отличающиеся от ломок героинового наркомана, если не считать силу воздействия и силу ломок.

А быть зависимым я не хочу.

ГЛАВА 9

Новая жизнь

В воскресенье, закончив накачивать себя антитабачной пропагандой, затеял дома генеральную уборку. Начал с перебора старой одежды.

Нашел футболки, купленные еще в институте; рубашку без пуговиц — то ли бурная ночь, то ли пьяные разборки со мной в роли жертвы; а еще ремень без пряжки и плавки для уроков физкультуры в бассейне института.

Долго перебирал старые мужские журналы и журналы о компьютерных играх, потом плюнул и тоже добавил в грудку мусора. Выкинуть старые диски с играми было еще проще.

Собрал барахло в большой полиэтиленовый мешок, найденный на балконе, взвалил на плечо и пошел выкидывать.

Критически оглядел обшарпанную входную дверь, отметил, что давно пора сделать ремонт, а то даже привести девушку стыдно. Подумав, подхватил древний дырявый входной коврик и закинул к остальному мусору.

В подъезде было грязно. Исписанные стены, потолок в черных пятнах с уродливо загнутыми прилипшими обгоревшими спичками, в углу стыдливо темнела лужа. Пахло мочой. Жильцы перестали следить за чистотой и порядком после неудавшейся акции с заменой подъездной двери на металлическую с кодовым замком.

Местные хулиганы успешно замок сломали, а на самой двери написали три буквы. Это значило: ставьте замки — не ставьте, убирайтесь в подъезде — не убирайтесь, все равно будет по-нашему. После этого даже Артур, первым ратовавший за независимость подъезда от вандалов, разочаровался и плюнул на идею привести все в порядок.

Мысль успешно воплощал в жизнь спавший на нижней площадке бомж. В прошлой жизни этот уважаемый человек точно был интеллигентом: лежал он так, чтобы никому не загораживать проход, а под головой у него темнела обложка томика Булгакова.

Спускаясь, встретил Васю. Я, вспомнив последний инцидент, напрягся было, но он сделал вид, что не заметил меня, и попытался прошмыгнуть мимо.

— Василий, тебя здороваться не учили? — психанул я на ровном месте. Уже хотелось курить.

— Ну, здорово, сосед, — недружелюбно ответил Вася. — Куда направляешься?

— Мусор выкидывать, — сказал я, зачем-то приоткрыв мешок, видимо, чтобы цель моего направления стала очевидной.

— Сосед, ты что, совсем? — удивленно спросил Вася, заглянув внутрь. — Вещи-то новые, а ты выкидывать. О, журналы еще, а это что? Диски? Музыка?

— Игры. Для компьютера.

— И ты все выкидывать собрался? — искренне удивился Вася.

— А что с ними делать? Старье, только на свалку.

— Мне отдай!

— Забирай, — с радостью согласился я.

До мусорки далековато, а предложение Васи упрощало задачу и экономило время.

— С обновкой, что ли, сосед? — не удержался я.

Вася перехватил мешок, как-то косо посмотрел на меня, хотел что-то ответить, но сдержался, сухо попрощался и пошел к себе. Даже спасибо не сказал.

Тут я вспомнил про старые плавки, и мне стало неприятно при мысли о том, что их увидит кто-то еще:

— Вась, постой!

— Чего еще? — остановился он.

— Забыл кое-что.

Я вытащил память об уроках физкультуры, положил в карман куртки и пошел вниз. Выйдя на улицу, спохватился, что спускаться-то нужды уже нет, но решил прогуляться.

У подъезда снова стоял чей-то мусорный пакет. Я хмыкнул, схватил пакет и понес к мусорным бакам. «И прогуляюсь, и доброе дело сделаю, заодно и плавки выкину», — подумал я.

По дороге решил позвонить Михе:

— Привет!

— Здорово, старик! Ты живой? Я звонил вчера...

— Да я весь день продрых, а потом так плохо себя чувствовал, что даже перезванивать не стал. Сегодня уже в норме, а ты как?

— Вчера очень хотелось выпить не пьянки ради. Затем и звонил, думал: может, посидим где-нибудь по бокалу чего-нибудь... А сегодня... Какие планы на вечер? Может, встретимся, Левона вытянем?

— Сегодня... — я задумался.

Мне очень захотелось снова встретиться с ребятами. А что? Посидим, выпьем немного пива, может, покурим, а с понедельника — все, новая жизнь!

— Давай, старик, — Миха почувствовал мои сомнения, — недолго посидим, завтра же на работу, часок-другой — и по домам, а?

— Нет, Мих, извини, — решил я. — В другой раз, о'кей? Без обид.

— Понял. Ладно, я тогда тоже вечером дома. Но если что, ты звони! Если вдруг передумаешь.

— Хорошо, Мих, если вдруг передумаю, позвоню. До завтра.

— Пока, старик! — попрощался Миха и отключился.

До мусорки и обратно я шел гордый собой, своей силой воли и строил серьезные планы на остаток выходного дня. Дома закончил уборку, закинул белье в стирку, пообедал и поехал выполнять Лехины рекомендации по смене имиджа.

Первым делом завернул в ближайший салон красоты, где в следующие три часа меня коротко постригли, стильно уложили волосы, а также сделали... маникюр и педикюр. Честно говоря, у меня в планах не было ничего подобного, но меня развели на какую-то акцию.

Нашел приличный костюм. Девочка-консультант сказала, что пиджак можно носить как с брюками, так и с джинсами. Она же помогла мне подобрать под него две пары джинсов, несколько сорочек и галстуков, ремень, свитер и отличное пальто, к которому тут же нашелся хороший шарф.

С кучей пакетов я продирался по заполненному народом торговому центру, заглядывая в другие бутики. В отделе мужского нижнего белья взял десяток хороших трусов-боксеров вместо своих семейных, несколько маек и футболок. В парфюмерном после многочисленных

проб, с носом, забитым запахами цитруса, древесины, мускуса, специй, фруктов и цветов, перебивая их кофе, выбрал парфюм, получил еще один в подарок и добавил в корзину антиперспирант и дезодорант. Добрался до часового салона, где надолго призадумался. Но меня уже понесло по волнам шопоголизма, так что взял я швейцарские часы на черном кожаном ремешке, стальные. Обувь я выбирал, обложенный кучей пакетов, больших и маленьких, но взял в итоге и ботинки, и туфли.

Финальным аккордом стал магазин спортивных товаров, где я купил кроссовки, спортивный костюм, гантели и пуховик.

Как я все это дотащил до такси, как ехал и о чем говорил с таксистом, как поднимался к себе — не помню. За несколько часов я угрохал почти все свои накопления, и отрезвление оглушило меня: я в полной мере познал, что такое шопинг. Последний раз у меня было нечто подобное, когда я на пятом курсе скупил книги всех любимых авторов, а потом три месяца перебивался с хлеба на воду.

Единственное, что я запомнил, — несколько ошарашенные взгляды Васи с Кецариком, сидевших на той же скамейке у подъезда, и как на узкой лестнице пытался разойтись с удивленным Артуром, мгновенно выцепившим наметанным взглядом названия брендов на пакетах...

Последние дни дали много пищи для размышлений. Угрызения совести по поводу того, что я ничего не делаю, гасились твердым желанием начать с понедельника новую жизнь.

Новая жизнь подразумевала ранний подъем, бег и утренний контрастный душ, тренажерный зал и бассейн, автошколу и курсы английского языка. В отношениях с окружающими — четкая установка на «не дать себя в обиду», при этом подчеркнутая вежливость и доброжелательность.

С последним-то проблем не будет, это уже в крови. А вот не давать себя в обиду — над этим еще работать и работать.

В шесть утра сработал будильник. Вставать не хотелось. Кругом темень. Отопления пока не дали.

Поеживаясь от холода, я сел.

В голову пришла спасительная мысль: можно поспать еще полчаса, полутора часов на все хватит. В темноте нашарил телефон, с ненавистью выключил будильник и переставил на полчаса вперед. Потом со спокойной душой отключился.

В полседьмого в мой сон вновь ворвался писк. На этот раз я уже решил было встать, но тут услышал, что за окном льет дождь. «Елки-палки, да кто же в дождь бегают-то?» — подумал я и, ничуть не сомневаясь в верности решения, вновь перевел будильник, уже на семь утра. «Ограничусь на сегодня душем», — решил я.

В семь будильник не зазвонил. Он вообще не включился, потому что я его переводил во сне. Иногда со мной такое случается: я сплю и что-то делаю в полной уверенности, что это реальная жизнь.

А проснулся я от стука за окном. Какая-то ворона упорно долбила мой карниз.

— Червей там нет, — лениво сказал я вороне и ахнул.

На часах без пятнадцати девять. О нет! На девять назначена планерка с генеральным во главе. Очень быстро вскочил, наспех почистил зубы и умылся, надел новый костюм и бегом на улицу. Так торопился, что даже забыл про новый парфюм. И только на улице вспомнил, что оставил дома папку с документами.

Пришлось вернуться. Пользуясь случаем, опрыскал себя туалетной водой и вновь, перескакивая через ступеньки, помчался вниз.

На улице я на секунду задумался, как добираться: на метро или на такси. Такси — это пробки, но гарантия того, что доеду чистым и не мятым. Метро — быстрее, но ко всему это еще и давки, так что на работу могу явиться совсем непрезентабельным. Еще раз пожалел об отсутствии своей машины. И выбрал такси.

На работу я опоздал почти на час. Как назло, на вахте был Жорик.

— Здорово!

— Здорово, Резвей. Опаздываем? — взглянув на часы, спросил Жора. — Так и запишем.

— Пиши-пиши. Планерка началась?

— А то! Уже час как началась, — нехорошо улыбнулся Жора. — Да не волнуйся, ты же у нас нынче борзый, тебе все с рук сойдет.

Препираться не было времени. Бегом поднялся к себе, снял пальто, схватил папку с планами и отчетами, перекрестился и рванул к генеральному.

В приемной сидела Маргарита, секретарша шефа. Милая девушка, одна из немногих в офисе, кто относился ко мне по-человечески. Взглянув на меня, она чуть задумалась, потом, как будто поняв, кто перед ней, защебетала:

— Ой, Сережа, что же ты так опаздываешь? Шеф сказал тебе домой звонить, я звоню — никто не отвечает. Звоню на сотовый, а тут ты сам объявляешься.

— Пробки, Ритуля, пробки, — успокаивая дыхание, ответил я. — Все там?

— Все! Без тебя начали.

Подошел к двери, отдышался, поправил галстук и, постучавшись, вошел.

— Здравствуйте, Станислав Евгеньевич! Прошу прощения за задержку.

— Сергей, здравствуй, — сухо сказал шеф.

Наш шеф, генеральный директор и учредитель компании, Станислав Евгеньевич Кацюба, на директора был абсолютно не похож. Он смахивал на борца, штангиста, криминального авторитета, но не на директора медиахолдинга. Впечатление усиливали лысая бугристая голова и заросли бровей.

Он и был когда-то штангистом, наш Стас, как мы его за глаза называли. Успешным, победителем союзных чемпионатов. Но пришли новые времена, и Стас решил попробовать себя в бизнесе. В девяностые многие пришли в бизнес. Не все смогли выжить, пробиться. Стас смог.

У шефа живой ум, он рассудителен и равнодушен к новому. Мы одними из первых в городе запустили вещание в сети, завели электронные версии изданий для планшетов и смартфонов, использовали новые каналы коммуникаций — и для себя, и для заказчиков. Я помню, как при мне Стас убеждал одного из крупнейших

заказчиков — владельца сети кинотеатров — перераспределить бюджет с билбордов на интернет-продвижение.

Стас никогда не жалел денег на семинары, наше обучение, новейшую технику. Да и вообще к нам шеф относился как к партнерам по команде, а не как к наемным сотрудникам.

Так что я удивился, когда он сказал:

— Сергей, думаю, нужды в твоём присутствии на сегодня нет. По вашим проектам уже отчиталась Лидия Романовна. Ты можешь идти.

Фрайбергер победно улыбалась. Во рту у меня пересохло, кровь прилила к лицу, но я нашел в себе силы попрощаться. Ни на кого не глядя, вышел из кабинета.

Понедельник, конечно, день тяжелый, но жизнь я сам себе осложнил. Это факт.

ГЛАВА 10

Лох — это судьба

После того как меня с позором прогнали с планерки, я с камнем на сердце пошел к нашему кабинету. Мне не хватало воздуха, захотелось проветриться. Я вышел на улицу, добрел до скверика, где несколько дней назад сидел с Лехой, и долго думал.

Ничего страшного не случилось, совещание у шефа было обычным делом по понедельникам. Поэтому я собрался и вернулся в офис.

Перед дверью выронил папку, и из нее посыпались отчеты и графики. Когда я аккуратно, стараясь не помять страницы, собирал все, услышал за дверью оживленный разговор. Обо мне.

Первая мысль — как ни в чем не бывало войти в кабинет. Ведь подслушивать нехорошо. Но потом стало любопытно. «Никогда никому еще не мешало знать истинное отношение окружающих к тебе», — подумал я. Очень тихо подкрался на корточках к двери и стал слушать. Пару выпавших страниц оставил на полу: если бы кто-то увидел меня в таком положении, у меня была бы возможность хоть как-то объяснить свои действия. За дверью слышался голос Бородаенко:

— ...обнаглел он совсем! Заметили, как он разговаривает теперь? А ходит? Словно аршин проглотил. Ты бы видел, Панченко, как он оделся сегодня! Когда на планерку опоздал. Вырядился, как на свадьбу. Лопух. Еще и духами облился: несло он него, как от парфюмерной фабрики.

— Саша, ну зачем ты так, — перебил мягкий вкрадчивый голос Гараяна. — Все люди меняются, и Сережа — не исключение.

— Да он же чмо, Левон, — с нескрываемым презрением в голосе сказал Панченко. — Жаль, я не видел этого цирка. Он что, думает: нарядился как клоун, одеколоном побрызгался — и крутой стал? Лох он, и относиться к нему надо как к лоху.

Я слушал и чувствовал, как лицо заливается краской. Сердце сильно колотилось, я боялся, что его стук слышно там, за дверью. Я старался

успокоить дыхание, но ничего не получалось. Страшно захотелось курить.

— Да, может, просто влюбился парень, — предположил Гараян. — Я когда на Миленку запал, тоже расфуфыренный ходил. А вспомни себя, Саша, когда ты за Маргаритой ухаживал. Я тебя тогда еще первый раз побритым увидел.

— Кстати, Александр Витальевич, — встrepенулcя Панченко, — у вас что-то было с ней?

— Конечно, стажер. А ты думал? Что я, как Резвей, буду годами вокруг Лидки витьcя? Цветы, ресторан, переспали — и все, прости-прощай, мы разошлись, как в море корабли.

— Ну, вы орел, дядя Саша! — сказал Панченко.

— Да, стажер, я такой! — подтвердил Саня.

И оба заржали.

— Помню, как-то бухали мы... Где-то полгода назад, помните? Тебя, Панченко, тогда еще не было у нас, можешь не тужиться, не вспоминать. Резвей еще тогда был с нами, Левон, ты-то должен помнить. Потом он упился в хлам, ползал вокруг Фрайбергер на коленях и шептал: «Я люблю тебя, Лида!»

Радостный гогот ударил по ушам. Я помнил ту историю смутно, уже почти забыл, поскольку действительно выпил тогда сверх меры.

— А Лидка что? — спросил Панченко.

— Лидка? Лидка сказала ему что-то типа: «Повторишь это, Резвей, когда будешь трезвей». Резвей стал рубаху на груди рвать, копытом бить, что трезвый он, как стеклышко, а потом проблевался, лошара, прямо ей под ноги... Короче, лох — это судьба... Ха-ха!

Я и не заметил, как сзади подошла вернувшаяся с планерки Лидка.

— Резвей, что ты тут делаешь?

— Я? — пробормотал севшим голосом. — Ничего. Отдыхаю.

Я и забыл про выдуманную версию о подборании выпавших отчетов.

Лидка насмешливо посмотрела на меня и сказала:

— Ну, отдыхай, отдыхай. Пройти дай только.

— Проходи, — прошептал я, собрал выпавшие страницы и, ничего не видя, двинулся по направлению к туалету.

Еле передвигая ноги, шел, шаркая, как старик. Из кабинета донесся строгий голос Лиды.

— Над чем веселитесь так, ребята? — строго спросила она. — Работы нет, что ли? Так я подкину!

— Резвея обсуждали, Лидия Романовна! — сказал Панченко. — Кстати, а где он?

— Сидел минуту назад под дверью, отдыхал, как он мне сам сказал. Судя по всему, грел уши...

К счастью, в туалете было пусто. «Я — чмо и лох, лох и чмо», — думал я. В голове звучала песня: «Лох — это судьба».

Совсем недавно я стоял здесь же, курил, но мысли были радужнее. Тогда мне казалось, что все будет просто. Изменить линию поведения, имидж — и все сразу станет хорошо. Как в сказке. Черта с два!

Из подслушанного разговора коллег о себе я не узнал ничего нового. Кроме одного. О том, что Лидка просила повторить признание в любви, когда я буду трезвым.

Я забыл это. Или не услышал ее слова, потрясенный фактом своего признания в любви. В памяти отложилось лишь признание и то, как меня внезапно стошнило Лидке под ноги. Полгода прошло, память, заботясь о душевном равновесии, потихоньку стерла все неприятное и стыдное, что было в прошлом. Хорошо, что для Бородаенко это не неприятное воспоминание, а веселый эпизод из офисной жизни. Хорошо, что он мне его напомнил...

Е-мое, да о чем я думаю? Сам на грани увольнения, отношения с коллективом безнадежно испорчены, все окружающие считают меня лохом и держат за чмо. Тут не о Лидке надо думать.

Я-то, дурачок, поверил в себя. Да, раньше на мне ездили. Использовали. Но относились хорошо. А сейчас? Сейчас все думают, что у меня помутнение рассудка. Что я оборзел. Съехал с катушек и позволил себе вещи, недопустимые для «лоха обыкновенного».

Первые мои «победы» сменились полным поражением. Нового, изменившегося Резвея, готового и подлянку устроить (если вспомнить, как я заложил Лидку Степанычу, а Костю — коллегам), окончательно

перестали уважать. Не обошлось, наверное, и без слухов, пущенных Николаичем о том, как я грозил пожаловаться начальству.

Раньше я был хоть и лох, но безотказный. Эдакий добрый малый, готовый всем помочь и взвалить на себя чужую ношу.

Теперь я — лох подлый. А значит, опасный.

А значит, мне осталось два варианта. Либо плюнуть на все, сдаться, извиниться перед Лидой, Панченко, Николаичем, Жориком и соседом Васей и стать прежним Резвеем, забыв про Леху и его советы. Либо уволиться и начать все заново на новой работе. С чистого листа.

Становиться прежним мне не хотелось. Значит, оставалось одно: уволиться по собственному желанию, пока не уволили за нарушение трудовой дисциплины по статье, и срочно найти новую работу. На что жить, будучи безработным, я не подумал, считая, что у меня все еще есть какие-то накопления.

Выйдя из туалета, я направился напрямиком к Кацюбе.

— Выпиваешь в рабочее время, разлагаешь коллектив, плохо влияешь на атмосферу в офисе... Игорь Николаевич на тебя жаловался, говорил, что ты грозился уволить его. Георгий Иванович рассказал, как ты его грубо обложил матом. Косте Панченко непристойную картинку на компьютер поставил, да еще и заблокировал. Сегодня на планерку опоздал. Я тебя не узнаю, Сергей.

Кацюба перечислял мои грехи, а я думал, что стучал, оказывается, не только Панченко. Стучали все. Это я, воспитанный в духе героев Жюль Верна и Фенимора Купера, считал ниже собственного достоинства сдавать товарищей. А товарищи-то — никакие не товарищи. И скринсейвер менял не я, а Бородаенко.

— В общем, я хочу, чтобы ты хорошо подумал. Штрафных санкций пока применять не будем, но если и дальше все будет продолжаться в таком духе...

— Станислав Евгеньевич, — перебил я его, — я увольняюсь.

Стас как будто окаменел. Обычно, когда он говорит, раскачивается, как Валерий Лобановский^[10], взад-вперед. Сейчас перестал. Я не без

удовольствия наблюдал, как в его лысой бугристой голове заворочались мозги, пытаюсь осмыслить сказанное мною.

Логику Стаса понять можно. Работал уже не один год хороший сотрудник. Очень хорошо зарабатывал, на условия труда не жаловался. Не без перспектив. Критику в свой адрес воспринимал всегда спокойно. И вдруг заявил об увольнении!

Наконец мозги Стаса успокоились. Он вновь начал раскачиваться и спросил:

— А позволь поинтересоваться, почему?

— Зовут в другое агентство. На ту же должность, но с бóльшим окладом, — не задумываясь, сказал я первое пришедшее в голову.

— Куда конкретно тебя зовут, спрашивать не буду. И уговаривать остаться не буду. Парень ты серьезный, раз решил — значит, решил твердо.

— Я, Станислав Евгеньевич, честно говоря, еще не решил. Есть мысли заняться бизнесом самому. В той же сфере, а что — клиентская база есть, наработки, опыт приличный.

— Рассмешил. Ты серьезно?

— А почему бы и нет? — обиделся я.

— Ты думаешь, это просто: захотел и занялся бизнесом?

— Если вы о вложениях, то я могу взять кредит. У меня знакомый работал администратором в ресторане, потом открыл собственный — правда, не ресторан, кафе, — но все равно, знаете, какие он сейчас деньги зарабатывает? И живет он теперь не от зарплаты до зарплаты.

— Открыть один ресторан — это не бизнес! — рассердился Кацюба. — Это ремесленничество! Как открыть лавку по ремонту обуви или стоматологический кабинет. Салон красоты, кафе, автомойка, бюро переводов — это все не бизнес! Это люди, которые могут своими руками что-то сделать, вот они и делают! А бизнес — это другое.

— Да что вы на меня кричите? — возмутился я. — Называйте как хотите, но я могу открыть свое рекламное агентство, и вы мне не мешаете!

— Да зачем мне тебе мешать, Сергей, — успокоился шеф. — Влезешь в долги, влипнешь, обанкротишься и вернешься ко мне. Управление компанией — это тебе не на заднице сидеть, договоры

подписывать да секретарш лапать. Это профессия, которой годами учатся. Это лидерские качества, чтобы ты людей мог повести за собой, чтобы они в сложные для компании моменты не ныли при задержке зарплаты, а работали еще усерднее. Это нюх, интуиция, умение договариваться, идти на компромиссы. Это предпринимательский дух, наконец! Готов ты год сидеть без денег вообще, а небольшие доходы отдавать на зарплату сотрудникам? Вкалывать сутками и без выходных, нести ответственность перед законом, налоговой, партнерами, заказчиками, сотрудниками? Если да, и ничего из этого не боишься, и владеешь всеми нужными навыками, да еще и пойдешь учиться на МВА, параллельно набивая синяки да шишки, то я желаю тебе удачи! Но нет у тебя ни навыков управленческой деятельности, ни предпринимательского духа, ни лидерских качеств, ни готовности работать на износ! Я знаю, о чем говорю, не первый год вместе. Ничего у тебя не выйдет!

— Вам хорошо рассуждать, Станислав Евгеньевич, у вас большой дом, квартира, обслуга, тачки навороченные, отдыхаете на лучших курортах. Что-то незаметно, чтобы вы вкалывали сутками...

— Ох, и балда же ты, Сергей! — протянул шеф. — Я, знаешь ли, к этому не за один год пришел. Все было: и проблемы, и неплатежи, и кидалово, и бандиты, и наезды, и попытки отобрать компанию, и увольнялись от меня пачками, и по судам таскали. Ничего — выстоял, вытерпел. Было время на заре, когда мы первый кабельный канал открыли, первые полгода лично по домам ходил, кабеля тянул, жена с ребенком на руках по морозу листовки расклеивала с рекламой, дома жрать нечего было, потому что все вложено и заложено — и наша квартирка, и моих родителей, и родителей жены. А сейчас...

Кацюба задумался и спокойно продолжил:

— Я, знаешь ли, обычный человек, мне не нравятся истории, когда кто-то ездит на древнем «москвиче», живет в однокомнатной квартире, но при этом на счету у него лежит два миллиарда. Я таких людей боюсь. Жить надо по средствам, и это касается не только небогатых, но и обеспеченных. Чаю хочешь?

Я кивнул. Кацюба набрал номер секретарши и попросил принести чаю.

— Ну что, Сергей, как мы дальше с тобой-то...

Я, сильно пристыженный, сидел с бордовым лицом, когда зашла Рита с подносом: кружки с чаем, конфеты, орехи, печенье.

Когда она вышла, я тихо сказал:

— Извините, Станислав Евгеньевич, не знаю, что на меня нашло. Курить бросил, может, поэтому так неадекватно себя веду.

— Не бери в голову, дело молодое, — улыбнулся Кацюба. — А что курить бросил — молодец! Ты сейчас, может, и не понимаешь всей прелести, а доживешь до моего возраста — сам себе спасибо скажешь! Знаешь что? Ты подумай еще до завтра. Хорошо подумай. Золотых гор обещать не буду, но твое повышение в должности в ближайшее время я планировал. Подумай! От добра добра не ищут.

Теперь пришла моя очередь удивиться.

— Хорошо, Станислав Евгеньевич, я подумаю. Всего доброго.

— До свидания, Сергей. И это... Уверенности в себе побольше!

— Постараюсь, — я встал и вышел в приемную.

Посетителей в приемной не было, Ритка сидела одна.

— Хорошо выглядишь, Рит.

— Спасибо, Сережа, — Рита вскинула на меня синие-синие глаза. — Слушай, а я тебя сегодня и не узнала сперва! Ты такой... такой... другой! Ты тоже хорошо выглядишь! И пахнешь чудесно!

— Спасибо, — смутился я.

Я не импульсивен, но в этой ситуации, после неудачного утра, когда мое самомнение опустилось гораздо ниже пресловутой линии плитуса, мне очень захотелось проверить себя. А заодно отношение Риты ко мне.

— Рит, что ты сегодня вечером делаешь? — деланно бодрым голосом спросил я.

— Я? — деловито спросила она. — Не знаю пока. А что, есть предложения?

— А давай сходим куда-нибудь? В ресторан, может, или в кино? Куда ты хочешь?

— Мне все равно, честно, давай в кино.

— Ну, до вечера тогда, — я не удержался и расплылся в улыбке.

— До вечера.

И, чему-то улыбаясь, вновь погрузилась в какие-то бумаги. А я вспомнил рассказ Бородаенко, и моя радость быстро улетучилась.

Когда я зашел в отдел, Гараян поглощал бутерброды. Панченко, наверное, опять убивал время у девчонок-дизайнеров, его рабочее место пустовало. Бородаенко сидел в наушниках и, судя по тупому застывшему взгляду и вздрагиваниям, играл в стрелялку. Лидка посмотрела на меня, покачала головой и вновь уткнулась в монитор.

Я, чувствуя, что терять мне уже нечего, поздоровался с каждым, перекинулся парой фраз с Левоном на тему самочувствия, рассказал ему, как встретил Васю. Левон поинтересовался, все ли в порядке, а потом поблагодарил за вечер. «Здорово посидели», — сказал он.

Уволюсь или не уволюсь, а работать надо, пока я еще сотрудник компании. Я подобрал хвосты, выяснил у Лидки обсуждавшиеся на совещании вопросы и задачи. Она, к удивлению, деловито и подробно поставила меня в курс дела по всем вопросам и даже подметила, как я изменился:

— Хороший запах, Резвей. «Пако»? Мне нравится.

— Спасибо, Лид, — ответил я, ощущая, как за спиной растут крылья.

— Влюбился в кого-то? А то смотри, я ревную! — улыбнулась она.

Пожалуй, это стало лучшей наградой за вчерашние мучения и потраченные накопления. Я даже забыл о сигаретах и с головой ушел в работу.

Остаток дня прошел спокойно. Панченко избегал встречаться со мной взглядом, да и я не горел желанием общаться с ним. В рабочей суете совсем забыл о вечернем свидании с Ритой.

В перерыв сходили с Михой и Левоном пообедать. Выяснилось, что Левон сел на новую диету: не есть на ночь — и пообещал вести блог на эту тему. С Миленкой он так и не помирился, и было видно, что в этот раз он настроен серьезно и сам никаких первых шагов предпринимать не собирается.

— У тебя точно никого нет, старик? — поинтересовался Миха у него. — А то я тебя не узнаю.

— Ты вон на Сережу лучше посмотри, — заметил Левон. — Вот его я точно не узнаю.

— Да прекратите, парни, — смутился я. — Уже и постричься человеку нельзя?..

— Я на днях одноклассника встретил, Сашу Проценко... Еле узнал, так сильно он изменился! Был обычным троечником, спокойным, даже вальяжным.

— А сейчас? — спросил я.

— Дерганый он какой-то стал! — ответил Миха. — Весь в делах, даже толком не остановился поговорить. Да и вообще, взять всех, с кем я учился и зафрендился в соцсетях: двигаются, бегают, суетятся, строят планы, делают бизнес или карьеру.

— И правда, — согласился Гараян. — Я тоже заметил. Все как будто выбрали одни и те же стандарты жизни, одни и те же идеалы. А еще говорят штампами, слушают штампы, смотрят штампы, живут по штампу.

— А я вроде как новую жизнь начал. Парни, серьезно. Помнишь, Миха, наш с тобой разговор в курилке в пятницу? Надоело мне так жить, как в болоте, решил меняться, потому и шмотки новые, и стрижка...

— Сережа, — перебил меня Гараян. — Ты это... Тормозни, успокойся. Подумай сначала, хорошо подумай, основательно, спокойно: кто ты, чего хочешь, к чему идешь. А вот когда четко поймешь, приоритеты расставишь, сильные свои и слабые стороны определишь — вот тогда и живи новой жизнью: ненавидь, люби, плачь, смейся, радуйся и огорчайся. Живи!

Слова Левона упали в благодатную почву. С самой первой встречи с Лехой я чувствовал, что много делаю, трачу много сил. Но как понять, правильно ли я бегу, если не знаю четкого направления? И та ли цель, которую я совсем недавно себе поставил, на самом деле мне нужна?

В офис я возвращался, сильно задумавшись. А ближе к вечеру позвонил Леха.

— Здорово, Серег! Как ты? Все нормально?

— Привет, Леха. Да столько всего, голова кругом. Курить бросил. Ты откуда звонишь?

— Да я сегодня только прилетел. Устал как собака. Насчет курить — молодец, хвалю! Что вечером делаешь? Пересечемся?

— Легко.

— Легко, — передразнил меня Леха. — А чего голос такой кислый?

— Нормальный голос.

— Не, меня не проведешь. Ладно, не кисни там, вечером поговорим. До связи.

— До связи.

Отключился, а потом вспомнил о Ритке. Черт! Ладно, что-нибудь придумаем. Главное — дожить до конца рабочего дня. А там будет проще, эмоции утихнут, да и Леха что-нибудь подскажет. А подскажет ли? Зачем ему это надо вообще?

Выстроенную кирпичную стенку снесло ураганом враждебности коллег. Уверенность в себе, в собственной правоте — всё рухнуло от одного подслушанного разговора.

Старые ошибки повисли мертвым грузом и не давали идти вперед.

ГЛАВА 11

Кино и немцы

Уходя с работы, встретил Миху, который кого-то ждал и курил, чтобы скоротать время.

— О, старик, ты с нами?

— Боюсь, что нет: планы. Но не постесняюсь спросить: куда и с кем это «с нами»?

— Да вот собрались с Леоном в кино и тебя думали позвать, — ответил Миха и протянул сигареты: — Будешь?

Я подумал, что хотели бы позвать — позвали бы заранее, а не когда я случайно мимо проходил. Да и вообще, как-то странно вся эта их внезапно вспыхнувшая дружба ко мне выглядит...

— Ясно, — сказал я, жестом отказываясь от сигарет. — Что ж, спасибо за приглашение, но сегодня у меня другие планы. Приятного просмотра, Мих!

— Точно, старик? Может, покурим хотя бы вместе?

— Точно. А курить я бросил, я же тебе говорил. Пока!

Миха задумчиво кивнул, затаился и уткнулся в телефон. На пороге появился Гараян, которому я помахал и быстрым шагом направился к метро — до встречи с Лехой надо было успеть заехать в салон оптики, взять уже, наконец, эти чертовы линзы. В мокрую питерскую осень вечно запотевавшие очки стали раздражать, а их роговая оправа «минус пять к харизме» не сочеталась с моими новыми шмотками «плюс десять ко всем атрибутам».

В салоне консультант Лиза — милая девушка в очках, которые ее нисколько не портили, — долго и терпеливо разъясняла мне особенности различных видов линз. Наконец я остановил выбор на самых дорогих. И они обошлись мне дешевле очков, которые из-за досадных случайностей я менял с завидной регулярностью.

Только дома вспомнил о встрече с Ритой и долго размышлял, кого же выбрать. Очень хотелось встретиться с Лехой, рассказать ему обо всем, что произошло, посоветоваться, что делать дальше, стоит ли увольняться.

С Ритой встретиться хотелось не меньше. Я никогда не думал, что у меня хватит смелости пригласить ее на свидание.

Честно, я был уверен, что она спит с шефом. И только с ним.

Самоуверенный Бородаенко так не считал и своего добился. А хочу ли я того же, чего и он? Или созрел для чего-то серьезного?

У меня лет пять не было постоянной девушки, да и постоянной за всю жизнь была только одна.

Анна.

Анна терпеть не могла, когда ее звали Аней. Мы познакомились в магазине, одном из тех, где можно было упаковаться развлечениями до конца света: фильмы, музыка, книги, игры на любой вкус. Анна была продавцом-консультантом. А я проходил тогда практику в небольшом рекламном агентстве неподалеку.

В кино я и в то время разбирался прилично. Возможно, поэтому Анна выделила меня из толпы и много со мной разговаривала: давала дельные советы, отговаривала покупать то, что, на ее взгляд, было отстоем, и советовала авторское кино. Голливудские блокбастеры она не любила, что, впрочем, не мешало ей их продавать. Смотрела же Анна все, вряд ли только по работе. Скорее это была искренняя любовь к кинематографу.

В общении со мной она сразу перешла на свойский, даже пацанский тон.

— Отстой, не вздумай брать, — сказала она однажды, увидев у меня в руках «Поле битвы: Земля» с Джоном Траволтой. — Возьми лучше «Большой куш» Гая Ричи. Что? Ты не смотрел «Карты, деньги, два ствола»? Ну ты даешь!

Вскоре я стал постоянным покупателем. Приходил в магазин, делал вид, что изучал содержимое полок, а сам искал взглядом Анну. Если была не ее смена, уходил, ничего не купив. Когда я собрался с духом пригласить ее в кино — а куда еще один любитель кино может пригласить другого, — купленные мной фильмы были выложены дома у стены штабелями. Питался я лапшой быстрого приготовления, так

как денег катастрофически не хватало: все уходило на фильмы. Так вот, когда я наконец решился — Анна уволилась.

Ее бывшие коллеги — замкнутые неопрятные парни, которые на раз-два могли доказать, почему «Властелин колец» лучше «Звездных войн», — после долгих уговоров подсказали, где искать девушку: конечно, в Университете культуры и искусств. Никакой другой информации они мне дать не смогли — ни факультета, ни курса, — а фамилию назвать отказались: «не положено».

Несколько дней я бродил возле здания университета, заглядывая в близлежащие кофейни, но Анну так и не нашел.

И когда я совсем потерял надежду, совершенно случайно мы встретились в метро. Она так искренне обрадовалась, что я легко, не задумываясь, пригласил ее вместе выпить. И она согласилась.

Мы стали встречаться, и это была взаимная любовь, страстная и стремительная, так что через месяц мы уже жили вместе.

Будучи девушкой продвинутой: пирсинг, татуировки, всегда запас травки в сумочке, — она не терпела косметики, лихо каталась на роликах, умела поддержать любой разговор. Стройная фигурка, чистая светящаяся кожа, милая улыбка — я, тихий интеллигентный мальчик без особых перспектив и богатых родителей, так и не понял, чем ее завоевал.

Еще Анна много рисовала и часто дарила мне свои рисунки. Я этим гордился — рисовала она хорошо. В такие моменты я проникался особой нежностью и любовью к ней.

Яркая весна и жаркое лето в наших отношениях сменились пасмурной осенью, когда она все больше времени стала проводить не со мной, а я начал ревновать по любому поводу и устраивать разборки. Ее привычки, раньше казавшиеся милыми, стали раздражать меня и доводить до тихой, урчащей внутри злости. Она ничего не готовила, перебивалась фастфудом или тем, что готовил я из полуфабрикатов: пельмени, сосиски, макароны, вся та нехитрая кухня, которую осваивает ко второму курсу каждый иногородний студент. Личные вещи, художественные принадлежности — краски, кисти, палитры, какие-то доски, подрамники — она раскидывала по всей квартире, так что больших трудов стоило найти что-нибудь. Ко всему она активно

флиртовала в сети, да и в реальной жизни, сводя все к тому, что я не имею права в чем-либо ее ограничивать.

Я же жил в постоянном стрессе и изводил себя разными фантазиями и подозрениями.

Мне казалось, что можно вернуть те отношения, которые у нас были вначале. Надо было только стать хорошим и примерным парнем. Я работал, закупал продукты, утром готовил завтрак, вечером ужин. Я прекратил, по крайней мере внешне, ревновать. Я дарил цветы, подписанные открытки и всякие приятные, как тогда считал, безделушки, которые могли бы поднять настроение. Стирал — руками, машины у нас не было — не только свои, но и ее вещи, даже нижнее белье; гладил, пылесосил. Наводил, в общем, порядок каждый день, а по выходным затевал генеральную уборку. Иногда она помогала мне, а потом мы вместе проводили время, но чаще она исчезала по одному из тысячи поводов, которые у нее всегда находились.

Я не задавал ей никаких вопросов, даже если среди ночи нас будил чей-то звонок и она, прижав телефон к груди, тихо ускользала в ванную, откуда не возвращалась подолгу. Я же глядел в потолок, порывался встать и подслушать, но воспитание... «Подруга», — говорила она, ложась рядом, если видела, что я не сплю.

Анну все устраивало и в то же время не устраивало ничего. Она стала молчаливой, по крайней мере со мной, мало ела, на мои поцелуи отвечала вяло и холодно, а когда я ловил ее в объятия, казалась мне уличной кошкой, которую поймали дети, чтобы погладить. И даже цветы ее не радовали, так что мне приходилось самому их ставить в вазу с водой. Если я этого не делал — букет так и оставался лежать где-то в прихожей, возле обуви.

Из общего осталось только кино. Но и здесь, оказалось, у нас совершенно разные вкусы. Мы по инерции жили дальше, я чувствовал, что все еще люблю ее. Черт его знает, чем бы все это закончилось: возможно, моим суицидом от неразделенной любви, — если бы в один пасмурный дождливый вечер я не вернулся домой и не обнаружил, что она ушла, не оставив даже записки.

Мои звонки Анна сбрасывала, так что только спустя несколько дней, когда я в абсолютной депрессии все-таки дозвонился, она сухо

сказала, что любовь прошла и жаль, что она сразу не разглядела, какой я неудачник.

Несколько месяцев я жил как во сне и понял, что все закончилось, когда с удивлением для себя стал с интересом разглядывать незнакомую красивую девушку в метро.

Следующей девушкой, в которую я влюбился, стала Лида Фрайбергер. Но с ней у меня как-то не складывалось. Мягко говоря.

Одиночество стало для меня привычным. Настолько, что мне не составляло труда представить себя сорокалетним холостяком, все так же проводящим вечера у телевизора или за компьютером, смотрящим сериалы, читающим книгу за книгой или играющим в очередную онлайн-игру. Строить свою жизнь на эмоциях от чужой жизни за экраном из-за отсутствия своей?

Нет.

Кто знает: может, свидание с Риткой станет для меня чем-то иным, чем бородаенковские «цветы-ресторан-постель-прощай». По крайней мере мне она нравится и я готов к серьезным отношениям.

В общем, я решил отменить встречу с Лехой. Но сначала надо было позвонить Ритке: убедиться, что она не передумала.

Я выяснил, какие сеансы были на вечер, после чего набрал ее номер.

— Рита, привет! Это Сергей Резвей.

— А, привет! — радостно защебетала Ритка. — Я как раз только домой зашла. Ну что, у нас на сегодня все в силе?

— Да, в кино идем, в «Художественный». Есть тупая комедия, тупой боевик и слезливая, но адски красивая, судя по рецензиям, драма. А может, ты фантастику любишь?

— Нет, не очень, — сказала Рита. — Но мне все равно, я в кино сто лет не была. Заедешь за мной?

Я чертыхнулся про себя. Все, завтра в автошколу!

— Я без машины, Рит. Но могу на такси заехать.

— Тогда не заморачивайся, давай в девять встретимся на Маяковке. Все, я побежала марафет наводить. До встречи!

— До встречи!

Трубку я клал с легкой досадой на себя — за отсутствие машины и неумение водить.

Выбор фильма пришлось обмозговать. Каждый год в Голливуде выпускается уйма проходных фильмов. Комедия и боевик были как раз такими. Драма же обещала стать тем, что люди пересматривают и спустя десять лет, и мне захотелось, чтобы эта картина ассоциировалась у Риты со мной. Тем более, судя по рейтингу фильма, со мной были согласны миллионы зрителей по всему миру.

Подумав о том, что говорить Лехе, я решил ничего не скрывать и набрал его номер.

— О, Серега, здорово! — от него так и веяло бодростью и радостью жизни, даже по телефону. — Освободился? Я скоро тоже освобожусь, одна встреча осталась...

— Лех, я не смогу сегодня, — перебил я его. — Я одну девчонку пообещал в кино сводить. Ритой зовут, с работы.

— Кино? Кино — это здорово! Куда и на какой фильм?

Я машинально ответил, немного ошеломленный тем, что Леха тоже собрался с нами в кино.

— Вышел уже? Ничего себе... — Леха задумался. — Смотрел трейлер — очень круто, похоже, крышесносящий!

— Да, наверное, — скучным голосом предположил я.

— Эй! Да ты не думай, я отдельно от вас пойду. Что, думаешь, мне и в кино сходить не с кем? А по поводу встречи... У тебя насчет Риты на ночь какие-то планы есть? Или все серьезнее?

— Планы? Это как получится, я пока не думал. Пообщаться же надо.

В трубке раздался Лехин смех.

— Серега, к такому надо быть готовым до встречи! Но я сейчас не об этом, я вот к чему — если тебе именно сегодня переспать с Ритой... Ритой? Погодь, а что с заразой Лидкой? Почему ты не с ней в кино идешь?

— Хм... Расскажу при встрече, — ответил я, надеясь до тех пор придумать что-нибудь правдоподобное.

— Ладно. Так вот, если тебе именно сегодня с Ритой хочется переспать, то вопросов нет, встретимся в другой раз. Если же это не

горит и переспать на первом свидании для тебя не смысл жизни, то я готов встретиться с тобой, когда ты освободишься.

— А как же кино? Я же уже пообещал!

— Все продумано! Смотри: вы спокойно идете в кино, я тебе звоню после фильма, мы имитируем деловой разговор. Потом ты делаешь расстроенное озабоченное лицо и говоришь ей: «Риточка, милая, извини, очень важная встреча» — и в таком духе. Неглупый, сообразишь. Заинтригованная Рита едет восвояси, а мы — общаться.

Я подумал, что это хороший план.

Ритка опоздала всего на пять минут. Чудо-девчонка. Пока поднималась по эскалатору, смотрела на меня, улыбка до ушей. Я ее даже не узнал поначалу. Привык к офисному виду, а тут — джинсы, легкая куртка, волосы распущены. Ступенькой ниже стояли какие-то кавказцы в кожаных куртках. Один из них тронул Риту за плечо, что-то спросил. Слов не слышно, зато было видно, как она отрицательно покачала головой. Кавказец явно расстроился.

О Рите я знал немного. На работе она мало с кем общалась, в корпоративных гуляниях активного участия не принимала, была приветлива, отзывчива, но всегда соблюдала дистанцию. За этот день миф о Риткиной неприступности развеялся дважды: после рассказа Сани Бородаенко и сейчас, когда я увидел ее на эскалаторе. Я смотрел на нее и не мог отвести глаз, пытался найти хоть какой-то недостаток, подвох, который бы уравнил мои шансы, объяснил бы, почему она пришла на свидание со мной. Но не находил. Рита пришла — вот и все, что можно было сказать.

Поднявшись, она внимательно изучила мое лицо, сияясь понять, что же изменилось. Потом поняла — очков нет! — и улыбнулась. О своем открытии не сказала ни слова.

— Привет! — на секунду прижалась щекой к моей щеке. — Идем?

— Идем, — ответил я, все еще не в силах отвести глаз. — Ты здорово выглядишь!

— Спасибо, Сереж.

Она взяла меня под руку, и из метро мы вышли на вечерний Невский. Звучит банально, но на Невском вечером всегда красиво. Романтика. Неспешным шагом дошли до места назначения.

В кинотеатре народу немного, понедельник все-таки. Я купил билеты. До сеанса еще минут десять, можно успеть купить пива.

— Попкорн, колу, пиво?

— Терпеть не могу попкорн!— воскликнула Ритка. — Пиво!

Взяли пива и прошли в зал. Места попались хорошие: не далеко, не близко, а прямо по центру.

Когда погас свет, мне захотелось обнять Риту. Замирая, я взял ее за руку. Ладонка у нее была сухая и холодная. Я сидел, немного напряженный, неподвижный, счастливый, уставившись в экран и чувствуя, как стучит сердце.

Но когда она доверчиво прильнула ко мне, я расслабился, и мне стало по-настоящему хорошо.

Ближе к концу фильма мне позвонил Миха, но я не ответил. Перезвонив еще несколько раз, он прислал SMS: «Ты где?» «В кино», — не смог соврать я. «С кем?» — спросил он. «С Ритой», — опять сказал правду. «Егоровой? Как освободишься, сразу позвони!» — велел Миха.

Фильм закончился.

— Как тебе фильм? — спросил я у Риты.

— Нормально. Хорошая голливудская поделка, — улыбнулась она.

Я немного расстроился. На мой взгляд, фильм прекрасный, но я решил не быть занудой — на вкус и цвет...

Мы стояли у входа, я вдыхал осенний воздух и сомневался, стоит ли ехать к Лехе. С Ритой мне было очень хорошо, и рушить очарование вечера какими-то «деловыми встречами» не хотелось. Обычно пасмурное небо в этот раз скалилось яркими звездами.

— Мне холодно, — пожаловалась Ритка.

Я приблизился к ней, обнял и спросил:

— А сейчас?

— Теперь тепло... — она обняла меня за шею.

Рот маняще приоткрыт, глаза смотрят пристально и ожидающе. Так и хочется прильнуть к ее губам и целоваться до умопомрачения. А вдруг отпрянет? Вдруг ей станет противно? Вдруг она не хочет? А потом весь офис будет смеяться.

«Знаете, — будет говорить Ритка, — Резвей меня в кино пригласил. Я подумала: а что, делать вечером нечего, можно сходить. А он после фильма целоваться полез, как озабоченный!»

Не будет она так говорить. Не будет! И вообще, что это я о всякой ерунде думаю? Зачем я вообще думаю в такой ситуации?!

Мне же не четырнадцать лет! Двадцать семь! Не мальчик уже! И я плюнул на сомнения и страхи.

Прижал Риту к себе и почти поцеловал, но в последний момент она увернулась, и поцелуй пришелся в щеку. Черт! Лицо залило краской. Рита отстранилась, и я почувствовал, что мои худшие предположения сбываются. Идиот, напридумывал себе! На что надеялся!

— Слышь, ты!— прервал мое самобичевание неприятный развязный голос. — Курить есть?

Я оглянулся и попытался сфокусироваться. Сзади стояло трое парней. Двое — классические скинхеды в бомберах, в зенитовских «розах». А третий — Леха.

— Курить? — непонимающе глядя на Леху, спросил я. — Нет, не курю.

— Спортсмен? — ухмыльнулся щербатый скинхед. — Здоровье бережешь?

— Сереж, вот у меня есть, возьми, — протянула мне пачку дамских сигарет Рита.

Я взял, приоткрыл и протянул Щербатому.

Он вытащил сигарету, вставил в зубы и сказал:

— Слышь, это... корешам еще дай.

Я вновь открыл пачку.

Щербатый вытащил еще две сигареты, дал второму скинхеду и Лехе и сказал:

— Слышь, тут мало осталось совсем, давай всю пачку. А ты своей девочке новую купишь.

Я разозлился. Мне показалось, что Ритка с интересом следит за ситуацией.

— А морда не треснет? — вспомнил я наиболее подходящую фразу. Леха довольно заулыбался, а я вдруг почувствовал себя увереннее. Щербатый скривился и сказал:

— Не, не треснет, братан. У тебя может треснуть, если че.

Или я чего-то не понимаю, или тут что-то не так. Проверить это можно лишь одним способом.

— Да пошел ты!

— Че? — удивился Щербатый и лбом врезал мне по носу.

Из носа потекло что-то мокрое. Я прижал к нему ладони, пытаюсь остановить кровь, и сквозь выступившие слезы увидел, как лыбятся скинхеды. Леха тоже улыбался!

Мимо нас проходили, стараясь не оглядываться, люди. Вмешиваться никто не собирался. Впрочем, это даже придало мне сил — вряд ли со мной случится что-то страшное у всех на виду.

Почему-то именно Лехина улыбка разозлила меня больше всего. Сбывался мой самый жуткий кошмар, преследовавший со школьных времен: мой лучший друг вместе с хулиганами унижает, издевается и избивает меня на глазах понравившейся мне девушки.

Раздираемый обидой и жалостью к себе, в отчаянии я сделал то, чего никогда не сделал бы, будучи один, без Риты. Правая ладонь сама сжалась, рука разогнулась, и кулак угодил Щербатому прямо в нижнюю челюсть. Удар получился слабым, но Щербатый картинно упал на асфальт и замер в позе зародыша.

— Э-э-э, ты чего? Братуха, все нормально, мы ни при чем. Извини, если что не так, — испуганно сказал Леха. — Все, мы сваливаем.

— Эй, сине-бело-голубые! Сигареты верните! — потребовала Рита.

— Да-да, конечно, — согласился второй скинхед, возвращая ей пачку.

Они подняли стонущего Щербатого и ускоренным шагом двинули в сторону подземного перехода. Я чувствовал опустошение после всплеска эмоций. А еще что-то было не так! Вспомнился пятничный вечер: Вася, Кепочка и почти такая же ситуация с Гараяном. В голове закрутились разные мысли, но я отогнал их. Быстро распухавший нос не дал мне уйти в астрал и по привычке заняться рефлексированием. Было нестерпимо больно.

Ритка удивленно смотрела на меня. Потом опомнилась, подбежала, вытащила платочек, приложила к моему носу и спросила:

— Сереж, ты в порядке?

— Да нормально все, — попробовал улыбнуться я. — Давай вернемся в кинотеатр. Зайду в туалет, надо кровь смыть.

— Конечно, конечно, — залепетала она, — я тебе помогу.

Впереди была встреча с Лехой, и я решил обязательно выяснить, что здесь происходило.

В туалете я отмылся, набил ноздри туалетной бумагой и вышел к Ритке. То, какими глазами она на меня смотрела, стоило десятка разбитых носов.

ГЛАВА 12

Разбор полетов

Ритка долго не могла успокоиться после встречи со скинами. Всю дорогу она в деталях вспоминала происшествие, с каждым разом приукрашивая мои подвиги. В последней ее версии хулиганы выглядели мелкими глупыми детишками, не понимавшими, с кем связываются. То, что я сам получил по носу, она сочла хитрым тактическим приемом.

— Слушай, Сереж, круто ты так загнулся, как будто от боли, а потом сам ка-а-ак дал! — тараторила Ритка. — Те двое аж сразу перекошились, поняли, с кем дело имеют!

Да уж, удружил Леха. Хоть бы предупредил, что ли. Но слушать Ритку было приятно.

Мы зашли в кафе поблизости от кинотеатра. Полутемная интимная обстановка заведения настраивала на авантюрный лад.

Кругом сидели влюбленные парочки, а у телевизора собралась небольшая кучка пузатых мужиков, смотревших футбол. За бильярдным столом лениво гонял шары какой-то очкарик. После каждого неудачного удара он мрачнел и бормотал страшные проклятия.

Толстая, но опрятная официантка принесла нам темного пива. Арбузные груди колыхались в такт ее движениям.

Ритка ревниво проследила за моим взглядом, а потом куда-то в пустоту сказала:

— Ей явно не помешало бы заняться собой.

Я постепенно отходил от первой в жизни драки и с упоением вспоминал сладость чувства от... Нет, не от фиктивной победы, а от того, что смог: ответить и ударить человека. Ударил, даже не зная точно, что будет дальше.

Нос противно пульсировал. По пути в кафе зашли в аптеку, где я купил пластырь. С пластырем на носу я чувствовал себя пострадавшим за правое дело героем.

Впервые в жизни я жалел, что в детстве не записался на бокс.

— Сереж, а ты, наверное, боксом занимался? — перебила мои размышления Рита. — Или самбо?

— Ничем я не занимался, Рит, — хмуро ответил я. — К сожалению.

— А вот Сашка Бородаенко мне рассказывал, что он занимался чем-то таким. То ли ушу, то ли кунг-фу. Даже пояс у него какой-то есть. А Стас — вообще чемпион СССР по тяжелой атлетике.

— Про Стаса я знаю, — сказал я. — А насчет Сани Бородаенко... Это правда, что вы встречались с ним?

— Да, встречались одно время, пока он мне не надоел. А ты откуда знаешь? — прищурился, спросила Ритка.

— Слышал от него, — ответил я.

— Да, правду говорят, что вы, мужики, хуже баб. И язык у вас без костей, — презрительно сказала Рита.

— Так, ты, пожалуйста, всех-то под одну гребенку не греби, — оскорбился я за мужиков.

«Го-о-о-ол!» — заорали болельщики. Бильярдист-очкарик испуганно вздрогнул. Официантка повторила пива. Визуально ее груди стали еще больше. Когда она отходила, я с трудом перевел взгляд на Ритку. В сравнении с арбузами официантки ее грудь явно проигрывала. Но маленькой я ее назвать не решился бы: хороший второй или третий размер, я не специалист.

— А что еще он рассказывал? — сделав ударение на слове «еще», спросила она.

— Да ничего особенного. Встречались, рассказывал. Расстались, рассказывал.

— Хватит увиливать, Сергей! — возмутилась Ритка. — Говорил он, что переспал со мной? Говорил, что бросил?

— Пес его знает, Рит, что ты привязалась? — вспыхнул в свою очередь я. — Какая разница, говорил он что-то или нет?

— Да такая, что если говорил, то соврал! Да, мы встречались пару раз, один раз он цветы подарил, повез к себе домой после ресторана. Выпили пару бутылок коньяка. Саша долго мялся, наконец решился, когда выдумал, что я окончательно опьянела, — с какой-то остервенелой злостью рассказывала Рита. — Но оказался неспособным к боевым действиям, поник, стушевался, извинился и отправил меня домой.

— Что значит «оказался неспособным к боевым действиям»? — решил уточнить я.

— Ты что, Сереж, совсем глупенький? Не встал у него, понимаешь? После этого он не то что «бросил меня», он взглядом со мной боится встречаться! А всем, гад, рассказывает, что поматросил.

— Так, может, для него то, что ты соглашалась с ним переспать, уже само по себе победа? И он потерял спортивный интерес? — спросил я.

— Да-а-а? — протянула задумчиво Рита. — Я не думала об этом. Но если бы я была мужчиной, то я бы это победой не назвала. А назвала бы полным, безоговорочным и позорным поражением.

— Знаешь, я тоже так считаю, — сказал я, протянув ей кулак.

Она улыбнулась, коснулась своим кулаком моего, и я озвучил удар примерно так же, как озвучивали драки в индийском «Танцоре диско»: «Тыщ-тыщ-тыщ-тыщ-тыщ» — постепенно затихая с каждым «тыщ». Продолжая улыбаться, Рита внимательно посмотрела мне в глаза.

— Сереж, а ты изменился.

— Да брось, — смутился я. — Мы не так часто с тобой виделись.

— Правда-правда. У меня глаз наметан, работа такая. Я вижу — ты изменился. Дело не в том, что ты сменил имидж, это и Бородаенко заметил...

— Рассылку сделал? — перебил я.

— Что? А, да, написал всем в духе: «Скандалы! Интриги! Расследования! Верните нам старого Сергея Резвея!» А ты не получил? Да не бери в голову и не перебивай, сбиваешь же! Изменился ты внутренне. Не скажу как, в чем, к лучшему или нет, но изменился. И чувствуется это...

Как назло, Риту перебил звонок Лехи. Она замолчала, ожидая, что я отвечу.

Я извинился и ответил:

— Да!

— Старик, ну, ты долго еще? За полночь уже!

— Да, понял. Это срочно? Ясно... Хорошо, через полчаса буду.

— Посади ее на такси и возвращайся туда, где сидишь, — четко прошептал указания Леха.

— Все понял. До встречи.

Эх, хорошая девчонка Ритка, свойская такая. И расставаться не хочется.

— Рит, прости, мне очень жаль, но надо ехать. Важная встреча.

— В час ночи? — широко раскрыв глаза, удивленно спросила она.

Я мысленно нецензурными словами «похвалил» Лехин план. Да и сам я придурок. Действительно, какая у меня может быть важная встреча в час ночи? Оставалось сохранить хорошую мину.

— Да, Рит. В час ночи. Очень важная встреча. И я очень хочу все-таки проводить тебя и посадить на такси.

— Хорошо, как скажешь, — растерянно сказала она. — Но можешь не провожать, если спешишь...

— Нет, я все-таки провожу. Мне будет спокойнее.

Рита печально кивнула и начала собираться. Мне и самому стало слегка грустно и досадно. Возможно, у нас что-нибудь вышло бы в эту ночь, может — нет. Это было не так важно, потому что ожидание праздника для меня всегда было круче, чем сам праздник.

Заплатил по счету, и мы вышли в прохладную ночь. Я поймал такси. Стоя возле открытой двери машины, прежде чем сесть, Рита сухо коснулась губами моей щеки, улыбнулась, а потом чуть чмокнула меня в губы.

Я вернулся в бар. И никак не мог согнать с лица глупую улыбку.

В одиночестве сидя за кружкой пива, я вспомнил, как утром бездарно провалил все свои планы, как меня выгнали с планерки, какой унижительный для себя разговор я подслушал у двери нашего кабинета. И подумал: стоило ли волноваться? Жизнь продолжается!

Дожидаясь Леху, я вспомнил о Михе и позвонил ему.

— Наконец-то! — воскликнул в трубку вдребезги пьяный, судя по голосу, Михе. На заднем плане я услышал гогот Гараяна.

— Спят усталые игрушки, второй час ночи, а Мишки с Левонами чего не спят?

— Короче, старик, бери такси и приезжай к нам!

— Зачем? Я занят!

— Мы со стариком Левоничем на Черной речке в стриптиз-клубе, ты нам срочно нужен!

— Да е-мое, чего случилось у вас там? — разозлился я. — Я не смогу приехать, у меня встреча!

— Встреча? С Риткой Егоровой развлекаешься, поди, гы-гы-гы, — заржал Миха.

И прошептал Левону:

— С Риткой мутит, прикинь!

— Да с чего ты взял, что я с Ритой?

— Сам же писал нам, что ты с ней в кино!

— Так она уже уехала!

— Ща, погоди, Левон хочет что-то сказать...

Я услышал шорох, тяжелое дыхание Левона, пьяный смех каких-то девиц.

— Але, Сережа! Это Левон! — заорал он, пытаюсь перекричать музыку. — Мы сидим в клубе с очень хорошими девушками! Приезжайте с Ритой к нам, будем веселиться! И возьми с собой денег, сильно выручишь!

Вот дебилы! До меня начало доходить. Ребята хорошо приняли, душа требует продолжения банкета, но возникли непредвиденные досадные сложности с запасом наличности.

— Спасибо за приглашение, Левон, но я правда сейчас не могу!

— А когда сможешь? — крикнул Гараян. — Через час сможешь?

— Постараюсь! — зачем-то тоже крикнул я и отключился.

Договаривая, я увидел, как в бар ввалилась уже знакомая мне троица: Леха и два скинхеда. Шумной, привлекающей внимание толпой они подошли ко мне. Я слегка напрягся.

— Здорово, Серега! — сказал Леха. — Знакомься! Лом! Лобзик!

Лобзиком оказался Щербатый. Он довольно лыбился, при улыбке его череп туго обтягивался блестящей кожей.

— Официант! Пива! — заорал Леха.

Тут же прибежала уже знакомая мне толстая официантка, выгрузила с подноса пиво, не пролив ни капли, и удалилась под одобрительные взгляды скинхедов.

— Вот это, я понимаю, буфера! — воскликнул Лом ей вслед.

Официантка оглянулась, лукаво улыбнулась и погрозила ему пальцем. Скины заржали.

— Ну что, пацаны, за знакомство! — серьезно сказал Леха.

— За знакомство!

В несколько глотков «пацаны» осушили бокалы. Леха лишь пригубил, утерся. Минут двадцать посидели, лениво обсуждали футбол и, уже не торопясь, потягивали холодное темное пиво. Очень хотелось поскорее спросить Леху о сегодняшней драке, рассказать ему, что произошло в эти дни. Но Леха, заметив мой вопрошающий взгляд, знаком дал понять, что пока не время.

— Ладно, пацаны, приятно было познакомиться! У меня тут с корешем разговор серьезный будет, — сказал он скинам.

— Какой базар, брат, мы удаляемся, — кивнул Лом. — Бог даст, свидимся еще.

— Свидимся, куда денемся, — подтвердил Леха. — Еще раз спасибо за помощь. Путевые вы ребята.

Скины удалились.

— Леш, объясни мне, что произошло у кинотеатра? — нетерпеливо попросил я. — И кто эти парни?

— Обычные парни. Такие же менеджеры среднего звена, как и ты. Просто сильно увлекаются футболом и фан-движением. Завсегдатаи тринадцатого сектора. Ландскрона^[11], слышал?

— Слышал, — ответил я. — А что они с тобой делали?

— Видишь ли, Серега, авторитет поддерживается не только хорошо подвешенным языком, но и кулаками. Вернее, готовностью броситься в бой. Как ты думаешь, почему люди боятся озверевших кошек? Ведь что может сделать этот маленький мурлыкающий пушистик против человека? Допустим, исцарапает тебя. Но в итоге-то ты ему шею свернешь! То есть кошка заведомо слабее человека. Но она пустит когти в ход, несмотря на неравенство сил, а человек — нет.

Я улыбнулся такому сравнению. И ведь правда, я бы не рискнул пойти против вздыбившейся и шипящей кошки. Проще пойти на попятный, смириться с этим малюсеньким поражением, стереть его из памяти, зато не получить ни царапины.

— И у людей так! Сам не раз наблюдал: в группе доминирует лидер, готовый ценой жизни порвать пасть любому, кто пойдет против него. И все эти здоровяки и спортсмены пасуют перед таким с виду хилым, но сильным духом. Понятно излагаю?

— Пока все понятно, — кивнул я.

Я видел, к чему клонил Леха. Но прописные истины, знакомые каждому пацану, проведенному хотя бы часть детства на улице, в изложении Лехи звучали иначе. Весомее.

— Идем дальше. Если б я тебя предупредил, что собираюсь организовать стычку с хулиганами, ты был бы готов к этому, заранее бы знал, что тебе ничего не грозит. Понятно, здесь ни о какой силе духа речи быть не может. Просто перед девчонкой пофорсить, липовый авторитет заработать. А такой дутый авторитет рано или поздно раскроется, и тогда падать очень больно.

— А пацаны-то откуда? — спросил я.

— Вышел я из кино, жену домой отправил на такси, а сам в этот бар зашел. Выпью, думал, кружку пива, пока ты с девушкой общаешься. Здесь и познакомился с Ломом и Лобзиком. С ними еще были Витя и Христо, но я подумал, что четверо на одного будет слишком.

— И?

— Поговорил с ребятами, попросил поучаствовать в легком театральном действе.

— И они так просто согласились?

— Подход к людям надо знать. Да речь не об этом! Ты, кстати, молодцом себя показал, не растерялся.

— Да растерялся я, Леш, — признался я.

— Да? Ну, я не заметил, а значит, никто не заметил. Удар, конечно, на двоечку был, но главное — сам факт! Ты преодолел свои страхи и сделал как надо.

— Да если бы не Рита... — начал я, но Леха перебил.

— А то! Женщины нас, Резвей, окрыляют! Я потому и подобрал такую ситуацию, чтобы ты не смалодушничал. А то, знаешь, бывает: да ладно, зачем конфликтовать, можно миром решить, все равно о моем позоре никто не узнает. Это заведомо порочная философия, особенно учитывая, что сам-то ты об этом знать будешь! И каждый

такой малодушный поступок — гвоздь в гроб твоей силы и уверенности.

— Все равно это как-то неправильно, Лех... — засомневался я.

— Правильно, неправильно... Кто угодно может быть прав и неправ одновременно. Возможно, я неправ, поскольку у твоей девушки теперь сложилось о тебе ложное впечатление. С другой стороны, вполне возможно, что теперь оно не ложное и ты действительно не побоишься постоять за себя и за нее. Объективно оценить ситуацию, отношения, жизнь не способен никто. Каждый будет судить в рамках своего личного опыта, мировоззрения и умения видеть сущности. И оценка правоты зависит не только от персонажей и ситуации, но и от момента. Нет никакой универсальной меры правильного и неправильного, это просто нелепо... Хуже всего, если постоянно пытаешься эту самую меру найти и примерить к какой-то конкретной ситуации.

— Значит, жизнь по совести — миф?

— Да пойми ты, жизнь запутана. Меньше думай, больше делай! Что правильно для тебя, может быть неправильно для другого. И наоборот! Бывает даже, когда правых вообще нет! Признай это и не теряй зря времени и энергии, гадая, почему все так или иначе. Воспринимай как данность и иди дальше, и не думай о сделанном или несделанном.

Он о чем-то задумался, а потом спросил:

— Слушай, а что с Лидкой? Ты же ее любишь вроде?

— Не знаю, Леха. Мне очень сильно хотелось доказать себе, что я что-то могу. Пригласить секретаршу шефа в кино показалось мне сильным поступком.

— Что за глупости? — поморщился Леха. — Ну ладно, продолжай. А еще лучше — начни сначала, расскажи все, что произошло с момента моего отъезда.

— Да все фигово совсем, — начал я сам себя жалеть. — В пятницу вечером задержались с коллегами после работы, выпили...

Рассказывая, выпил еще пару бокалов пива. Верняк перешел на чай. Во время моего рассказа он иногда одобрительно кивал, иногда кривился, но не перебивал.

Потом посмотрел на часы и, улыбнувшись, сказал:

— Итак, резюмирую твой невероятный рассказ о преодолении себя, соседей-алкашей, зловредных стажеров, коллег-филателистов и твоим

собственном преображении. С соседями у тебя не клеится — то ты мусор за них выносишь, то собственный хлам даришь. Коллеги тоже не особо тебя любят, а все твои попытки изменить себя привели к опустошению банковского счета и восприняты как клоунада. Так?

— Так.

— Идем дальше. Спишь ты как сурок, техниками быстрого пробуждения не владеешь, врешь сам себе, не выполняя запланированное. Ко всему ты героическими усилиями бросил курить, скупил содержимое половины бутиков торгового центра, дав себе впарить рубашку на размер больше, как вижу; попал в пару нелепых ситуаций, наорал на генерального, чуть не уволился, после чего на радостях пригласил секретаршу в кино. Все это ужасно тебя нервирует. И кажется, что все плохо.

— А чего хорошего?

— Хорошего мало, но оно есть. Во-первых, Вася этот к тебе больше не подойдет, денег не попросит, возможно, даже вернет долг. Он, конечно, полное убожество, и ты, и коллега твой, Левон, все правильно сделали. С этими товарищами иначе нельзя: не поймут, разговоры примут за слабость. Второй твой сосед, Артур, просто красавец. Сразу видно — коммерсант, на хромой козе не объедешь.

Леха засмеялся. Я тоже криво улыбнулся.

— Правда, и спускать такое нельзя, подумай сам, как ответить. Контрудар должен быть быстрым, решительным и партизанским, что такое западлостроение — узнаешь в сети. Но запомни: худой мир лучше доброй ссоры, с соседями и сослуживцами лучше дружить, но на своих условиях...

Зазвонил Лехин мобильный телефон. Леха снова посмотрел на часы, машинально, едва взглянув, отбил чей-то звонок.

— Прическа, линзы, одежда хорошая, хоть и не твоего размера, — хвалю, — улыбнулся он. — Главное, что говорят девчонки, а Лиде с Ритой, я так понял, ты понравился. Костя ваш этот с Саней — либо не шарят ни черта и носят одну и ту же футболку по пять лет, либо просто из зависти мелют чушь. Игнорируй. То, что деньги все потратил, — конечно, глупо. Но, возможно, это прибавит тебе мотивации, азарта заработать еще. Плюс — войдешь во вкус. Не куришь ты уже почти двое суток. Тянет?

— Тянет, — признался я. — Да и вообще, слабость какая-то весь день.

— Это нормально, все пройдет, еще день-два — и забудешь. Товарищи твои новые — Левон и Миха — как-то меня смущают... Вы раньше хорошо общались?

— Да не особо, с Михой только немного, — удивился я. — А что?

— Присмотрись, особо не откровенничай пока. С обоими.

— Хм... Черт, совсем забыл! Лех, мне скоро уехать надо будет, ребят выручить, — я вкратце пересказал Лехе разговор с Михой и Левоном.

— Обойдуся! — отрезал Леха. — Чтобы зря надежд не питали, позвони и скажи, что ты не приедешь.

— Но я же обещал! Что я им скажу?

— Серега, как бы хорошо ты к ним ни относился, вы разве друзья? Тебе не кажется, что тебя снова употребляют, пользуясь твоим расположением? Что ты им скажешь? Зачем выдумывать? «Не могу приехать» — и точка!

— Я тогда SMS напишу, что не приеду...

— Звони! — разозлился Леха. — SMS они могут пропустить, будут и дальше ждать тебя, надеяться! Что за трусливая привычка: о проблемах писать сообщения? Звони!

Я стал звонить Михе, он не отвечал. Но с четвертого раза я дозвонился и сказал, что не приеду, пообещав — не смог просто отказать! — объяснить все завтра. «Рите привет!» — заговорщицки сказал Миха и отключился. Я улыбнулся, вспомнив Риту.

— Я серьезно, особо не раскрывайся перед ними, просто поверь. Ладно, вернемся к нашим баранам. У тебя застенчивость переросла в излишнюю самоуверенность и агрессию. За пару дней ты умудрился до предела обострить отношения с кучей народу. Здесь не действует тактика «лучшая защита — это нападение». Контролируй свои эмоции.

— Это я и сам уже понял, — сказал я. — Взять хотя бы тот случай, когда я подарил свои старые шмотки Васе, а потом поздравил его с «обновкой».

— Верно, — подтвердил Леха. — Я понимаю, тебе сложно, но твоя задача — балансировать на грани. Не давать себя в обиду, но при этом быть приятным парнем. А это уже дипломатия.

— Ясно, — кивнул я, — учту.

— Насчет подслушанного тобою разговора, — продолжил Леха. — Это совсем глупый, непродуманный поступок. Так подставиться? Ну, и что ценного ты узнал?

— О Лидиных словах узнал, после моего признания в любви...

— Тьфу ты! Да так тебе любая женщина ответила бы. А вот реально важной информации ты не получил, стандартный треп за глаза, только испортил себе настроение! Никто не гарантировал моментального изменения отношения к тебе людей. Это дело не одного дня, не месяца даже. Но если будешь двигаться в правильном направлении, то все станет нормально. И уважать еще начнут, вот увидишь. Так что не вздумай увольняться! Все эти панченки воспримут это как победу, а ты запомнишь это как поражение. Тем более шеф тебе повышение обещал.

— Он не обещал, он сказал, что было в планах, — поправил я Леху.

— Да это одно и то же. И еще. Воспитывай силу воли! Возможно, звучит банально, но именно в этом секрет успеха. Поставил задачу бегать по утрам — так не ленись, просыпайся рано, вставай и — пофиг на погоду — бегом на улицу! Дождь там, снег или град — это все отмазки для неудачников! Сложно? Поначалу да. Так сделай сложное привычным! Привычное станет легким, поверь. Ясно?

— Ясно. Но, знаешь, все, что ты говоришь, проще сказать и понять, чем сделать, — сказал я, вспомнив все свои неудачи. — Боюсь, не все так просто.

Леха тяжело вздохнул.

— Серега, Серега... Да пойми уже ты: нужно иметь силы идти на жизнь с открытым забралом! Надо пробовать быть человеком, а не животным, которое или всего боится, или не боится вообще ничего. Надо пробовать прожить эту жизнь, а не бояться заранее того, чего еще нет!

— Хорошо, я попробую, — тихо сказал я. — А с девчонками что? Ты говорил, глупости...

— Да! Что касается твоих амурных походов... — задумался Леха. — Скажу просто: бери не то, что легко дается, а то, чего самому хочется.

Под утро мы засобирались по домам. Леха сел за руль, серьезный и сосредоточенный. Ехали молча.

А когда проезжали Каменноостровский, я увидел шедших по тротуару Панченко с Лидкой.

Они держались за руки.

Я вмиг протрезвел и прошептал:

— Ни фиги себе!

— Кто такие? — поинтересовался Леха.

— Тот самый Костя Панченко. И знаешь, с кем? С Лидкой!

Леха чему-то загадочно улыбнулся и полез за сотовым.

ГЛАВА 13

Злые языки

Я удивленно смотрел на Леху. Он что, собирается вызвать Лома с Лобзиком? Чтобы еще и Костю «протестировать» своими скинхедами? Может, это подло, но, честно говоря, мне хотелось посмотреть, какотреагировал бы на ситуацию Панченко, обнимавший Лиду. Я ощутил резкий приступ ревности, в груди что-то защемило. Леха набрал номер, и я замер в ожидании.

— Леонид, здравствуй! Не разбудил? Ясно, извини. Я Лидию твою встретил на Каменноостровском, парень с ней какой-то... Ясно, давай, пригляжу за ней пока... На машину мою пусть ориентируются... Да не за что.

Я вопросительно уставился на Леху. В горле зрел ком, а в груди воцарилось опустошение. Леха кинул сотовый в карман и заглушил мотор.

Потом взглянул на меня и сочувственно стал объяснять:

— Лидия — старая знакомая моего друга Лени. Он ее поддерживать начал в те времена, когда она в институте училась.

— Так у Лиды есть любовник?

— Хм... — замялся Леха. — Со свечкой не стоял, но, думаю, у них давно ничего не было.

Я облегченно вздохнул, но осознал, что чего-то недопонял:

— Погоди! Если у них давно ничего нет, то зачем ты позвонил Лене?

— Насколько я знаю, Леня до сих пор ее поддерживает — материально, и не только. У Лени повышенная ответственность за своих подопечных. Собственник он еще тот. Если ты красивая девушка и регулярно принимаешь его помощь, то, по сути, ты одна из его жен, храни верность!

— Это же дикость! — возмутился я.

— Ты вчера родился, что ли, Серега? — фыркнул Леха.

— И чем этот Леня занимается? — спросил я.

— Да чем он только не занимается. Интернет, телекоммуникации, своя крупная розничная сеть, телеканал. Да ты его должен знать, Баркан его фамилия.

Кто же его не знает? Авторитетный предприниматель и меценат, известный в определенных кругах как Ткач, он же Леонид Баркан. А я — баран. Тешил себя какими-то надеждами, не позволяя себе думать о том, что у такой восхитительной девушки обязательно кто-то есть. Теперь понятно, почему Лидка никогда не распространялась на эту тему.

В голове крутились сотни вопросов. Откуда Леха знает Ткача? И почему так запросто общается с ним? И кто тогда сам Леха? Но задать все эти вопросы я не решился. Леха не стал меня мучить и сам рассказал.

— С Леней мы в школе вместе учились. Потом в один институт поступили. Тихий еврейский мальчик был, до поры до времени. На старших курсах резко в гору пошел. Пересекались после института постоянно, но уже по делам. Иногда на охоту вместе ездим.

— Так ты Лиду знаешь?

— Выходит, что знаю. Красивая девчонка, спору нет.

Леха заинтересованно наблюдал за Панченко с Лидой. Костя положил руки ей на плечи, притянул к себе и попытался поцеловать. Лида уклонилась. Ух! Не поцеловались! Внутренне я позлорадствовал, а потом понял, что радоваться нечему. Ведь это Костя только что обнимал Лиду и он хотя бы пробовал ее поцеловать. А я даже на свидание ее боялся пригласить.

— Леха, и все-таки! Зачем ты Леониду позвонил? Косте же теперь достанется! По-моему, это подло.

— Знаешь, Серега, мне кажется, если тебя ударят по щеке, ты не только подставишь другую, но еще и поблагодаришь. Ты мазохист?

— В каком смысле?

— Костя считает тебя за человека? Жалеет? Сочувствует? Да ничего подобного! Так чего ты переживаешь за него? Не волнуйся, ничего ему не будет! Ему-то откуда знать о Ткаче? Спрос с Лидии будет. Панченко для профилактики по башке, может, наступат, этим все и ограничится.

— Что значит «спрос будет»? — не понял я.

— Ее поставят перед выбором, она поплачет, поскандалит и снова выберет Леню. И попросит прощения. А как в нашем мире женщины просят прощения?

Тугой ком ревности подкатил куда-то в район сердца.

А жестокий Леха продолжал:

— Вот и все. А позвонил я Леньке знаешь почему? Потому что Панченко твой мне — никто, а Леня — мой старый товарищ, и я не могу допустить, чтобы его кто-то обманывал, пусть даже любовница.

— Так что, ей и встречаться ни с кем нельзя теперь?

— Встречаться? Да ты, Серег, как с луны свалился. Хочешь сказать, парни с девушками встречаются, чтобы эстетическое удовлетворение получить? Ни одна девушка и ни один парень не встречаются просто так, — зло сказал Леха. — А дальше все зависит от доступности девушки и настойчивости парня.

— И все-таки?

— Понимаешь, Серега, как только Лидка захочет променять безбедную жизнь, защиту от любых проблем и карьерный рост на любовь, все и закончится. Леня пожелает ей успехов и забудет к ней дорогу, — пояснил Леха. — Ясно?

— Ясно. Редкая женщина променяет благополучие на любовь.

— Мало ты женщин знаешь, — горько усмехнулся Леха.

— А мне что делать? — спросил я.

— Делай то, что считаешь нужным, — уверенно ответил он. — В делах сердечных советчиков быть не может.

Мимо пронесся черный Maybach. Проехал вперед метров двадцать, притормозил, посигналил. Лидка испуганно отстранилась от Панченко и медленно пошла к машине. Костя неуверенно брел следом. Лида села на переднее сиденье и захлопнула дверь.

Maybach резко тронулся и умчался. Недоумевающий Панченко побрел в сторону метро. «Извини, Костя, что испортили тебе праздник», — подумал я. И неожиданно для себя ощутил острую жалость к нему.

Спал всего час. За окном монотонно моросил осенний дождь. Вставать не хотелось, кости ломило так, словно по мне проехался трактор, а в голове мозги устроили вечеринку с приглашенным диджеем Бодуном. Тем не менее, помня о злополучном утре прошлой пятницы, вскочил сразу же. Ноющие ноги нехотя понесли меня на кухню.

Поругал себя, что сразу же, как приехал домой, не выпил литр минералки с аспирином. Пришлось делать это сейчас. Пока вскипал чайник, поприседал с вытянутыми руками. Колени противно хрустели.

Выпил чашку горячего черного кофе, накинул спортивный костюм и на улицу — бегать.

Во дворе встретил соседа Васю. Тот выгуливал Полкана. Вернее, Полкан выгуливал Васю, судя по всему пребывающего в анабиозе.

Узрев меня, Вася встрепенулся:

— Сосед, стольник до...

— Нет.

Вася угас и как-то безнадежно махнул рукой.

Для начала я пробежал метров сто на максимуме, потом столько же трусцой, а потом понял, что больше не могу, иначе сдохну. Пот стекал ручьями, сердце готовилось выскочить если не сразу, то с минуты на минуту. Онемела челюсть. В боку покалывало. Сильно болело горло, словно его обработали напильником.

Усугублять не стал, пошел домой.

На крыльце спал Вася. Полкан с поводком под ногами заинтересованно ковырялся в чьих-то какашках. Я постоял рядом, отдышался.

С балкона высунулась Катерина, Васина жена, и истошно закричала:

— Василий! Да что же это такое, а? Василий! Живо домой!..

Дослушивать я не стал. Перепрыгивая через ступеньки, резво поднялся на свой этаж.

Дома скинул тренировочный костюм и попробовал отжаться. Р-раз... Д-два... Рухнул на пол. Ничего себе! В институте спокойно делал двадцать отжиманий. Да уж! Встал, потряс руками. Второй подход оказался успешнее — два с половиной раза. В третий подход кое-как

осилил одно отжимание: руки тряслись и дрожали, глаза рвались наружу, на лбу запульсировала вена.

Ничего страшного! Теперь главное — не останавливаться, а через месяц-два доберусь до институтских показателей. Главное — не бросать!

Перешел к подтягиваниям. Извиваясь, как змей, все-таки смог подтянуться один раз. Отдохнул и сделал еще два подхода. На третий бездарно висел и тужился, но так и не смог подтянуться — пальцы сами разжались, и я рухнул на пол.

Все, теперь в душ.

Быстро помылся и начал экспериментировать с температурой воды. Тепло, горячо, резко холодно. Душа ушла в пятки, перехватило дыхание, ледяная вода смывала сонливость и апатию. Раз, два, три, четыре... И опять тепло. Здорово!

По всему телу — эйфория, а в голове — благодарность самому себе за то, что хватило воли воплотить задуманное. Несмотря на насыщенные вечер и ночь, на то, что почти не спал, чувствовал я себя бодрым и был в хорошем настроении.

Все утро думал о Лиде и Рите. Обе красивые, но одна — любовница Ткача, а вторая свободна. Лида меня терпеть не может, а Рита относится ко мне очень хорошо.

Вот только люблю я Лиду...

Придя на работу, первым делом пошел к Кацюбе. В приемной сидела Ритка и набирала какой-то документ на компьютере.

Увидев меня, бросила печатать, заулыбалась, затараторила:

— Привет! Как дела? Как вчера встреча прошла? Нос целый?

— Нос целый, встреча прошла нормально, — ответил я. — Кацюба у себя?

— Да, у себя, — сказала Рита. — Но у него посетитель. Присядь, подожди пока.

Я сел на диван. Краем глаза наблюдал за Риткой. Невольно сравнил ее с Лидой — в красоте Маргарита ей ни в чем не уступала. Но если у

Лиды красота показная, яркая, сексуальная, то у Риты — спокойная, теплая, какая-то даже уютная.

Я запрокинул голову на кресло, прикрыл глаза.

— Сережа, ты можешь зайти!

— Спасибо, Рит.

Черт, чуть не заснул! Зарядка зарядкой, а спал-то я всего около часа. Поправил галстук и зашел к шефу.

— Станислав Евгеньевич, можно?

— Входи, Сергей.

Я закрыл дверь и сел напротив Стаса. Он упер локти в стол и о чем-то думал. Потом открыл ежедневник и стал рисовать треугольники. Наконец поднял голову и сказал:

— Выкладывай.

— Я решил остаться, Станислав Евгеньевич.

— Отлично. Твой трудовой договор мы пересмотрим... в сторону увеличения заработной платы. Михаил Степанович скоро уходит в отпуск, поработаешь на его месте — исполняющим обязанности моего зама. Справишься?

— Справлюсь, — мне стоило больших трудов сказать это твердо.

— Вот, поработаешь в новой должности, освоишься, контакты наведешь, — Стас тяжело вздохнул. — Со здоровьем у меня в последнее время, Сергей, нелады. Сердце пошаливает, одышка.

Я внимательно слушал. К чему же он клонит? Вдруг открылась дверь, ведущая в комнату отдыха шефа. Оттуда, широко улыбаясь, вышел Леха. Я потряс головой: уж не снится ли мне все это?

— Мне уже за шестьдесят, и я решил отойти от дел, — продолжил Кацюба. — Конечно, мне не хотелось отдавать свое детище кому попало, и после долгих поисков, по рекомендации друзей, я вышел на Алексея Алексеевича, который согласился выкупить мою компанию...

Леха картинно поклонился и сказал:

— Я подумал, что инвестиции в медиахолдинг «Расмус Медиа» — хорошая идея, Серега, но нужен был хороший топ-менеджер. Знающий всю кухню изнутри, честный, порядочный.

— Я посоветовал присмотреться к тебе, Сергей, — сказал Кацюба.

— Да, Серег, ты подходил по всем параметрам, но, если бы мы тогда тебя сразу сделали руководителем, твои комплексы и

неуверенность не дали бы стать тебе хорошим менеджером, — серьезно сказал Леха, для меня теперь уже Алексей Алексеевич. — Авторитет ты должен был заработать сам.

— Да, Сергей, — продолжил Кацюба. — Ты же был самой настоящей тряпкой, о которую все вытирали ноги. И тогда Алексей вызвался помочь тебе. Но ненавязчиво. Результат, как мы видим, есть, да какой! Даже Маргариту чуть не соблазнил, мою прелесть! Ха-ха-ха! Эх, Сережа, Сережа...

Я сидел и думал...

— Сережа, Сережа! Проснись! — услышал я далекий голос Риты.

Она трясла меня за руку, будила. Я открыл глаза.

— Извини, Рит, — вяло протянул я. — Почти не спал сегодня.

— Да с кем не бывает. Проснулся, соня?

— Ага, — улыбнулся я.

— Так иди к Кацюбе. Он уже ждет.

Казалось, Кацюба абсолютно не удивлен известием, что я остаюсь. О повышении он и словом не обмолвился, я же решил этот разговор отложить на потом. Судя по настроению Кацюбы, был не самый подходящий момент для того, чтобы просить повышения.

В наши сети попался клиент настолько крупный, что сорвать проект означало поставить на репутации компании крест. Было это незадолго до того, как я познакомился с Лехой. Проект вели мы с Лидой, но, как выяснилось, она была погружена в свои амурные дела и свою часть поручила Панченко! Это обнаружилось только сейчас, потому что Лида как могла покрывала Костю, а тот, в свою очередь, витал в облаках своей влюбленности в Лидку, вместо того чтобы работать.

Мне стали понятны корни Костиного отношения ко мне, зачастую неадекватно злобного: ревность. Еще один кусочек головоломки встал на свое место.

Все это время Косте было не до работы. Сначала он был влюбленный. После вчерашнего, когда Лида внезапно бросила его посреди улицы, он всем своим поведением показывал, что работа в одном проекте с такой стервой, как Фрайбергер, полностью

противоречит его принципам и идеалам. В общем, при любом статусе его отношений с Лидой работа у него не шла.

Боже мой, ведь это так просто — не путать личные отношения с рабочими. Жаль, но Костя сам до этого не дошел.

В отделе воцарились хаос и паника. Неумолимо приближался срок сдачи проекта, Лидка носилась с бумагами и дисками, презентациями и сценариями роликов из отдела в отдел, а Панченко обиженно дулся на нее и делал вид, что она для него пустое место.

Окончательно в своей правоте я убедился, когда взмыленная Лидка попросила ей помочь. Мне стоило великих трудов и внутренних взываний к своей новой философии отказать ей. Тому были объективные причины: своей работы было навалом.

И только когда над Костей нависла реальная угроза не пройти успешно испытательный срок, он зашевелился.

Видимо, на эту тему Лида его распекала у кофейного автомата в холле, после чего молчаливо-мрачный и расстроенный Панченко засел за бумаги, открыл Excel и погрузился в сладостный мир таблиц, цифр и формул.

Вид отверженного Кости придал мне уверенности, и мне взбрело в голову пригласить Лиду в кино или в ресторан, хоть куда, неважно. Пошла же она с Панченко. А чем я хуже?

Выбрал момент и вытащил Лиду на кофе-брейк.

— Лид, какие планы на вечер? Может быть, в кино сходим? — выпалил я, стараясь говорить твердо и уверенно, как Леха учил.

— Сдурел? — воскликнула Лидка, привлекая к нам внимание. — Какое кино? О чем ты? Конец месяца, работы навалом!

Ошарашенный Лидкиной грубостью, замер. Но — прогресс! — абсолютно не смутился. Сглотнул слюну и тихо ответил:

— Лид, успокойся. Не хочешь — не надо, чего кричать? А работать надо всегда, не только в конце месяца... Кстати, Леня не очень ругался?

Мой вопрос ошарашил Лиду. Она замерла с открытым ртом, а потом пришла в себя, собралась и резко ответила:

— Не твое дело!

Вздохнула и продолжила:

— Ладно, давай встретимся. Только не в кино. Не люблю кинотеатры, жрут там, пакетами шуршат — никакой атмосферы!

Номер мой знаешь, часам к девяти позвони.

В обед вытащил Миху Семенова и Левона Гараяна. Интересно было, чем закончились их приключения в клубе. Да и им любопытно, как провел вечер я.

Оба заказали себе по овощному салату — и все! Так что мне было немного стыдно поглощать сочный стейк у них на глазах. Свои салатики они сожрали в полминуты, после чего небольшими глоточками пили зеленый чай. Выяснилось, что оба с сегодняшнего дня приняли решение побороть лишний вес и жестко придерживаются диеты.

— Понимаешь, Серега, — увлеченно рассказывал Миха, — тысячелетиями природой в нас заложено чувство голода. Чувствуешь голод — значит, пора заправиться. Мы же с Левоном не следовали этому простому правилу: есть только когда голодны. Жрали от скуки, у телевизора, от нервов и просто потому, что вкусно...

— А когда голоден, любая еда кажется вкусной, Сережа! Не замечал? — подключился Левон. — Фокус в том, что раз уж при чувстве голода любая еда вкусна, есть полезное — каши, рыбу, курицу, овощи, фрукты. Мы решили держаться только на овощах и фруктах.

— И продержимся! — похвастался Миха. — У меня один знакомый на такой же диете за несколько дней уже два килограмма скинул! И ему только в кайф! Кстати! Есть второе правило! За четыре часа до сна — не жрать. И это все! Жирок начинает сливаться в тот момент, когда ты засыпаешь, и до первого бутера, который ты съешь на завтрак.

— Молодцы, ребята! Горжусь!

— Да ты тоже молодец! — переглянувшись, засмеялись они. — Надо же, Ритку охмурил!

— Да не охмурил я ее! Просто сходили в кино...

— Да брось, Сережа, — недоверчиво протянул Гараян, затягиваясь сигаретой. — Ведь если бы ты был не с ней, ты бы приехал! Мы же тебя знаем, ты безотказный, а нам твоя помощь нужна была...

— Еще как нужна была, старик! — перебил его Миха. — Там такие телочки были, эх, жаль, ты не видел! Нам кэша не хватило!

— Пойдите, — не понял я. — Кэша на что?

— Не на что, а на кого! На девчонок, — ответил Миха, — на кого же еще.

Я поперхнулся стейком. Обдумывая, прожевал кусок, проглотил.

— Левон, ты же женат!

— Думаю, скоро не буду, — усмехнулся Левон.

— Да неважно! Вообще, что значит я безотказный? — взбесился я. — Я что, не человек? У меня не может быть своих планов, да элементарно — может, я спал! Вы что, умирали, истекали кровью, попали в неприятную историю? Я бы вас понял, если бы вам просто хотелось моего общества, поделиться хорошим настроением! Но вы мне звонили ночью, чтобы я привез вам денег на стриптизерш-проституток, потому что у вас закончились, а я — безотказный?! Так?

Я закончил, а парни смутились и молчали. Я осмотрелся — на нас заинтересованно поглядывали с других столиков.

— Старик, да брось, ты чего так серьезно... — наконец, сказал Миха.

— Что, неудачники, мозги совсем жиром заплыли? Никто, кроме проституток, не дает? — я зло кидал фразы, не задумываясь о последствиях. Если даже мои, как я думал, друзья считают меня безотказным лохом, что говорить об остальных! — Диеты эти ваши — фигня! Ты, Левон, при мне только раз двадцать на диету садился. Правильно от тебя жена ушла: ты же кусок сала сплошной!

Левон начал багроветь и попытался встать, но не удержался на ногах и плюхнулся в кресло. У меня это вызвало приступ истерического смеха. И это я для них лох?

— Что, жопа перевешивает? Ни фига вы не похудеете, лузеры, так и будете всю жизнь иметь проституток на одолженные деньги, сидеть на диетах, срывать... И снова жрать, жрать, жрать!

— Ты чем лучше нас? — угрюмо спросил Миха.

— Я? Я нашел в себе силы измениться, стать сильнее! Я бросил курить! Я занимаюсь спортом! И не трачу деньги на проституток, а сплю с красивыми девушками по обоюдному согласию, ясно вам, жирдяи?

С презрением я бросил деньги, которых должно было хватить на весь счет:

— Угощаю, нищebroды!

Я продолжал кипеть, даже когда вернулся в офис. Сел за рабочее место и, чтобы успокоиться, предложил Максy Кравцову сыграть по сети в FIFA Soccer. Мы иногда устраивали такие баталии, давая мозгам отдохнуть.

— Я создам сетевую, Серег, — обрадованно ответил он, делая большой глоток кофе.

Я запустил игру, надел наушники. А через минуту почувствовал вибрацию в кармане. Чертыхаясь, вытащил сотовый.

На экране высветился номер Риты. Я почувствовал, что это нерабочий звонок, и улыбнулся про себя. На душе почему-то стало приятно.

— Сергей, ну, тебя долго ждать? — заныл Кравцов. — Я уже создал игру. Взял «Барсу». А ты бери «Реал».

— С чего бы это? — удивился я. — Я лучше «Манчестер Юнайтед».

— Возьми «Реал», очень прошу, мне так приятнее будет тебя обыгрывать! — взмолился он, ярый фанат «сине-гранатовых» и глорихантер.

— Ладно-ладно. Возьму «сливочных»^[12]. Слушай, Макс, подожди минутку, я сейчас вернусь, — попросил я.

Я сбросил вызов Маргариты и пошел в приемную. Ритка сидела там одна. Увидев меня, встала, в улыбке показала белоснежные зубы и подошла ко мне. Я непонимающе посмотрел на нее.

— Ты звонила, я пришел...

— Захотелось тебя увидеть.

Я почувствовал, как только успокоившееся после ссоры с ребятами сердце вновь ускорилося. Она прильнула ко мне, наши губы сомкнулись. Я вспотел — поцелуй был неожиданным, но очень приятным.

Поначалу нежный поцелуй становился страстным, но в этот момент у меня в кармане зазвонил телефон.

Рита тихонько застонала:

— Не-е-ет.

— Прости, я отвечу.

Я вытащил телефон — звонил Макс Кравцов. Показал знаком Рите — минутку. Она кивнула и села за компьютер посмотреть новые сообщения в мессенджере.

— Сергей, ну что ты так долго? Костя тоже хочет сыграть, на победителя. Ждать тебя?

— Макс, я занят! Сыграйте пока сами!

— Хорошо. Кстати, тебя Лида ищет, — недовольно пробурчал Макс и бросил трубку.

Я подошел к Рите сзади и приобнял. Хотел поцеловать ее в шею, но Рита внезапно локтями оттолкнула меня и вскочила. Она тяжело дышала, ее губы дрожали.

Гипнотизируя, сделала шаг навстречу, угрожающе спросила:

— Значит, уже переспал со мной?

И со всей силы влепила мне пощечину!

...У меня потемнело в глазах. Я что-то пытался ответить, но все слова застряли у меня в горле, пока Рита колотила меня кулачками. Я пытался прикрыть лицо — получил в ухо, плечо, грудь, живот.

— Тварь!.. Сволочь!.. Урод!.. — звучало саундтреком к этой динамичной сцене.

Мое избиение прервал резкий и настойчивый стук в дверь. В приемную зашла Лида.

— Что это вы тут делаете? — подозрительно спросила она.

Мы с Ритой, тяжело дыша, не знали, что ответить. Я неловко попытался заправить рубашку.

— У Маргариты с компьютером что-то, а я как раз мимо проходил, она просила посмотреть, — выпалил я первое, что пришло в голову.

— Для этих задач специально обученные люди в компании есть! Резвей, я тебя по всему офису ищу!

— Позвонить не могла? — резонно заметил я. — Пойдем.

Рита, не обращая на нас никакого внимания, копалась в папках с письмами за прошлый год. Я направился к выходу, Лида за мной.

— Рубашку сзади заправь, компьютерщик хренов, — услышал я ехидный Лидкин голос.

ГЛАВА 14

В тупике

Поиграть с Кравцовым так и не удалось. Обсудили с Лидой некоторые рабочие моменты, после чего меня вызвал Степаныч. К вечеру я был полностью опустошен.

Уточнив у Лиды, в силе ли планы на вечер, собрался домой. Перекопанный участок дороги возле офиса наконец-то заасфальтировали. В свежеуложенном асфальте, орошенном недавно моросившим дождиком, отражались огни фонарей. Как же все изменилось!

Меньше недели назад я шел этой же дорогой в магазин за леденцами. Вот то самое место, где грузовик обдал меня грязью. Подумалось: а если бы он обрызгал меня так сильно, что мне пришлось бы возвращаться в офис и приводить себя в порядок? Ведь тогда я бы не встретил Леху — а значит, был бы все тем же милым и добрым парнем. Разве это так плохо? Сейчас я, скорее всего, изо всех сил бы пытался помочь Лиде завершить проект вовремя. А она, скорее всего, посвятила бы вечер Косте Панченко! Меня пробрало. Возвращаться в ту жизнь не хотелось.

Добрел до магазина, где впервые встретил Леху. Не удержавшись, зашел. За прилавком — та же самая сорокалетняя продавщица с обесцвеченными волосами и в роговых очках. Сегодня она шутит, бойко носится от полок к покупателям. Пока я думал, быстро подошла моя очередь, и продавщица, дружелюбно улыбаясь, спросила, что мне нужно.

Попросив леденцы, я задумался.

Что с ней случилось? Хочется верить, что причиной преобразования стал не банальный втык от начальства с угрозой увольнения, а какие-то позитивные сдвиги в ее личной жизни.

Я улыбнулся, отплачивая продавщице тем же за ее искренность, так же искренне поблагодарил и направился к выходу из магазина. Горло охлаждающе обжигал ментоловый леденец.

В последние дни вместились столько событий, что мои чувства несколько притупились. Если раньше я бы тихо позавидовал смелости Панченко и Бородаенко, погулявших соответственно с Лидой и Ритой, вдоволь погоревал от подслушанного разговора, то сейчас я стал толстокожим. Не знаю, что на меня нашло в обед, когда я наорал на Миху с Левоном, но уверен — раньше я так бы не поступил.

Раньше новость о том, что у Лиды есть любовник, повергла бы меня в шок и, возможно, довела до петли. Сейчас же я воспринял это как просто новый расклад, согласно которому и нужно себя вести.

А встретить я этих скинхедов — Лома и Лобзика — до знакомства с Лехой? С девушкой, без девушки, с десятком фотомоделей — при любом раскладе я не повел бы себя так, как повел.

На остановке в толпе людей, ожидавших автобус, увидел симпатичную девушку. Больших трудов стоило не отвести глаз, когда она посмотрела на меня. Улыбнулся и получил улыбку в ответ. И здесь выдержки уже не хватило, отвернулся. А когда снова посмотрел в ее сторону, увидел рядом с ней какого-то парня в черном кожаном плаще.

— Девушка, я вас где-то видел! — радостно заметил он.

— Отвали, — равнодушно, не задумываясь, ответила она.

С лица Черного плаща сползла улыбка. Он нерешительно помялся и с независимым видом отошел в сторону. Что же, теперь я попробую. Подошел к ней.

— Привет! Здорово вы его! Наверное, большой опыт в этом?

Девушка оценивающе посмотрела мне в глаза. Я понял, что «в этом» звучало довольно двусмысленно. Я не знаю, что она увидела в моих глазах, но ее губы растянулись в улыбке.

И я услышал:

— Ксения.

Протупил пару секунд, а потом до меня дошло:

— Сергей! Приятно познакомиться!

— Взаимно, — ответила девушка.

Когда подъехал мой автобус, у меня был ее номер.

Я только начал переодеваться, когда в дверь позвонили. Это был сосед Вася. Вел он себя на удивление робко и вежливо. Вася переминался с ноги на ногу и явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Серега, здравствуй!

— Здорово, Вася, — сказал я и приготовился к очередной обороне своих финансов.

— Серег, ты извини, что так поздно, — промямлил Василий и протянул мне деньги, — но ведь лучше поздно, чем никогда, да?

— Ох ты же ежик... — изумился я. — Вась, удивил! А что случилось-то? Да заходи, не стой на пороге.

Вася зашел, я прикрыл дверь.

— Понимаешь, Серега, за ум я взялся. На работу устроился новую, а там с этим делом, — Василий щелкнул себя по горлу, — строго. А платят хорошо.

— Красавец! Так ты вообще завязал?

Вася вздохнул и твердо сказал:

— Вообще! Хватит! Навсегда! В завязке!

Я торжественно пожал ему руку, еле сдерживая смех. Точно такие же интонации я слышал, когда Василий клялся вернуть долг.

— Рубаху не порви, — не выдержал я.

— Я же сколько денег пропил, мама не горюй! Примерно так посчитал и ужаснулся, — горячо заговорил Вася. — Машину мог купить давно! Детям — компьютер! Сережка с Петькой давно просили...

— Компьютер — вещь хорошая.

— Нужная это вещь, Серега! — воскликнул Вася. — Я вот почитал твои журналы компьютерные... Сейчас без компьютера — никуда! Так что раздам долги и детям в кредит компьютер куплю.

— Вась, я на самом деле рад за тебя, за Катерину, за Петьку с Сережкой! — сказал я. — Ты уж будь мужиком, слово-то держи теперь!

— Что ты, Серега! Все! Ни-ни! — убежденно сказал Вася. — Ну, бывай, сосед. В расчете?

— В расчете.

Молодец он, конечно.

Вот только с такой же убежденностью он раньше обещал долги вернуть. С полочки. С заначки. С перезайма. И так на меня накатило, так захотелось побольнее уколоть, задеть Васю, чтобы смыть его самодовольную ухмылку, которая, уверен, появилась, стоило ему отвернуться (а как же — в очередной раз навешал лапши лоху-соседу), такой злостью накрыло — что, когда Вася развернулся к двери, чтобы выйти, я его окликнул.

— Знаешь, Вась... Ни фига.

— Что? — обернулся он.

Я успел поймать выражение лица, с которым он уходил: горделивое, самодовольное. Такое же, какое я видел после его удачных заходов за деньгами ко мне. Удачных для него, конечно.

— Ни фига у тебя не получится. Неделю — максимум — протянешь, потом снова забухаешь. С работы новой вылетит без расчета, по статье. Так что не светит твоим отпрыскам не то что компьютера, даже игровой приставки. Школу они окончить не смогут, с такими-то дегенеративными рожами. Уж поверь, прямая дорога им — туалеты на вокзале чистить и вагоны разгружать. А сам, Вася, сдохнешь под забором с полными штанами дерьма в луже мочи и блевотины.

Я захлопнул дверь.

За Лидой заехал на такси. Подарил букет роз, который она приняла со смирением и бережно везла всю дорогу. В такси ехали молча, то ли не зная, о чем говорить, то ли стесняясь таксиста.

Лидка всю дорогу провела, уткнувшись в телефон, а я мучился, понимая, что не все идет гладко. Выходя из машины, она проигнорировала мою руку.

В ресторане выбрали столик в углу. Официант поставил букет в графин с водой, оставил меню и удалился.

— Про Леню откуда знаешь? — сразу взяла быка за рога Лида.

— От верблюда, — улыбнулся я.

— Резвей! — возмутилась Лида. — Я серьезно!

— От знакомого одного. Он знает вас с Леной.

Говорить о том, что за Лидой приехали после звонка Лехи, я не стал.

— Понятно. Хорошие у тебя знакомые, значит. Леня с кем попало не общается.

— А я — «кто попало»?

— Для Лени — безусловно. Для него и Кацюба — не авторитет. Не тот уровень.

— А ты — «тот уровень», так, что ли? Раз Леня с тобой общается? — решил уточнить я.

— А вот это уже не твое дело, — огрызнулась Лида.

Подошел официант.

Я заказал нам какого-то вина, ткнув в середину страницы винной карты — от привычного для меня пива Лида категорично отказалась. Из еды заказал только сырную тарелку, поскольку ужинать Лида отказалась. А я в одиночестве не решился, да и волнение аппетита не способствовало.

— Почему это не мое? — наигранно удивился я. — Я жениться решил на тебе, имею я право знать, с кем и почему общается моя невеста?

— Что? Резвей, ты в своем уме? Что ты несешь?

Маленькие зеленые молнии из ее глаз норовили сжечь меня на месте.

Я выдержал паузу и, пытаясь сохранить самообладание, хрипло сказал:

— Потому что я тебя люблю.

Молнии угасли. Лида уткнулась взглядом в стол. Официант принес и разлил нам вино. Лидкино молчание стало меня напрягать.

Она выдержала поистине гроссмейстерскую паузу, потом рассмеялась:

— Вот же урод!

Я удивился такой реакции:

— Почему?

— Он еще спрашивает! Да поздно уже. Неактуально! Чего ты ждал все это время?

— Я не ждал, я отказа боялся. Решимости не мог набраться, — признался я.

— А сейчас что, набрался?

— Да, решил, что хватит тянуть кота за яйца.

— А чтобы совсем уж в накладе не остаться, заодно и за Ритой прихлестнул? Так, да?

— Э-э-э... — я действительно не знал, что ответить.

— Вот поэтому-то ты урод, — удовлетворенно сообщила Лида и пригубила вина. — Честно говоря, Резвей, ты мне не нравишься. Раньше — нравился. Был простым, понятным, добрым, безотказным. Не как мужчина нравился, как человек. Не знаю, скорее всего, ничего бы не вышло, но по крайней мере я была бы не против попробовать. А сейчас ты кто? Ты изменился, и я тебя не понимаю. А если я чего-то не понимаю, мне это не нравится и я стараюсь быть от этого подальше. Так что давай закончим этот фарс и спокойно разойдемся.

Я приложил много усилий, чтобы не расклеиться и сдержать удар. Сделал большой глоток вина, прежде чем пробормотал:

— Лид...

— Чего тебе?

— Мы с тобой знакомы несколько лет, а вот так, вдвоем, никогда не встречались. Давай просто пообщаемся? Как коллеги? Как друзья?

— Как друзья? — недоверчиво спросила Лида.

— Как друзья.

— Хорошо. Давай попробуем.

И мы стали просто общаться. Я запретил себе поднимать любые личные темы, мы говорили о работе, коллегах, проектах... Время летело незаметно. Я не мог отвести глаз от Лиды, а она, захмелев, становилась более откровенной.

Лидке периодически кто-то звонил, и она, извинившись, уходила, чтобы поговорить. Возвращалась злая и возбужденная. Я чувствовал, что ее мысли сейчас заняты кем-то другим, успешно гасил в себе приступы ревности. Но стоило мне подумать, что Лидка переживает из-за Кости Панченко, так ревность сразу прорывалась и черными потоками заливала мне разум. Я успокаивал себя: Костя, конечно, симпатичный, но ведь он на несколько лет моложе Лиды и в развитии недалеко ушел... Вряд ли она думала о Косте.

Мы допивали вторую бутылку вина, когда я задал ей вопрос, давно вертевшийся на языке:

— А с Леной ты как познакомилась?

— Я тогда в институте училась. Шла по улице, пристали какие-то молодые ребята, кавказцы. Стали за рукава тянуть, в машину хотели затащить. Тут Леня объявился. Кавказцы куда-то сразу испарились, а он предложил подвезти. Дал свой номер телефона, сказал позвонить, если станет скучно. Через какое-то время — я тогда поссорилась со своим молодым человеком — позвонила ему. Встретились. Вел себя очень галантно, ни на чем не настаивал. Ты не поверишь, но переспали мы в первый раз больше, чем через год после первой встречи. Все это время Леня ненавязчиво мне помогал, хотя я и отказывалась: деньгами, с практикой, да по мелочам много всего было. Показал мне Европу, ввел в свои круги, познакомил с кучей интересных людей... Я стала себя увереннее чувствовать, как за каменной стеной...

— Ты до сих пор с ним?

— Нет... Да... Не знаю, Резвей, не знаю. Он мне как старший брат, я тянусь к нему духовно, мне с ним интересно, но физического влечения нет. Не раз хотела с ним порвать, но знаешь... Это как быть на игле: чувство защищенности, комфорт, мелочи жизни, без которых я уже не могу. Порву с Леной — лишусь всего: поддержки, поездок по миру. Знаешь, это очень круто, когда любая твоя проблема решается одним звонком... Лене...

Лида замолчала и удивленно посмотрела куда-то поверх меня.

Я обернулся. У входа стоял Костя Панченко. Увидев нас, он направился в нашу сторону.

Руки в карманах, согнутые плечи, голова опущена так низко, что, кажется, у Панченко нет шеи. Бог ты мой, да ведь он мои ошибки повторяет! Я почувствовал себя профессиональным боксером, против которого на ринг поставили выпускника музыкальной школы по классу скрипки. От него же так и веет неуверенностью!

— Стажер! Какими ветрами? — воскликнул я.

Костя не ответил. Подошел к нашему столу и хмуро, не глядя на меня, сказал Лиде:

— Лида, мне нужно с тобой поговорить.

— Нам не о чем с тобой разговаривать, — чеканя слова, ответила она.

— Здраваться не учили? — спросил я у Кости.

— Здравсте, — без энтузиазма поздоровался Панченко. — Лида, пожалуйста. Я не займу много вашего времени.

— Я сказала «нет», Костя.

— Ты слышал? — вмешался я. — Она не хочет с тобой говорить.

— Да не лезь не в свое дело, Резвей! — вспыхнул Панченко.

Леха говорил, что в спорах и словесных перепалках выигрывает тот, кто спокоен. Я был спокоен. По крайней мере внешне, хотя внутри у меня все кипело — смешались в кучу и ревность именно к нему, и злость за его слова, которые я подслушал, и то, как Лида парой часов ранее отшила меня.

Я набрал полную грудь воздуха, чтобы поставить парня на место... Но перепалки не получилось. Вмешалась Лида.

Она встала и примиряюще обратилась к нам:

— Ребята, успокойтесь. Костя, что ты хотел сказать?

— Я не буду при нем говорить, — сказал Панченко, кивком показывая на меня.

— Резвей, я выйду на улицу с Костей, мы все обговорим, и я вернусь. Можно? — спросила она меня.

— Можно, — согласился я, ликуя. Она спросила моего разрешения!

Лида направилась к выходу. Мрачный Костя — за ней.

Медленно потягивая вино, я ожидал возвращения Лиды.

В хорошем настроении захотелось объясниться с Ритой: написал ей длинное сообщение, где рассказал, почему ребята решили, что мы переспали. Искренне недоумевал, зачем им понадобилось об этом трезвонить. В ответ получил предельно понятный ответ: «Пошел ты». Я решил позвонить и объясниться голосом, но Рита сбросила мой вызов, а потом и вовсе отключила телефон.

Когда прошло почти полчаса, забеспокоился. Где же Лида? Предупредив официанта, что вернусь, вышел на улицу.

У входа в ресторан стояла толпа молодежи. Лиды с Костей среди них не было. Колотилось сердце, недовольное происходящим. В горле пересохло. Я обошел здание, зашел под арку и увидел их.

Так самозабвенно целоваться можно было, только зная, что где-то рядом бродит Резвей.

Я вернулся в ресторан и, громко подозвав официанта, заказал водки. Он понимающе кивнул. Боль волнами расходилась по телу. У меня как будто парализовало конечности. Я долго держал в руке рюмку, прежде чем залпом ее опорожнить. Следом пошло еще несколько — мне нужно было загасить боль.

Лида так и не вернулась. Я почувствовал, как боль уходит, а вместо нее приходит пустота. На мгновение меня посетила злость, но и она ушла, не выдержав конкуренции с опьянением. Мне стало все равно.

Через какое-то время я осознал, что бутылка пуста, а на столе разрывается телефон, и на меня недовольно смотрят окружающие. Я ответил.

— Здорово, Серега! — Леха как всегда жизнерадостен.

— А-а-а-а... Л-ле-х-а-а-а! — в тон ему закричал я, причем его имя произнес как в анекдоте про мальчика Леху, желавшего стать космонавтом. — А чего это мы не спим, Л-леха?

— Ты бухой? — деловито поинтересовался он.

— Бухой я или нет, не тема этого разговора, не правда ли, Л-леха?

— Точно бухой. Что случилось?

— А ничего! Ничего не случилось! — так развязно я с ним еще не разговаривал. Зачем-то перешел на «вы». — А у вас что случилось, Л-леха? Жена не дает, стало скучно, решили проведать подопечного?

— Ты где, Серег? — Леха как будто не слышал меня. — Давай заеду, заберу, поговорим.

— А где надо, там и я, Л-леха! А вы там, где вам надо быть? Или все гуляете? Думается мне, Л-леха, что надо вам быть дома, с женой и детьми... А они у вас есть, Л-леха? Дети-то? Или вы не любите детей? И вообще, вы со мной согласны, Л-леха?

— Серега, не нарывайся. Где ты?

— А не пошли бы вы, Л-леха! — сказал я и бросил трубку на стол.

Потом схватил телефон и крикнул вдогонку: «На хрен! Понятно тебе? Учитель нашелся, все проблемы из-за тебя!»

И отключился.

Подняв голову, я увидел официанта, посматривавшего на меня неодобрительно.

— Че надо, халдей? — вежливо спросил я.

— Закрывать счет? — невозмутимо спросил он.

— Закрывай, на хрен!

Домой ехал с твердым намерением вдребезги напиться. По пути зашел в супермаркет возле дома: взял еще водки и, плюнув на все, пачку сигарет.

Я не понимал, что в Косте такого, чего нет во мне. Маленький наглый крысенок! Вот оно! Ключевое слово — «наглый». По-хорошему наглый, захотел — и взял свое. Я поймал себя на мысли, что не против, если Леонид, Лидкин любовник, приедет и заберет ее. И при этом его охранники накостыляют Косте так, чтобы ему понадобились на следующие полгода костыли. Черт, да я же как мальш, проигравший в драке со сверстником и надеющийся, что сейчас придет великовозрастный хулиган из соседнего двора и отомстит обидчику!

У меня даже не хватило духу подойти к ним и выяснить отношения! Это же не интеллигентно! А Костя, зная, что Лида не одна, даже после ее отказов, все равно приехал и добился своего. Красавец, что уж там!

Здесь и Лехи не надо, чтобы понять, в чем мои ошибки и как надо было себя вести.

Дома, скинув одежду на пол, помыл руки. Выставил бутылку водки, нарезал хрустящие маринованные огурчики, красиво разложил по тарелке. Рядом пепельницу, сигареты, зажигалку, хрустальную рюмку. К заливанию горя готов!

Перенес на кухню музыкальный центр и включил «Дельфина».

«Но все равно лучше уж так сдохнуть, чем никого никогда не любя!» — я чокнулся с музыкальным центром и выпил, не чувствуя вкуса. Распечатал пачку сигарет и с наслаждением закурил. Закружилась голова, меня стало мутить. Я загасил сигарету и замер, попробовал успокоить разбушевавшиеся внутренности.

Окончание песни застало меня в туалете над унитазом. Меня рвало водкой, обеденным стейком и сыром.

Когда все закончилось, «Дельфин» уже пел о другом.

Я прополоскал горло, рот, умылся, но во рту все равно стоял кислый тошнотворный вкус. Вернулся на кухню. В голове звенело.

Хотелось выговориться, но болтать в пустоту не хотелось.

Начал набирать номер Риты, но остановился, сбросил. Негоже, получив от ворот поворот от одной девчонки, мчаться к другой. Леха? Я же его послал! Миха, Левон? Эти вряд ли ответят после сегодняшнего... Хм, сосед Вася? Да нет, он же бросил пить. Девочка Ксюша, с которой сегодня познакомился? Почему бы и нет? Схватил телефон, но, посмотрев на часы, отказался от этой прекрасной идеи. Нет, конечно, нет. С ума сойти, три часа ночи! Хватит разрушать себя! Ни одна девушка в мире этого не стоит!

Утром вставать в полседьмого, бегать, отжиматься и все такое. Нет, надо спать! На Лиде мир клином не сошелся, пора двигаться вперед!

Убрался, выкинул сигареты, почистил зубы и нырнул в кровать.

На удивление, забылся сном быстро и легко.

Проснулся так же легко, как и уснул, но на сердце почему-то было беспокойно. Я присел и вдруг резко вспомнил. Чередой кадров, как в комиксе, перед глазами пронесся вчерашний день.

Трясущиеся руки огорченного Гараяна и по-детски несправедливо обиженное лицо Михи, когда я взорвался и наговорил им кучу оскорбительных слов. Их счастливые глаза, когда они наперебой рассказывали мне о своей диете и желании похудеть.

Разъяренное и разочарованное лицо Риты, накинувшейся на меня с кулаками. И мои слова ребятам о том, что я сплю с красивыми девушками.

Вернувший долг, счастливый от того, что бросил пить, спешивший поделиться радостью со мной сосед Вася, перед чьим носом я захлопнул дверь.

Целующаяся с Костей Лида.

Чудак-человек Леха, из лучших побуждений решивший помочь мне стать человеком.

Что я натворил! Я схватился за голову, пытаюсь погасить всю ту боль, что испытал сам, и ту, что причинил людям. Я ставил себя на место каждого из них и чувствовал то, что могли чувствовать они.

Я просидел минут десять, но мне показалось, что несколько часов. Я прокручивал вчерашние сцены снова и снова, переживал, корил себя, жалел ребят, которых обидел, и себя — за убитую мечту быть с Лидой.

Потом собрался и привел мысли в порядок.

Вспомнил свою жизнь до встречи с Лехой. Вспомнил жизнь, к которой стремлюсь.

И успокоился.

Я начал с зарядки. Немного побаливали мышцы, успехов в подтягивании и отжиманиях не было. Зато в беге я одолел почти на круг больше, чем вчера.

С удовольствием принял контрастный душ. Обошелся без завтрака — аппетита не было, ограничился кофе.

До выхода оставалось еще минут пятнадцать, я двинулся на балкон подышать свежим утренним воздухом.

Подумал, что когда осилю двадцать подтягиваний и тридцать отжиманий, то смогу смело идти в тренажерный зал без страха опозориться. Скорее бы!

Вообще разум словно включил какие-то защитные механизмы, и вся вчерашняя боль и страдание из-за Лиды начисто растворились в боевых планах на жизнь, в частности на сегодня.

К черту шалаву Лиду с ее любовниками и ухажерами! К черту вечно ноющих жирных неудачников Гараяна с Семеновым! К черту Леху с его «мудрыми» советами! Буду жить своим умом!

Меня охватила жажда жизни. Было очень горько за потерянное время — я ничему не учился, никак не развивался, занимался ерундой! Столько времени убил ни на что! Обрюзг, обзавелся мягким выпирающим животом, было недалеко и до зеркальной болезни. Ни друзей, ни девушки или жены. Я сходил с ума, понимая, что если прямо сейчас заведу ребенка, то, когда он окончит школу, мне будет под полсотни! Я запустил дом — квартиру, купленную мне родителями

на те сбережения, что они копили всю жизнь: обшарпанные обои, затертый скрипучий паркет, заржавевшие краны...

На что я убил свою жизнь?

— Сука! — заревел я белугой с балкона.

Испуганное воронье слетело с крыши и, каркая, осмеяло мое потерянное время.

ГЛАВА 15

Быть мужиком

Последние лет пять я отмечал свой день рождения в каком-нибудь недорогом кафе, приглашая тех, кого на тот момент считал друзьями. Небольшой стол на пять-шесть человек.

И каждый год это были новые люди.

С детства меня учили: друг — это всё. Учили этому книги, фильмы, родители, школа, двор. Фразе «Будь другом...» я слышал каждый день.

Я был настолько пронизан идеалами мужской дружбы, что для меня помочь другу в беде — на автомате, в ущерб себе, своим интересам, семье, неважно. «Друг в беде! В беде! Друг!» — стучало сердце, и я спешил на помощь.

Но у меня не было настоящих друзей.

Конечно, были друзья детства, но они остались в том городке, откуда я приехал. Институтские товарищи, так уж вышло, поразъехались — кто в родной город, кто в Москву, кто еще куда.

С тех пор подружиться с кем-то мне так и не удалось. Я говорю о настоящей дружбе, такой, когда не только ты считаешь человека другом, но и он тебя. Не раз бывало так, что я заводил дружеские отношения со знакомыми по онлайн-играм, форумам, с единомышленниками, с кем-то из партнеров — мы общались не только в сети, иногда встречались, и я уже начинал считать их друзьями.

Проблема была в том, что я начинал дружить раньше, чем они. Я оставался для них просто знакомым, они же для меня становились друзьями. Соответственно, и вел я себя как друг: звонил поинтересоваться, как дела; считал своим долгом выручить при просьбе о помощи; делился собственными проблемами, да и вообще был довольно откровенен. Конечно, я не доводил дело до рассказов о детских мечтах или сокровенных желаниях — это было бы слишком. Но я был открыт. Открыт и уязвим.

Открытый, искренний парень, с которым ты едва знаком, но который готов вывернуть душу для тебя и вывернуться наизнанку,

лишь бы дружить с тобой, — такое нечасто встретишь, да? Это же находка!

Находкой пользовались. А почему бы и нет?

И когда у меня открывались глаза на «дружбу», я обижался, замыкался в себе, разочаровывался в этой реальности, уходил в другую.

Но не в этот раз.

В холодное время года сотрудники нашей компании курили обычно на пожарной лестнице. Но утром, собираясь кучками перед тем, как зайти в офис, дымили на улице. Думаю, главной причиной было желание посплетничать и обменяться новостями.

В этот день — как обычно — ведущим утреннего никотин-шоу на крыльце был Александр Бородаенко. Я издали слышал, как он что-то рассказывает, а ребята хохочут. Там были все, кого я бы предпочел в это утро не видеть: Костя Панченко, Миха Семенов, Левон Гараян.

Я втянул голову в плечи, совсем забыв о Лехиных советах об уверенной походке, и решил было просто пройти мимо, ни с кем не здороваясь, но в последний момент передумал.

— Всем привет! — сказал я.

Я уверен, что сказал это достаточно громко, чтобы быть услышанным. Я уверен, что меня услышали. Но на меня даже не посмотрели. Бородаенко продолжал пересказывать смешной фильм, на который ему удалось вчера сходить, Панченко вежливо посмеивался, а Гараян и вовсе хохотал в голос. Лишь Миха задумчиво курил, и было непонятно, слушает ли он или думает о чем-то другом.

Я пожал плечами и зашел, думая, что лучше бы я тихо прошел мимо, не привлекая внимания. Как бы то ни было, я стал чужим для этих ребят.

И если они не хотят общаться со мной... Им все-таки придется, пока мы еще работаем в одной компании. Возможно, мне изначально стоило к этому и стремиться — хорошо выполнять свою работу и не выходить за рамки рабочих отношений — с каждым из них. И с каждой. Не стараться быть каждому товарищем, другом, не пытаться быть

хорошим и приятным парнем для всех, а быть хорошим и отличным парнем для себя.

После обеда я внимательно изучил бумаги текущего проекта и понял: чего-то не хватает.

— Константин, можно вас на минутку? — обратился я к Панченко.

Костя резко отодвинулся от стола, встал и подошел ко мне. Его челюсти пытались пережевать жвачку, руки в карманах, развязная поза, в общем — воплощенное презрение.

— Че?

— Вы подготовили маркетинговое исследование?

— А ты че, придраться решил? Ну, подготовил. Лиде уже сдал.

— Так. Скажите мне, кто ведет этот проект?

— Ну, допустим, ты.

— Не допустим, а так и есть. Сейчас же принесите мне отчет.

Лида, внимательно нас слушавшая, встряла в разговор:

— Резвей, чего ты к словам цепляешься? Он сдал мне отчет, но я его не могу найти.

Я проигнорировал Лиду и снова обратился к Панченко:

— Так в чем проблема, Константин? У вас же осталась электронная копия? Распечатайте еще раз и принесите мне.

— Ладно, — ответил Костя и вернулся за свой компьютер.

Прошло пятнадцать минут, а Костя, казалось, совсем забыл о моей просьбе. Конечно, я мог добиться своего гораздо проще, например, пригрозив тем, что пожалуюсь шефу. Но это была бы локальная победа. Да, возможно, я даже добился бы увольнения Панченко. Но авторитета этим себе не прибавил бы.

— Константин! Будьте добры, поторопитесь!

— Ща, че ты распереживался, — сказал Костя. — Все будет!

— Соблюдайте субординацию, молодой человек, — сказал я.

— Раскомандовался, петух... — проговорил Костя. — Хрен-ординация!

Я услышал чье-то хихиканье. Ну ты, Костя, сам напросился.

— Иди сюда, Панченко, — вертя в руках ручку и разглядывая ее, тихо попросил я.

Немного подумав над моим предложением, Костя подошел.

— Костя, даю тебе минуту на то, чтобы ты выплюнул жвачку, вытащил руки из карманов, распечатал отчет и сдал его мне. Уложишься?

Именно этого Костя и ждал. Он давно хотел довести меня и выяснить отношения. И поэтому он как-то особенно радостно завопил:

— Да пошел ты, урод!

Думал ли Костя, что я тоже этого ждал? Вряд ли. Наверное, поэтому он удивился, когда я спокойно встал, обошел стол, ухмыльнулся ему в лицо и за галстук потащил его на выход. Он отбрыкивался, а за нами, возбужденно галдя, шли остальные. Я вывел его на лестницу, пнул под зад и спустился вслед за ним.

Мы прошли мимо удивленного вахтера Жорика, который увязался за нами, и оказались на улице. Холод ударил по щекам, но прилившая кровь грела сердце. Впервые в жизни мне захотелось подраться. Нас окружили набежавшие сотрудники. Я снял пиджак и кинул на куст. Костя отдал свой пиджак Бородаенко.

Мы стали кружиться друг около друга.

— Ну, давай, урод, давай, — подзадоривал себя Костя, смешно пританцовывая.

— Ты мне сейчас за все ответишь, крысеньш, — не отставал я, стараясь сохранять спокойствие.

Я попробовал ударить, но потерял равновесие и плюхнулся на землю. Костя не стал благородно ждать, пока я встану, и налетел на меня. На меня посыпались злые, мелкие удары, я же, прикрывая руками лицо, ногами пытался отпихнуть Костю.

Вмешалась Лида.

— Да разнимите вы их! — закричала она.

Коллеги, очнувшись, разом кинулись нас разнимать. Жорик с Бородаенко скрутили Костю и повели из распавшегося круга. Костя вырывался и выплевывал проклятия в мой адрес: «Отпустите меня! Я его порву!»

Я стряхнул насевшего Гараяна, подобрал пиджак и побрел подальше от офисализывать раны, чувствуя на себе

любопытствующие взгляды. Глупо я себя повел, спору нет! Не прошло и полдня, как я решил ограничиться формальным общением, и вот сам же нарушил свое же обещание.

Дошел до ближайшего кафе как был, в пиджаке, заказал зеленого чая и стал думать, что делать дальше. Жутко хотелось курить.

Чувствовал я себя очень плохо. Дело было не только в моих переживаниях, скорее, в нарастающей вокруг меня атмосфере враждебности. Ощущения были такими осязаемыми, что каждый взгляд в мою сторону я воспринимал как острый укол. Я все больше верил, что ненависть имеет лучевую природу.

Мне срочно нужно было с кем-то поговорить. С кем-то, кто не ненавидит и не презирает меня.

Я позвонил домой родителям, но никто не ответил. Позвонил — не знаю зачем — девушке Ксении, с которой познакомился на остановке, но оказалось, что я неверно записал номер. Или она мне его неправильно продиктовала.

Так что, когда я набрал Лехин номер, это был скорее жест отчаяния, чем продуманный шаг.

— Резвей?

— Леха, привет. Извини.

— В задницу засунь извинения. Кеды есть?

— Есть, а что?

— К восьми вечера будь в спортивном комплексе на Балтийской. Будем играть в футбол, — сказал Леха и отключился.

Я воспрянул.

— Футболист из тебя знатный, — заметил Леха. — Раньше только в компьютерный играл?

— Да нет, в детстве много играл, — ответил я. — Форму потерял.

— Это ты верно заметил. Пузо ты себе отрастил что надо.

Мы сидели в кофейне, неторопливо потягивая зеленый чай. До этого мы залпом выпили по бутылке минералки.

В футбол я и правда не играл давно, с института. Попал я в одну команду с Лехой: он стоял на воротах, а меня поставили в защиту, где я

бездарно и отыграл весь матч — «привез» нам несколько голов, постоянно задыхаясь и не успевая ни за кем. К счастью, мне удалось забить гол, что несколько сгладило впечатление.

О ночном телефонном разговоре, о своих проблемах я, зная Леху, и не пытался заговорить: сначала мы были не одни, с его товарищами, а потом он долго с кем-то говорил по телефону.

— А гол ты классный забил, их вратарь даже не шелохнулся, — сказал Леха, отложив телефон в сторону. — Ты меня в последнее время вообще часто удивляешь.

— В смысле?

— В прямом. Движешься семимильными шагами, как будто боишься куда-то опоздать. Молодец, в общем. Еще есть чем похвалиться?

Я не понял, сарказм это был или он и в самом деле рад. Но решил подыграть:

— Собираюсь записаться на курсы ораторского искусства. Буду ходить после работы, три раза в неделю.

— А это еще зачем?

— Чтобы говорить красиво.

— Цицерон, блин, — улыбнулся Леха. — Меня бы попросил, я бы тебе эти месячные курсы в два занятия уложил. На «стрелке» был когда-нибудь?

— Слава богу, не приходилось.

— Вот там ораторское мастерство оттачивается ускоренными темпами, а излишнее красноречие, по сути пустословие и болтовня, заменяется логикой и уверенностью. Ты знаешь, есть такие мужики: влегкую докажут тебе, что черное — это красное. И ты согласишься.

— Возможно, но для меня это пока неактуально.

— А что актуально?

— Английский выучить. В автошколу планирую записаться, — продолжил я.

— Давно пора! Железного коня еще не присмотрел?

— Для начала возьму что-нибудь наше, не новое. А то новую тачку разбивать жалко.

— Ты опять за прежнее? — воскликнул Леха.

— Не понял, — удивился я.

— Новую разбивать жалко, — передразнил он меня. — Ты еще машину не купил, права даже не получил, а уже не сомневаешься, что попадешь в аварию!

— А вдруг? Мало ли... — возразил я.

— А страховка на что? А глаза, чтобы видеть, и голова, чтобы не забывать пристегиваться? Разобьет он. Все аварии — следствие лихачества и невнимательности. Ты лихач и разиня?

— Нет.

— А раз нет, бери сразу нормальную тачку. Чтобы перед девчонками не позориться.

— Да какие там девчонки! — сказал я. — Мне на работу и с работы только!

— А на работе девчонок нет, — прищурившись, ухмыльнулся Леха. — Я тебя правильно понял?

— А на работе больше нет. С Ритой поссорились, а Лида с Панченко сейчас.

— Да ты что! — удивился он. — Ну и ну! Стало быть, ты снова один?

— Один, Леха. Да и времени у меня на девчонок не будет теперь: работа, курсы всякие...

Леха хмыкнул, помолчал и неожиданно перескочил на другую тему.

— Слушай, ты мускулами обрасти хочешь?

— Хочу, — загорелся я. — А как?

— Как... Я не золотая рыбка, так что ответ один — заниматься. Подкачаешься, обрастешь мясом, скинешь пузо, войдешь в форму, а потом можно на единоборства какие-нибудь записаться. У меня тренер знакомый есть... — Леха мечтательно закатил глаза. — В короткие сроки из тюфяка делает боевую машину! Чемпионом мира не станешь, пожалуй, и чемпионом района тоже, но навыки самозащиты приобретешь. Хочешь?

— Конечно, — не сомневаясь, ответил я.

— Вот и договорились. Окончишь свою школу риторики, получишь права, и самое время заняться физическим развитием...

— Леха, я, наверное, ждать не буду. Не хочу время терять. Посоветуешь тренажерный зал нормальный?

— Хм... Я-то посоветую... — задумался он. — Но уж больно резво ты решил за все взяться... Смотри, не загони себя. В таком-то темпе и такими объемами. Очень важно, чтобы ты сохранил кураж.

Леха замолчал. Я понял, что он имел в виду. Но объяснять ему, что заставило меня входить в такой ритм, не хотелось. Выкинутые из жизни несколько лет — моя личная трагедия. У кого-то, может, и есть время развиваться постепенно, не гоня лошадей, но только не у меня.

Вместо этого я выложил Лехе все события последних дней, все, что произошло после нашей последней встречи: от неудавшегося свидания с Лидой, ссоры с Михой и Гараяном и заканчивая сегодняшним днем — полным отчуждением в офисе и бездарно проигранной дракой с Костей.

Леха внимательно выслушал, помрачнел, но не перебил. Наконец, когда я, выговорившись, заткнулся, вдохнул-выдохнул и опрокинул чашку остывшего чая, Леха заявил:

— Да уж... Наломал дров.

Я обреченно кивнул. Это означало, что я всецело с Лехой согласен.

— Ладно, не кисни. Курить бросил, нервы на взводе — это понятно и объяснимо. То, что мне нахамил, — дал бы я тебе, Резвей, в морду, но не буду, на первый раз прощаю.

Я мысленно сжался — Лехе я хамил в трубку, даже не думая о возможных последствиях.

Леха жестом попросил официанта повторить, а сам продолжил:

— Ревность разыграла — объяснимо. Могу понять. А вот людей зря обидел — это одна ошибка. Держи эмоции в узде, не позволяй себе переходить на личные оскорбления — ссора забудется, осадок останется. Первым делом извинись, искренне извинись — и перед соседом своим, и перед ребятами. Простят они тебя или нет — не так важно, важно раскаяться и извиниться. Груз сбросишь, дальше плыть будет легче. С Маргаритой все просто — объяснись. Сразу надо было объясниться, а не тянуть и откладывать, — это вторая ошибка. К Лиде больше не лезь — отпусти. Будут в твоей жизни еще и любовь, и сопли, и переживания, к гадалке не ходи.

Нам принесли еще чайник чая. Леха дождался, пока официант разольет и отойдет.

— Самая главная ошибка, Серега, — это то, что ты утешения пошел искать на дне рюмки. Никто и никогда за всю историю человечества не нашел в алкоголе решения проблем. Говорят, что пьют, чтобы полегчало, якобы вместо обезболивающего душевного. Врут. Легче тебе стало, когда набухался?

— Нет.

— Легче не стало, только еще больше дров наломал. В общем, все поправимо. И не кури — сложно, хочется, знаю по себе. Не срывайся, не давай воли эмоциям, контролируй злость, гнев. Будь мужиком, не кури.

И, улыбнувшись, подмигнул.

Я улыбнулся в ответ и спросил:

— Лех, а может, мне уже сейчас на рукопашку? Чтобы с ума не сойти?

Я не в первый раз столкнулся с фразой «Будь мужиком». За всю свою жизнь я слышал ее в самых разных, часто противоречивых контекстах.

«Будь мужиком, поставь свою бабу на место, воспитай ее, покажи, кто хозяин! Не понимает — дай леща!» — слышал я во дворе в разговоре соседских мужиков.

«Будь мужиком, не поднимай руку на женщину! Поднял руку — все, сам баба», — учил меня отец.

«Будь мужиком, не сдавай своих! Коляна ты с первого класса знаешь, а эту только вчера первый раз увидел. И потом, нечего было жопой вертеть, сама виновата», — уговаривали моего одноклассника не давать показания против насильника.

«Будь мужиком, накажи скота! Насильнику место на нарах», — в сердцах кричал отец изнасилованной девушки.

«Будь мужиком, не ссы! Все ныряют отсюда — и ничего, а ты чего?» — подначивали Гарика подвыпившие товарищи на рыбалке.

«Будь мужиком, подумай о семье! Черт его знает, какое там дно, детей без отца оставишь?» — должны были кричать товарищи бухому Гарику, воткнувшемуся головой в торчавшую арматуру.

«Будь мужиком, забудь! Баба и есть баба, чего ты терпишь ее закидоны? Плюнь, разотри, девчонок этих вон сколько — целый бар», — утешали мы Гараяна, когда он в очередной раз поссорился с Миленкой.

«Будь мужиком, борись! Взаимная любовь — редкая штука, и, пока есть чувства, надо бороться», — хотел я сказать Левону. Но не сказал, чтобы не прослыть слабаком.

«Будь мужиком, накажи! Ты видел, вот он — черт наглый. Видел, а? Как он тебя подрезал, вот сволочь!» — говорили мои однокурсники другу, взявшему у отца машину покататься.

«Будь мужиком, не бери в голову и забудь! Мало ли, может, жену беременную в роддом везет мужик», — должны были говорить они ему, потому что в итоге так и оказалось.

«Будь мужиком, поехали! Клево ж сидим, от жены отмажем, поехали, время детское — час ночи!» — говорили собутыльники моему дяде.

«Будь мужиком, езжай домой. Семья ждет», — надо было думать дяде, потерявшему из-за гулянок семью.

«Будь мужиком, возьми ее! Черт, да по ней видно, она ж тебя хочет!» — думал я о Рите.

«Будь мужиком, оставайся человеком», — сказал мне Леха.

ГЛАВА 16

С чистого листа

У Лидки с Панченко началась большая любовь. На работу приходили вместе, обнявшись, — невыспавшиеся, но полные энергии и счастья. Лида, судя по всему, разорвала с Леной «Ткачом» ради Панченко. Тут бы любой позавидовал — не только я, любивший ее долго и безответно.

Но время шло, бури в душе поутихли, а потом и вовсе наступил штиль. Общаться с Лидой я стал сухо, официально и только по работе.

Как и советовал Леха, я извинился перед Михой и Левоном, объяснился с Ритой. Мои слова были приняты равнодушно, и я сделал вывод, что зря я так переживал. Это для меня была проблема, а для них — так, неприятный эпизод, о котором быстро забыли.

Отношения с ребятами лучше не стали. На работе я вел себя как робот: трудился сам, требовал с других, ничего личного — без интонаций, без эмоций.

Что касается Лиды, то я не знал, угасли ли мои чувства к ней. Но произошедшее меня раззадорило. Уязвленное самолюбие, победно-злорадные взгляды Кости, поддержка и подначки Лехи заставляли меня работать над собой.

Меня уже не волновало, что обо мне думают коллеги. Я прислушивался к Лехе и Кацюбе, потому что уважал их. Их мнение по разным вопросам меня интересовало, но не было решающим. Что касается мнения остальных, то на данном этапе жизни оно мне стало безразлично.

У меня как будто появился фильтр, не пропускающий того, что не вело к успеху. Не важно, будут у меня хорошие отношения с Михой, Левоном, Лидой и Бородаенко или нет. Да даже если бы Лида стала моей девушкой, разве стал бы я от этого лучше? Какое-то время, под действием гормонов, я, может, был бы счастлив и летал на крыльях взаимной любви. Возможно, стал бы эффективнее работать и сделал бы шаг по карьерной лестнице, возможно — наоборот: работать стал бы хуже, думая только о Лиде.

Не суть.

Всю прошедшую неделю я в основном реагировал. Не пытался определить четкие цели и двигаться к ним. Потому и наломал дров. Я увлекся внешней атрибутикой — одеждой, поведением. Но содержимое осталось прежним. Я был тем же неудачником, хилым физически и морально, без особых навыков, позволяющих конкурировать в обществе.

Я вспомнил слова Миши о том, что всю неделю он существует, а по-настоящему живет только в выходные. Да что Миша, я и сам такой.

Мое поколение через десятилетие будет царить на Земле. Мы — поколение пятничных сисек, пива и котиков. Мы — офисный планктон всей страны — отмечаем наступление пятницы, последнего дня рабочей недели, как священный праздник. Мы заполняем интернет-пространство слезливыми картинками с призывом отпустить с работы пораньше, фотографиями кружек с пивом и обнаженными красотками. Мы слагаем о пятнице гимны и воспеваем этот день как день освобождения от офисного рабства.

Мы — поколение «как развлечься и как создать видимость работы, чтобы ничего за это не было». Без семьи, но с кучей «друзей». Поколение «не читал, но фильм лучше». Поколение пикаперов, «секса без обязательств», свободных отношений. Поколение кофеен. Гуглящее поколение, предпочитающее общаться в сети, а не лицом к лицу; играть в FIFA, а не в футбол; воевать дистанционно, а не вживую; прокачивать героев в MMORPG^[13], а не воспитывать своих детей; поздравляющее электронной открыткой, а не лично; работающее там, где комфортнее не трудиться. Поколение интернет-мемов, а не латинских изречений.

Сейчас очень хорошие шансы добиться многого. Конкуренция невысока.

И мне самое время начать этим пользоваться.

Что же делает небогатых богатыми, спортсменов — олимпийскими чемпионами и чемпионами мира, творческих людей — знаменитыми,

трудяг — владельцами прибыльных бизнесов и президентами? План и следование ему.

Всегда должен быть план. На жизнь. На годы. На лето. На неделю. На день. Конечно, планы надо выполнять. Конечно, жить по плану скучно.

Но ведь это не обязательно. Можно жить как хочешь.

Следование плану — удел тех, кто успешен на выбранном пути. А значит, и в жизни.

Мне очень хотелось быть успешным. И мне нужен был план.

Я с трудом представлял себе успех, мои мечты были абстрактны. Я знал, что когда-нибудь у меня будут домик на берегу моря, красивая любящая жена, умные и здоровые детишки, яхта и личный кинотеатр дома. В мечтах я был богат и влиятелен, красиво одевался, ходил по красной ковровой дорожке с кинозвездой под руку, был знаменитым и видел себя на обложках лучших журналов.

Еще я мечтал быть неотразимым для женщин, обладать суперсилой, уметь становиться невидимкой и останавливать время.

Мечты были хороши — особенно перед сном. Но время уходило, а я ни на шаг не приблизился к мечте.

Мечты — не цели.

Цель должна быть конкретна, реальна и со сроком достижения. Сто отжиманий через год — конкретная и достижимая цель. Тысяча отжиманий через месяц — для меня недостижимо, как и получение «Оскара» за лучшую мужскую роль в следующем году.

Стать лучше — цель благородная, но неконкретная.

Поэтому я сосредоточился на цели, которую назвал «Резвей 2.0». На пути к ней я выбрал несколько направлений. В каждое вложил базовые навыки, которые необходимы для начала.

Здоровый образ жизни и физическое развитие. Первым делом я планировал избавиться от излишков жира. Сравнив свои фотографии за последние несколько лет, я понял, что и лицом я тоже раздался вширь — минус десять к харизме. Зарядка, бег, контрастный душ и здоровое питание.

Параллельно с жиросжиганием — приведение мышц в тонус. Те самые подтягивания и отжимания, к которым после изучения материалов в сети я добавил приседания и упражнения на пресс.

Следующим шагом я запланировал тренажерный зал и бассейн, но пока без конкретных целей — надо изучить предмет.

И, конечно, никаких сигарет и крепких напитков. Потому что в здоровом теле — здоровый дух. А духа мне нужно очень много.

Еще я решил развивать важные социальные навыки. Для начала планировал заняться речью. Голос у меня негромкий, в словесных перепалках я не блистал. Я вспомнил, как запросто Леха увел меня из магазина пить пиво. Внешний вид у него тогда был так себе, но я-то пошел за ним! Сейчас я понял почему: речь!

Так что родная речь первым делом, без колебаний.

Освою родную — можно будет перейти к иностранной, английской. Язык мне в школе не давался. Произношение было даже хуже, чем у капитана советской подлодки в американском фильме, а словарный запас — из компьютерных игр.

К своему стыду, я никогда не умел водить машину. Когда люди узнавали об этом, неловко было не только мне, но и зачастую им. В глазах некоторых этот факт был сродни импотенции. Поэтому включил пункт: обучиться вождению и получить права.

Последним направлением стало расширение кругозора. Я часто замечал, что не в состоянии поддерживать разговор. Читал слишком много фэнтези и слишком мало классики. Слушал слишком много одной и той же музыки. Абсолютно не разбирался в живописи, моде, брендах, курортах, автомобилях, спорте. Мало читал профессиональной литературы и литературы полезной. Я отстал, а в чем-то даже не начинал. Не факт, что мне все это понравится. Но я должен попробовать увлечься и узнать хотя бы основы.

Еще одно направление — обзавестись девушкой — я вычеркнул.

Девушки — потом.

В воскресенье я снова пошел играть в футбол с Лехой. В этот раз бегалось мне чуть легче, но к концу матча ноги все равно стали ватными.

Во французской кофейне, куда мы с Лехой заехали в этот раз после игры, было уютно. Тем жестче прозвучал ответ Лехи, когда я

пожаловался ему на боли из-за тренировок, одиночество и боязнь перед планов громадьё.

— Послушай меня, Серега. В любой сфере жизни есть зона комфорта. Этакый круг безопасности, как в «Вие». Выйдешь из него — угодишь в пасть злым силам. Если долго не покидать эту зону, можно уподобиться старому заключенному, которого пугает свобода.

— «Шоушенк»^[14]?

— Именно. Причем это могут быть мелочи: кто-то читает только детективы, кто-то смотрит только блокбастеры. Или серьезные вещи: одна и та же работа много лет, привычный образ жизни, круг общения... Пойми, ты сам себя ограничиваешь. Невидимые границы твоих возможностей надо ломать. Это больно, или тяжело, или страшно. Я понимаю, что все банально, но иногда нужен такой толчок: последняя капля в подтверждение твоих собственных мыслей. Представь, что ты умеешь... Скажем, подтягиваться пять раз.

— Один кое-как, — машинально поправил я.

— Но мечтаешь подтягиваться двадцать.

— Мечтаю.

— Ставь цели, не мечтай. Но я о другом. Чтобы подтянуться больше раза, тебе придется сделать усилие, и не одно. Это тренировки и дисциплина. Это выход из зоны комфорта, в которой ты подтягиваешься один раз кое-как. Первый второй раз будет на пределе возможностей.

Но вот тебе хорошие новости: он будет адским только один раз. И два подтягивания станут твоей новой зоной комфорта. Это все еще не та зона мечты, где ты комфортно подтягиваешься двадцать раз; но она уже на одно подтягивание круче.

И вот тебе еще хорошая новость. Первое третье подтягивание на турнике будет не сложнее первого второго, а первое двадцатое ничуть не сложнее первого девятнадцатого и проще первого второго. Если понимаешь, о чем я.

Леха улыбнулся. Я тоже.

— Все, что нужно сделать, — продолжил он, — разбить невидимые границы своего привычного круга. Начинай с мелочей. Послушай другую музыку. Прочти книгу в другом жанре. Проведи вечер с

другими людьми. Заведи собаку. Найди девушку. Вернись с работы другим маршрутом. Переставь кровать. Купи другую зубную пасту. Выпей с утра пару стаканов воды вместо кофе. Учись разговаривать. Умеешь? Учись шутить. Шутишь? Шути не только с друзьями. Ломай круги. Расширяй зону комфорта.

Я записался на тренинг по ораторскому мастерству. В месячной программе были навыки убеждения и эффективной презентации, словесная импровизация и мастерство переговоров.

Домашние упражнения, которые позже я планировал заменить тренажерным залом, и тренинг занимали у меня четыре вечера в неделю. Оставались еще три свободных.

Два из них я отдал на обучение вождению. Записался в автошколу возле дома.

Преподаватель, пожилой низенький мужичок в кожаной кепке, которую он никогда не снимал, лекции читал занудно, требовал все записывать в тетрадь, вместо того чтобы дать распечатанный материал и постараться вызвать интерес у аудитории. Но мы все там занимались ради прав, и фейерверков от преподавателя не предполагалось. Так что терпеливо ждали окончания теории и начала практики.

Свободным оставалось воскресенье. Леха предложил днем играть в футбол и ходить в баню. Как он сказал: и аэробная тренировка, и отдых.

Я перешел на здоровую пищу, полностью отказавшись от фастфуда, жареной картошки, газировки, шоколадных батончиков и полуфабрикатов. Это было непросто: теперь мне постоянно хотелось не только курить, но и есть. Я килограммами поглощал фрукты: грыз яблоки, ел апельсины и бананы, делал овощные салаты. Я выучил несколько рецептов блюд из куриной грудки и готовил ее на ужин. В общем, стал больше времени проводить на кухне и меньше за компьютером. Когда в последний раз включал телевизор — уже и не вспомню.

Пригодился приобретенный и установленный на смартфон оксфордский англо-русский словарь. Учить по несколько новых слов

во время готовки вошло в привычку.

И еще я полюбил ходить пешком. Возвращаясь вечером домой, я выходил из метро станцией раньше, чтобы подышать свежим воздухом и увеличить расход калорий. Эти дополнительные ежедневные полчаса прогулок и дали тот самый отрицательный энергетический баланс съеденного к потраченному. Я похудел, причем вес особо не снизился: окрепли мышцы. Появились упругость в теле, прочность. Дышалось легко даже после километровой утренней пробежки.

Я чувствовал, что все делаю правильно. Это окрыляло.

В новом ужесточенном ритме время летело быстрее. Отрезки, свободные от работы, тренировок и курсов, были тоже насыщенными.

Я понял, что недостаток жизненного опыта не дает мне возможности в новых ситуациях вести себя правильно. Шаблоны поведения у каждого человека одинаковы. Вот, например, я никогда не был руководителем. Даже если я им стану, я не сразу научусь правильно руководить. Скорее всего, буду ориентироваться на то, что подглядел у своих прежних боссов, в книгах и фильмах.

Так что в свободное время я много читал. Я всегда читал много и быстро, но впервые после института изучал так много хорошей и полезной литературы. Мне нужно было расширять кругозор, количество знакомых — пусть и благодаря книгам — жизненных ситуаций.

Я составил список книг, обязательных к прочтению в следующие два года. Туда вошли произведения лучших мировых писателей. Всего около пары сотен названий.

Отобрал развивающую и учебную литературу — по специальности, работе, управлению, психологии, саморазвитию, отношениям и здоровью.

Чтобы все успевать, загрузил книги в смартфон и изучал их каждую свободную минуту: в ожидании лифта, в метро, в автобусе, в очереди — везде, где можно было прочесть хотя бы пару страниц.

Изучив списки лучших фильмов всех времен и народов, я нашел и такие, которых не видел, и посмотрел их.

Так же поработал с музыкальными хит-парадами.

Жизнь стала насыщенной, и каждый новый день повышал интерес к ней. Я становился увереннее в себе, все меньше переживал и волновался.

ГЛАВА 17

Первое свидание

На тренинге по ораторскому искусству я был одним из самых старших. Группа состояла в основном из студентов, но было и несколько человек постарше. Это наложило свой отпечаток. Студенты каждое выступление или дискуссию превращали в клоунаду, жестко «троллили» друг друга и тренера, не щадя ни чужих, ни своих, и клеились к взрослым дамам. Вместе с тем схватывали они все на лету и не гнушались помочь или что-то объяснить «старикам».

В такой атмосфере обучение пролетело быстро.

Теоретическая часть дала не так много, как практика. Тренер — активная дама бальзаковского возраста — записывала наши выступления по заданной теме на видео. После чего вся группа, подначивая друг друга, разбирала ролики. Было не только весело, но и полезно. К окончанию тренингов я понял, что больше не боюсь выступать перед публикой. Я перестал волноваться, говорил четко и внятно, последовательно. И теперь сбить меня с мысли было не так просто.

Я научился не только доходчиво излагать свои мысли, но и грамотно управлять интонацией, расставляя акценты именно там, где надо. Дикцию мне поставили. Не Левитан, но прогресс очевиден.

Так что мысленно в плане на этот год напротив пункта «Ораторское искусство» я поставил галочку. Цель достигнута.

Последнее занятие тренинга закончилось выдачей сертификатов и небольшим фуршетом. Групповое фото на память, тут же выложенное в социальные сети, обмен контактами, обещания писать друг другу. Прощались искренне. Но стоило нам разойтись, как все погрузилось в собственную жизнь.

Кроме меня.

Мне было жаль расставаться с Элиной. Так вышло, что на первом практическом задании мне в пару попала обаятельная, с выдающейся фигурой девушка того неопределенного возраста, когда сорок не дашь, но и тридцатилетний рубеж явно уже пройден. Внешне она была

сдержанна и, как мне показалось, старалась себя контролировать. И ей было все равно, что думают о ней другие, — или она делала вид.

Весь месяц я упорно старался не пялиться, но взгляд она притягивала. Оправдывал себя тем, что у меня давно никого не было.

Смущало другое. Я так и не решился заговорить с ней! Мы общались в рамках заданий, но вот так, просто подойти и заговорить о чем-то, чтобы завязать отношения, а там — чем черт не шутит — пригласить на свидание... я не смог.

Я вспоминал ту легкость, с которой познакомился с Ксенией на остановке, и пытался как-то вернуть тот кураж. Но вспоминал, что получил в итоге неверный номер телефона, и пыл угасал.

Я пытался вернуть себе то настроение, с которым пригласил в кино Риту, но это не работало. У меня просто захватывало дух, когда я видел Элину.

Каждый раз перед занятиями в центре я мысленно прорабатывал варианты, читал рекомендации пикаперов и жалел, что бросил курить. Это помогло бы завязать разговор — курильщики вообще проще социализируются.

Меня хватило разве что на нелепый диалог во время кофе-брейка на последнем занятии. Элина заваривала пакетик чая. Я набрался решимости, быстро подошел к ней и прокашлялся. Она обернулась.

— Привет.

— Привет.

— Ты не куришь? — я был готов пойти с ней и выкурить сигарету, да хоть пачку — так меня к ней тянуло.

— Нет.

— Жаль, — сказал я и пошел стрелять сигареты у ребят — оправдывать свой идиотизм.

На следующий день я вытащил Леху на обед и выложил ему историю своего неудавшегося подката. Показал фотографии Элины с ее страницы в социальной сети.

Леха присвистнул — на некоторых фото Элина была в купальнике.

— Губа не дура, — заметил Леха.

— Клевая, да?

— Клевая... Погоди, выберу поесть.

Подошел официант. Мы сделали заказ — по стейку, пару салатов и чай. Официант записал, повторил и спросил:

— Уважаемые, не желаете ли попробовать блюдо дня от нашего шеф-повара...

— Спасибо, это все, — перебил его Леха.

— В таком случае, уважаемые, позвольте вам предложить... — официант невозмутимо гнул свою линию.

— Серег, — обратился ко мне Леха, игнорируя гордого воина клана халдеев, — Скайнет захватил мир, тебе так не кажется?

— Так и есть, Учитель, — трепетно обратился я к нему, — могу я применить Силу?

— Разрешаю, юный падаван^[15], — кивнул он.

Я повернулся к официанту, перечислявшему особые предложения.

— Уважаемый... — всмотрелся в бейдж на его груди. — Григорий!

— Да, уважаемый?

— Мы передумали. Нам ничего не надо. Мы уходим. Спасибо.

К чести Григория, его лицо не изменилось. Выдержка железная.

— Пожалуйста, уважаемые. Приходите еще, — откланялся он и удалился.

— Вот черт полосатый, пожрать не дал, — возмутился Леха. Непонятно, кого он имел в виду: меня или Григория. — Идем в блинную, раз так.

Мы зашли в заведение напротив — классом пониже, обслуживанием попроще, блинами повкуснее. В этот раз официант нас не терроризировал — быстро принял заказ и побежал выполнять.

Леха вернулся к просмотру Элининой страницы.

— Клевая, не возражаю. Идиотских цитат на странице нет, соплей тоже — цену себе знает. Карьеристка, сто пудов. Начальник отдела в банке. На фото — Лондон, Нью-Йорк, Фриско, Рим, Дубай... Резвей, угомонись, без шансов. У нее таких подкатчиков в день по три пучка: выбор богатый. Не ездит рядовой сотрудник банка, пусть даже начальник отдела, по таким местам с такой регулярностью.

— Лех, да мне же не жениться... — сказал я и покраснел.

— Тем более забудь. Матросов много, а ей, может, и нужен такой перспективный лейтенантик, из чувства азарта: сама воспитала, помогла чего-то добиться, вырастила генерала.

— Лех, ну все-таки. Гипотетически. Вот представь, что я ее вытащил куда-то, просто поговорить или, скажем, на свидание. Как мне зацепить ее так, чтобы она не отшла в первые пять минут?

— Серега, ты сам себя зацепить не можешь. Как же ты зацепишь кого-то другого?

— В каком смысле?

— Представь. Ты встаешь утром, идешь умываться, чистишь зубы, бреешься — внимательно всматриваешься в зеркало и... Что ты видишь?

— Себя.

— Какого себя? Атлетичного парня с красивой улыбкой и уверенным взглядом? На которого заглядываются все девчонки?

— Нет...

— Или парня с фамилией на «Д» или «Ц»^[16], создателя крупнейшей соцсети Рунета или мира? Парня, кому миллиарды жгут ляжку? Или удачливого игрока в онлайн-покер, взявшего в турнире пару десятков миллионов долларов? Футболиста, играющего в основном составе «Зенита»? Парня, победившего в реалити-шоу? Известного поэта? Перспективного ученого, за которого бьются ведущие университеты мира?

— Я не богат. Не успешен. Не гений. Хватит. Я понял, о чем ты.

— Ни черта ты еще не понял, салага. С твоего позволения, я продолжу.

— Лех, обед заканчивается, — посмотрел я на часы.

— Я коротко. Смотри, ты сам признаешь, что не успешный. Ты не знаменит, не богат, не особо умен. Внешние данные тоже не на высоте. И по шкале от одного до десяти ты бы себя оценил на...

— Единицу. Я — ничтожный червяк.

— Умножь на пять, а то и на шесть, Джимми. По многим критериям ты все-таки чуть выше среднего, а если брать в расчет человеческие качества, то и намного выше. По крайней мере был таким при нашей первой встрече.

— Я понял, — воодушевился я. — Моя задача — показать Элине, какой я внутри...

— А внутри у ней неонка^[17], — перебил меня Леха. — Большинству плевать на твой богатый внутренний мир. Можешь себе представить, сколько сейчас таких, как ты, ходит вокруг нее кругами и твердит: «Она непременно полюбила бы меня, если бы только знала, какой я интересный человек!»

Черт, ну почему он постоянно троллит меня?

— Итак, — продолжил Леха, — человеческие качества ты проявить не можешь, вы едва знакомы. Поэтому задача номер один — познакомиться поближе.

— Как?

— Люди для этого придумали свидания, Серега. Люди встречаются — обычно лица противоположного пола — в одном из специально предназначенных для этого мест: кинотеатр, кафе, ресторан, ночной клуб, концерт, лавочка в парке. Особенно романтично встречаться в подъезде — бабки, слушающие под дверью, как вы шепчетесь и милуетесь, активно комментируют, вмешиваются в процесс и придают свиданию особое очарование.

— У меня было такое, кстати.

— Да у всех было, Серег. Не суть. Охмурять случайных девок на улице я тебя учить не буду. Недопикаперы своими выходами в поле уже всех девчонок запугали. Так что перейдем к гипотетическому свиданию с любой красивой девушкой. Сам факт свидания означает, что ты уже чем-то зацепил девушку. И ты можешь заинтересовать ее еще больше или убить первоначальный интерес. Тогда свидание быстро закончится и станет для вас последним.

Мои свидания с Ритой и Лидой подтверждали Лехины слова. И если со второй все понятно, то с Ритой я сам заложил бомбу. К чему было говорить Михе и Левону о том, что я с ней? Дешевые понты...

— Остается последний, решающий вопрос. Как заинтересовать красивую девушку на первом свидании? — Леха поднял указательный палец вверх, покрутил им в воздухе и резко опустил, ожидая, что я отвечу.

— Быть интересным? — предположил я.

— Да, капитан!

— Спасибо, Учитель. Теперь я все понял, кроме одного, — сказал я. — Как?

В очередное воскресенье после футбола мы пошли в баню. Леха был в командировке, но его то ли друзья, то ли коллеги приняли меня как своего. Мы отлично побегали, потом здорово попарились, исхлестав друг друга дубовыми вениками.

На вечернюю набережную я вышел посвежевшим и воодушевленным. Шел мягкий снег, оседал на ресницах. Перекинув сумку с формой через плечо, я направился к закусочной через дорогу, чтобы поесть и выпить свежесжатого сока.

Внутри было светло и уютно. Я сделал заказ и стал разглядывать окружающих. Справа сидели парень с девушкой: скорее всего, первое свидание. Парень напряженно, с деланным энтузиазмом (вот сейчас, сейчас будет смешно!) рассказывал анекдот. Девушка внимательно слушала: было видно, что шутку она знает, но воспитание не позволяло перебить собеседника.

Поймал себя на мысли, что я вел бы себя иначе, — Леха прилично подковал меня в теоретической части. Это же первое свидание, а тут важнее заинтересовать девушку, вести диалог, а не пытаться забить пустоты бородатыми анекдотами.

Это и был первый Лехин секрет обольщения, и годился он для любой девушки.

«Представь, — говорил Леха, — что вы давным-давно знакомы. Что перед тобой — старый друг, которого ты не видел несколько лет. Сначала тебе придется непросто. Где-то начнешь переигрывать, вопросы будут похожи на допрос: “А какая у тебя любимая группа? А на кого ты училась? А кем работаешь? Живы ли родители?” Ни в коем случае не веди себя как плохой журналист на интервью, которому важно отстреляться. Не выдумывай вопрос заранее, а задавай только после того, как внимательно выслушаешь ее ответ на предыдущий. Будет отвечать односложно — рассказывай сам о том, что спросил. Не забывай реагировать на ее слова, ей важно эмоциональное участие. Не

отводи взгляд, улыбайся, влюбляйся в нее у нее на глазах! Между делом искренне говори приятные вещи. Только не будь похотливым клоуном — плюнь на кинестетику^[18]. Тебе не секс на первом свидании важен, а нормальную девушку найти. Общайся исходя из логики и контекста беседы. Беседы с другом».

Второй Лехин совет касался очень красивых, знающих себе цену женщин. С ними даже проще. Все, что нужно, — игнорировать красоту.

Сотни воздыхателей не дадут шанса сто первому, но дадут первому равнодушному к ее внешности. Он как минимум вызовет интерес.

Я вернулся в настоящее, глянул на парня-анекдотчика, который, видимо, уже рассказал все хохмы и решил поведать о друге Мишке с параллельного потока, который — вот умора! — покрасил волосы в красный цвет. Девчонка явно скучала. Ей совершенно не нужен был красноволосый Мишка, ей был интересен перец, сидевший перед ней. Но тот совсем ничего не рассказывал о себе.

Слева от меня сидела еще одна девушка. Она лениво потягивала сок и читала книгу. Почувствовав мой взгляд, обернулась. Кареглазая брюнетка с очень милым личиком. Вскользь оглядела меня и вернулась к чтению. Лицо показалось мне знакомым. Ксения! Девушка, с которой я познакомился на остановке в тот вечер, когда встречался с Лидой. Интересно, узнала ли она меня? Вряд ли. Хотя это легко проверить! Недолго думая, я встал и подошел к ней.

— Здравствуйте, Ксюша! — поздоровался я. — Помните меня?

— Здравствуйте. Нет, если честно, — удивленно протянула она. — А мы знакомы?

— Я вас тоже не сразу узнал, — признался я. — Помните, около месяца назад, вечером на остановке...

— Да-да-да! — улыбаясь, перебила она. — А я думаю: вроде бы видела вас раньше, а где именно, не помню. Садитесь, — сказала она.

Я сел напротив. Ксения отложила книгу, а мне, кроме бородатых анекдотов, на ум ничего не приходило.

Повисло неловкое молчание.

Я на миг задумался, а потом представил, что знаю Ксюшу лет десять, улыбнулся и спросил:

— Как дела?

Мне на самом деле было интересно, как у нее дела.

Мы долго просидели в этой закуской. Оказалось, что Ксюша жила неподалеку и часто после института сюда заходила. Да, что ни говори, а Питер все-таки маленький город. Мы беседовали, по большей части рассказывая друг другу о себе.

Ксения училась в Институте культуры на последнем курсе. Мне сразу понравилась ее компания, она с интересом меня слушала, рассказывала, давала дельные советы.

А потом я вызвался ее проводить, и она согласилась. Всю дорогу я наслаждался тем, что рядом со мной красивая девушка.

Возле ее подъезда мы остановились.

— Спасибо за приятный вечер, Сережа, — сказала Ксения. — Мне пора.

— Мне тоже было очень приятно. Еще увидимся?

— Почему бы и нет? Мой настоящий номер телефона ты теперь знаешь, — улыбнулась она. — Звони.

Я улыбнулся в ответ, но вдруг она схватила меня за локоть и затащила в подъезд.

— Что такое? — удивился я и тут же получил ответ на свой вопрос.

Мне в ногу прилетел снежок — плотный, тяжелый и твердый. Следом влетело еще два. Что за черт? Сделал шаг на выход, но Ксения остановила меня.

— Сергей, не надо. Это Захар.

— Парень твой?

— Нет... Да... Бывший. Мы недавно расстались, но он все не успокоится.

— А давай я поговорю с ним?

— Что ты! — испугалась Ксения. — Он сумасшедший и один не ходит никогда...

Не успела она договорить, как я увидел Захара собственной персоной. Невысокий, худощавый. Щеки впалые, глаза близко посажены. Рядом пристяжь — парочка товарищей.

— Я тебе говорил, шалава, чтобы ты ни с кем не гуляла? — просипел он.

Ну, пора включать все, чему я научился за последнее время.

— Молодой человек, ведите себя прилично, — как можно спокойнее и увереннее сказал я. — Не на базаре.

Вежливость, уверенность и спокойствие — главное в конфликтных ситуациях. Жаль, но на Захара это главное никак не подействовало.

Он удивленно вылупился на меня, сплюнул и спросил у Ксении:

— Что за клоун? И почему он все еще тут?

— Захар, прошу тебя, уйди... — начала она.

Но я ее перебил:

— Слушай, Захар или как там тебя. Мне неинтересно, кто ты и что ты. Но если эта девушка тебе небезразлична, сделай то, что она просит.

— А что ты за ее спину прячешься, а? — возмутился Захар. — А ну, пойдем пообщаемся!

Он схватил меня за шиворот и потащил на улицу. Горло пересохло. Сердце выскакивало из груди, как у перепуганного кролика. Подумал, что будут бить. А раз исход один, то теперь главное — не опозориться в Ксюшиных глазах и повести себя как мужчина.

И снова, как тогда у кинотеатра, рука сама сжалась в кулак и состыковалась с Захаровым подбородком. Его голова откинулась назад, а изо рта потекла кровь. Кажется, он прикусил кончик языка. Захар что-то промычал, помотал головой, сплюнул сгусток крови, тыльной стороной ладони вытер рот и, прищурившись, с каким-то новым интересом осмотрел меня. Его товарищи стали приближаться ко мне со спины.

Ксения закричала. Стали открываться окна, и Захар с корешами, пообещав, что «мы еще встретимся», ретировался. В общем-то я легко отделался.

— Что, Ксюша, опять Захар? — высунувшись из окна, спросила какая-то старушка.

— Он самый, — вздохнула Ксюша. — Не угомонится никак.

— А что, часто такое? — поинтересовался я.

Мною двигало не только любопытство, но и зарождавшаяся ревность. Мне было интересно, часто ли ее провожали парни. Как часто Захар устраивал подобные сцены, меня не волновало.

— Редко, но метко, — ответила девушка.

И на том спасибо. Попрощались в подъезде, я попытался ее поцеловать, но она увернулась и исчезла в лифте.

Домой я возвращался в смешанных чувствах. В мои великолепные планы вклинились эмоции — вечер убит на девушку вместо саморазвития. И, честно говоря, я с удовольствием убил бы так и все последующие вечера.

Я невольно заулыбался: и в драке победил, и девушка мне понравилась, и, кажется, взаимно. И если к Элине меня просто влекло, то к Ксюше я почувствовал нежность. Это было теплое чувство. Мне захотелось быть сильным, чтобы суметь ее защитить от кого угодно.

Решил: пора тягать железо и обрастать мышцами.

Ведь в следующий раз может так не повезти.

ГЛАВА 18

Любовь и железо

Началась зима. Коллеги, подъезжая к офису, расчищали себе место на парковке и сразу бежали согреться горячим кофе.

Все бегали, суетились, как будто включились внутренние резервы: работа кипела, отношения стали доброжелательными. Все хотели решить накопившиеся задачи, раздать долги, успешно закрыть проекты, сделать все, на что не хватало времени весь год.

Отношение ко мне неуловимо изменилось в лучшую сторону: Миха с Леоном снова стали здороваться, пригласили в бар, но я отказался — не было времени. В редкие моменты общения с Лидой я чувствовал, что излечился от долгой затяжной болезни. Я понимал, что она привлекательна, но это никак меня больше не трогало. Думаю, это слегка ее задевало. Их отношения с Костей стали прохладнее, и иногда я замечал на себе ее пристальный взгляд, когда она думала, что я не вижу.

С Ксенией удалось повидаться еще пару раз. Признаться, когда я впервые ей позвонил после нашей случайной встречи, очень боялся отказа, особенно в не прямой форме. «Не сегодня» и «В другой раз» обычно подвешивали меня. С одной стороны, радовало, что не отшили. С другой — только совсем уж влюбленный болван будет так глуп и настойчив, чтобы продолжать осаду девушки после нескольких подобных ответов.

Ксения не отказала. Мы сходили в кино, а потом в кафе.

Уже на этом свидании мне показалось, что Ксюша обидчива и очень близко к сердцу все принимает. Мы хорошо пообщались, но, когда нам принесли счет, я неудачно пошутил, что она не предложила его разделить, а значит, считается моей девушкой. Ксюша, ни слова не сказав, выложила деньги на стол и вышла из кафе.

Я взял ее купюры, вложил в счет свои и побежал за ней. Догнав, я извинялся, пытался всучить ее деньги, но она так и не сказала ни слова до самого дома.

К моему облегчению, Захара мы не встретили.

Она не отвечала на мои сообщения и звонки до конца недели. В воскресенье, когда я, пересиливая себя и собственную апатию, поехал на футбол, она сама позвонила и предложила встретиться.

На футболе я был неудержим — забил несколько голов, раздавал голевые пасы, успешно защищал ворота, бесстрашно бросаясь в ноги противнику, за что удостоился Лехиной похвалы.

После футбола Леха подкинул меня до дома Ксюши. Ожидая ее, мы перекинулись парой слов, после чего он критически оглядел меня с головы до ног, пожелал ни пуха ни пера и уехал. Вышла Ксения.

Мы гуляли в парке поблизости от ее дома. Недолго, чуть больше часа. Потом Ксении понадобилось домой. Но гуляли мы держась за руки, а на прощание она чмокнула меня в щеку.

На следующий день я проснулся в хорошем настроении. Настолько хорошо, что губы сами растягивались в улыбке, когда я смотрел в зеркало. Я сходил в душ, почистил зубы, надел чистое белье, натянул пахнущие морозной свежестью джинсы и выглаженную рубашку.

Напевая, сделал себе яичницу на завтрак, соорудил бутерброды из черного хлеба и сыра, сварил кофе.

От Ксении пришло сообщение с пожеланием доброго утра. Ощущая прилив радости, ответил ей тем же и, позавтракав, собрался на работу.

Спускаясь по лестнице, встретил соседа Васю. Поинтересовался, как у него с обещанием завязать. Он ответил, что пока держится и его, слава богу, не тянет. Мы перекинулись парой шуток, дружно посмеялись, пожали руки. В эту минуту он был мне симпатичен.

Во дворе поздоровался с курящим у машины Артуром. Спросил, как его дела. Он пожаловался на свой бизнес, я посочувствовал и, сославшись на спешку, закончил разговор.

— Хорошего дня, потребитель, — услышал вслед.

Работа спорилась, вопросы решались без усилий, а к окончанию дня я понял, что влюбился.

Ложась спать, я был счастлив, в душе царила гармония. Я больше не трачу время впустую, а развиваюсь во всех направлениях — физически, интеллектуально, духовно.

Ксения... Ксюша... Ксюшенька моя...

Домашние упражнения, ежедневный бег, зарядка и отказ от курения дали первые результаты.

На последней домашней тренировке удалось отжаться почти десять раз. Почти, потому что последние подходы давались мне с большим трудом и, честно говоря, не обошлось без жульничества.

Правда, подтянуться на турнике больше четырех раз я пока не мог — руки были все такими же слабыми.

Поэтому в тренажерный зал я пошел с легким волнением, что меня засмеют бодибилдеры со стажем. Леха порекомендовал пройти обследование до начала тренировок, чтобы определить противопоказания. Их не обнаружилось, заниматься я мог в полную силу.

Тренер, невысокий коренастый мужичок в спортивке, показал, где переодеваться. Леха, который порекомендовал мне этот зал, сообщил, что тренера зовут дядя Миша. «Сергея, ты не смотри, что зал в подвале или что тренажеры там не новые. Дядя Миша свое дело знает, а железо везде одинаковое», — сказал он.

Дядя Миша так дядя Миша, решил я. Мне был важен результат.

В раздевалке стоял густой мужской дух. Каждый ботаник всеми фибрами души ненавидит этот запах физической силы, потных мужиков, запах драк и адреналина, унижений на уроках физкультуры и презрения сильных сверстников. Пока я переодевался, мне вспомнились забытые истории школьных и вузовских времен, которые гордый разум загнал на самое дно.

Мне повезло, что в раздевалке никого не было: только чьи-то спортивные сумки небрежно раскиданы по лавкам. Подозреваю, я позорно бежал бы с этой первой тренировки, даже не переодеваясь, постеснявшись своей худобы, слабых рук и не до конца сошедшего пуза. Я надел специально купленные шорты и футболку с повышенной влагопроницаемостью, посмотрел в зеркало и долго боролся с желанием никуда не идти.

Дорогая спортивная экипировка не преобразила меня. Из шорт торчали тонкие ноги, а рукава футболки не облегли бицепсы, как на манекене в спортивном магазине.

Я втянул живот и, конфузясь, пошел в зал, к дяде Мише.

Зал был непрезентабельный. Сам дядя Миша никаким боком на качка похож не был. Позже выяснилось, что он бывший спортивный врач. Но цены у него были божеские, а когда он узнал, что я от Лехи, то сразу как-то потеплел и повел к себе в каморку.

— Лешка? Верняк? Это же мой ученик, начал бы он не так поздно — больших успехов добился бы в культуризме, — рассказывал он.

— А Алексей давно у вас тренировался? — спросил я.

— Лешка-то? Да лет пять как перестал ходить. Вроде занимается еще где-то, но мой зал нонче не его уровня. Ну, ладно, давай к делу. На что хочешь работать? На силу? На массу? Или на рельеф?

Вот это новость. Я-то думал, эти атлеты просто бездумно железки тягают да стероиды жрут.

— А разница-то в чем?

— Программа тренировок разная. Ну, на рельеф тебе пока рано работать, не из жира же его складывать, — улыбнулся дядя Миша. — Поэтому предлагаю сначала — первый год точно — набирать мышечную массу. Заниматься будем три раза в неделю, тренировки на все тело.

— Я слышал, некоторые занимаются чуть ли не каждый день, — возразил я.

— Бывают и те, кто занимается раз в неделю. Все зависит от текущих показателей. Пойми, боец: мышцы не растут сразу после тренировки. Сначала они восстанавливаются. У тебя мышечная масса, скажу прямо, никакая. А значит, восстанавливаться мышцы будут быстро, но не меньше пары суток. Если тренироваться каждый день, то времени для восстановления и роста у них не останется совсем. Если тренироваться реже, чем нужно, — не будет прогресса, потеряешь период суперкомпенсации. Это когда после полученных на тренировке микротравм твои мышечные волокна на всякий случай восстанавливают не только то, что утеряно, но и чуть сверх того. Усвоил?

— Усвоил.

— Вот и отлично. Сразу предупреждаю: легко не будет, хочешь успеха — соблюдай дисциплину. Пропустил тренировку или употребил алкоголь — потерял результаты предыдущей. Пропустил

две — откатился на неделю назад. Если куришь, то знай: никотин замедляет синтез мышц. Куришь, пьешь?

— Курить бросил. Насчет алкоголя — ну да, бывает изредка.

— Бросай совсем. Программу я тебе дам самую простую, базовую, по ней будешь заниматься первые два-три месяца. Пришел — разминка, обязательно. Не разогреешь мышцы — получишь травму, не сможешь тренироваться и, опять же...

— ...потеряю результаты предыдущих тренировок.

— Молодец, сечешь! После разминки — пять-семь минут на беговой дорожке: поднять пульс, ускорить кровь. Вначале будут всего три упражнения, и все со штангой: становая тяга, приседания со штангой, жим лежа.

— Всего три? — удивился я. — Я в сети смотрел программы тренировок, там по десять-двенадцать как минимум. На руки, на плечи, на спину, ноги, грудь, пресс...

— Так, боец, если такой умный — занимайся сам. Или слушай меня и выполняй беспрекословно, ферштейн?

— Понял, — сказал я.

Тренировка заняла около часа. Уложился бы быстрее, но нужно было освоить правильную технику упражнений.

— Техника — превыше всего, Сергей. С неправильной техникой ты и мышцы как следует не нагрузишь, и такую травму можешь получить, когда перейдешь к серьезным нагрузкам, что недолго и инвалидом останешься.

С этими ободряющими словами дядя Миша раз за разом, покрикивая, заставлял меня не гнуть спину, упираться пятками в пол и оттопыривать зад при становой тяге, правильно жать штангу лежа, держать спину при приседаниях. Я думал, что умру еще на разминочных подходах. Пульс зашкаливал, пот лился ручьями, руки дрожали, ноги не держали. Прав был дядя Миша про нагрузку на все мышцы тела. При приседаниях у меня даже мышцы лица напрягались — смотрел на себя в зеркало, страшное зрелище.

— Достаточно на сегодня, боец, — закончил экзекуцию инквизитор. — Сейчас марш на беговую на пять минут, потом упражнения на растяжку, чтобы ускорить восстановление, и в душ.

Он ушел к себе, а я остался выполнять его задания. После растяжки оглядел напоследок зал и направился в раздевалку. На выходе услышал за спиной:

— Слышь, ты, покачался?

Я обернулся. Невысокий лысый накачанный парень, вытирая лоб полотенцем, открыто скалился.

— Покачался, — ответил я.

— Так ты это... Качельки убери за собой, — заржал лысый, которого моментально поддержали хохотом другие «качки».

— А ты что, качаться не будешь, что ли? — спросил я в тон ему, дождавшись затишья.

Хохот затих. Лысый отложил полотенце, встал и подошел ко мне. Нелегко было не отводить взгляд от налитых кровью глаз лысого, но у меня получилось. Я замер, решая, что дальше. Но все решилось проще.

— Иван, — сказал лысый, разряжая обстановку, и протянул мне руку.

— Сергей, — ответил я.

Рукопожатие было коротким, но крепким.

Иван оценивающе обвел меня взглядом и вернулся к тренажерам. Остальные, утратив интерес, продолжили тренировку.

Я вернулся в зал, чтобы вернуть инвентарь на место.

— Слышь, боец! — услышал я голос Ивана. — Через гриф не перешагивай, плохая примета.

После душа я зашел к дяде Мише попрощаться. Он что-то писал в тонкую, засаленную тетрадку, но, увидев меня, закрыл ее и сказал:

— Чем-то ты мне напоминаешь Лешку, пришедшего к нам в первый раз. Постарайся, в отличие от него, не пропускать тренировок. А потом втянешься.

Напоследок он порекомендовал высыпаться (мышцы восстанавливаются во время сна), сбалансированно питаться и налегать на еду, богатую белками.

В анекдоте врачи диагностировали старушке после падения с лестницы «ушиб всей бабки». На следующее после тренировки утро я мог смело ставить себе такой же диагноз. Ныло все тело с головы до ног, даже там, где, по моим предположениям, и вовсе никаких мышц быть не могло.

Чувствуя себя разбитым, я попытался встать и чуть не рухнул на пол.

Умывшись, я осторожно, стараясь не беспокоить нывшие мышцы, сделал зарядку и пошел на пробежку. Ноги отваливались, каждое приземление ступни сопровождалось вспышкой боли, но вместе с обычной для пробежки бодростью пришло и ощущение удовольствия. Странно, но я испытывал удовлетворение от мышечной боли, которая напоминала мне о большом шаге вперед в преодолении себя и хорошо проделанной у дяди Миши работе.

На совещании в тот день Кацюба предложил всем присутствующим участвовать в тренинге по лидерству за счет компании.

— Что думаете, ребята? — спросил он.

Первой высказалась Лида.

— Конечно, надо, Станислав Евгеньевич. А то у нас некоторые хоть и занимают ответственные должности, по факту даже своей девушкой управлять нормально не могут.

— Думаю, никто не откажется, Евгеньич, — поддержал Лиду Степаныч.

— Да кому они нужны, эти тренинги, — буркнул Панченко.

— Что-то не так, Костя? — удивился Кацюба.

Костя закончил со стажерством и занял место одного из ушедших аккаунт-менеджеров^[19]. То есть формально он теперь был на одном уровне со мной и Лидой. Но в глазах многих, в том числе Кацюбы, он оставался зеленым новичком.

— Да так, ничего, — замкнулся Костя.

— Твое мнение, Сережа?

— Станислав Евгеньевич, — начал я. — Вы знаете, мне на корпоративную почту каждый день приходят предложения о разных тренингах лидерства, реклама новых книг о лидерстве, онлайн-семинары на ту же тему... Такое ощущение, что все хотят быть

лидерами, хотя в среднем в обществе на одного лидера приходится девять ведомых. Так почему же нет тренингов для исполнителей? Тренингов о том, как важно в отсутствие лидерских способностей иметь такой важный навык, как нацеленность на результат, а не на прикрытие пятой точки и поиск виноватых! Умение нести ответственность за то, что ты делаешь; умение занять партнерскую позицию по отношению к руководству, а не обвинительно-потребительскую, как это принято в нашей стране. Умение испытывать стыд за плохо проделанную работу и искреннее желание делать все хорошо, за что бы ни взялся!

Я налил воды и отпил. Все, включая Кацюбу, Степаныча, Лиду, Костю, Левона и Миху, внимательно меня слушали, а кое-кто даже одобрительно кивал. Воодушевленный, я продолжил:

— Было бы здорово, если бы такой тренинг учил страховать коллег, а не умышленно занимать нейтральную, а то и враждебную позицию. Учил работать не на время, а на совесть, решать задачу в реальные сроки, а не подгоняя к дедлайну! Не помешал бы профессионализм, а не вечное стажерство под прикрытием... — все посмотрели на Костю, а тот сделал вид, что речь не о нем. — Лояльность к компании, в которой работаешь, а не заваливание ее имени тоннами фекалий в кулуарах и соцсетях...

Миха с Левоном переглянулись, поняв, кого я имею в виду.

— ...ведь ты сам выбрал эту работу и эту компанию. Я уверен, что любой такой сотрудник, не обладая лидерскими способностями, станет самым ценным и востребованным в любой сфере, стране и любом времени. Может, сами запустим такой тренинг, Станислав Евгеньевич? Думаю, коллегам он будет полезен больше, чем любой тренинг лидерства.

Зал совещаний погрузился в гробовую тишину. Гараян зарылся в ежедневник, Лида задумчиво рисовала, Миха строчил в смартфоне. Степаныч покраснел и молчал, не зная, как реагировать. Я сделал глубокий вдох, восстанавливая дыхание.

Кацюба пожевал губами, сделал себе какие-то пометки и резюмировал:

— Ну, если возражений больше нет, тренинг проведем на следующей неделе.

ГЛАВА 19

No pain, no gain

В день второй тренировки мышцы болели еще сильнее. Я решил, что не успел восстановиться, и всерьез подумывал ее пропустить, но Леха отговорил.

— Не вздумай, — сказал он, когда я ему позвонил. — Через три-четыре тренировки мышцы приспособятся к нагрузкам. На твоём месте я бы лучше позаботился о спортивном питании — быстрее получишь результаты и скорее будешь восстанавливаться. Короче, записывай: комплексный протеин, а лучше гейнер, ВСАА, хороший предтренировочный комплекс и креатин. Хотя он обычно в составе предтренировочника уже есть. Еще возьми глютамин и какой-нибудь бустер тестостерона^[20], лишним не будет. Обязательно — омега-3 и мультивитамины, только не в аптеке, а специальные, для спортсменов. У тебя организм сейчас в состоянии постоянного стресса, ему надо помогать. Записал? Погугли, что все это такое, поймешь зачем.

Я записал, но у меня появился вопрос:

— Лех, слушай, я хотел сам накачаться, без стероидов и химии всякой.

— Не тупи, Серега. Стероидные гормоны я никому не рекомендую, тем более тебе — ты ведь красоваться на «Мистер Олимпия» не собираешься? Все, что я тебе советую, — закрыть пробелы в твоём рационе. Ты ведешь активный образ жизни, занялся набором мышц, а с твоим обычным питанием ты многого недодаешь организму.

— Я хорошо питаюсь.

— Хорошо, но недостаточно. С твоим весом для роста мышц тебе надо потреблять грамм сто пятьдесят — двести белка. Знаешь, сколько мяса нужно съесть, чтобы хватило на рост? Килограмм-два в день осилишь? Или три десятка яиц?

— Seriously?

— Сто пудов. Да даже если ты будешь столько мяса в день съедать, ты его просто не усвоишь нормально, еще и печень перегрузишь. Так что марш за спортпитом!

Леха отключился, а я пошел гуглить. Остаток обеда провел, читая статьи о спортивном питании и все больше проникаясь желанием закупить всего, что так важно и полезно для начинающих бодибилдеров. Но ограничился тем списком, что дал Леха. Сформировав заказ в онлайн-магазине и указав адресом доставки офис, я помчался в стейк-хаус на встречу с потенциальным заказчиком.

К вечеру мне привезли заказ и бонусом — шейкер для приготовления протеиновых коктейлей.

Расписываясь, я ощущал на себе взгляды ребят — такого в нашем офисе еще не видели. Стараясь не смущаться, вскрыл банку с предтренировочным комплексом, развел порцию водой, взболтал — у меня получился напиток синего цвета.

— Что это такое? — решился спросить Миха.

— Фенилацетон, — пошутил я.

— Зачем?

— Буду варить синий мет^[21], — ответил я и выпил.

Поняв, что я его разыгрываю, Миха обиделся и отошел.

На тренировку я поехал воодушевленным.

Подъезжая к залу, почувствовал действие предтренировочного комплекса — легкое покалывание в кончиках пальцев, бодрость, прилив энергии. Накопившаяся за рабочий день усталость исчезла. В раздевалке было людно — молодые, разгоряченные парни переодевались, перешучивались. При моем появлении все стихли, заинтересованно наблюдая. Я нашел свободный шкафчик и начал было переодеваться, но почувствовал, что делаю что-то не так. Я обернулся к ребятам и громко сказал:

— Забыл поздороваться. Всем привет!

— О, Сергей! — это вышедший из душевой кабинки лысый Иван узнал меня. — Пацаны, это новенький у дяди Миши.

Все понимающе заулыбались. Я подошел к каждому, пожал протянутые руки, постаравшись запомнить имена — Ринат, Андрей, тезка Сергей, Резо... Черт, всех не запомнил. Ничего страшного, надо будет — уточню у Ивана.

Я открыл сумку, чтобы вытащить форму. Иван, рядом вытиравшийся полотенцем, заинтересованно поглядел на высунувшийся из сумки спортпит.

— Неплохо упаковался, — заметил он. — Посмотрю?

— Смотри, — пожал я плечами.

— Так, что тут у нас... — Иван вытаскивал банки поочередно. — Гейнер, нормально. Бэцаашки, аминки, бустер, креатинчик, витамины. Понятно. Пользоваться умеешь?

— Да что уметь, разводи да пей, — попробовал я пошутить.

— Э, нет, брат, здесь система нужна, — протянул Иван. — Смотри. Сейчас до тренировки тебе надо выпить предтрен...

— Уже, — сказал я, — перед выездом принял.

— Тогда прими еще бэцэашек, чтобы во время тренировки мышцы не жечь. Бывает, они уже идут в составе предтрена, но в твоём нет. Идем дальше. После тренировки у тебя открывается белково-углеводное окно. Надо будет сразу выпить порцию гейнера.

— Что за окно? — заинтересовался я.

— Белково-углеводное, — вмешался Резо. — Наступает после силовой тренировки, когда организм очень нуждается в белке и углеводах. Примешь их в это время — получишь максимальный рост мускулатуры.

— Резо, ты все это зубришь, что ли? Как по книжке отчеканил, — улыбнулся Иван. — Окошко длится около часа, поэтому гейнер всегда бери с собой на тренировку. По-хорошему, ты можешь выпить порцию еще и за час до тренировки.

— Да вы тут все академики, я смотрю.

— Хочешь красивую фигуру, — подключился Ринат, — будешь все это знать и изучать. Мы не тупые качки. Бодибилдинг — серьезная наука. Самый простой путь ничего не добиться в построении мышц — бездумно выполнять все, что тебе дает недоучка-тренер или программа тренировок из журнала.

В раздевалку заглянул дядя Миша.

— О, боец! — обрадовался он, увидев меня. — Пришел, молодец! Поехали, нечего прохлаждаться.

Я собрал банки спортпита в сумку, закрыл шкафчик и пошел на экзекуцию.

Вторая тренировка отличалась от первой только большей интенсивностью. Дядя Миша повысил вес на пару килограммов в каждом подходе. Я сначала испугался, но особой разницы не заметил.

Мне удалось усвоить технику, и ему оставалось подгонять меня на последних повторах. Мне казалось, что этот точно последний и я больше не смогу, даже под дулом пистолета, но включались какие-то внутренние резервы, и я делал еще.

— И еще, боец! — подгонял инквизитор. — И еще разочек, последний, молодца! И вот теперь точно последний. Стоп. Отдыхай минуту, красава.

Я изучил все, что нашел о спортивном питании, режиме тренировок, программах, и убедился, что дядя Миша и ребята из тренажерного зала правы. Мое утро начиналось с бустера тестостерона и порции гейнера — смеси протеина и углеводов. В обед я кроме обычной еды принимал добавки в виде того же глютамина, витаминов и омега-3.

Я старался рано ложиться, чтобы выспаться, но не всегда получалось — мы подолгу общались с Ксюшей по телефону. У нее приближалась зимняя сессия, у меня был напряженный график, встречаться удавалось только по выходным.

Удивительно, но я ее так ни разу и не поцеловал. Тургеневская девушка какая-то. Она никогда не приглашала меня домой, а на мои приглашения неизменно отвечала отказом. Мне кажется, после Захара у ее родителей заведомо предвзятое мнение обо всех Ксюшиных кавалерах. Иначе почему бы ей меня с ними не познакомить?

Но я и сам не форсировал события, увлеченный собственной прокачкой. Я воспринимал все как квесты, выполнение которых давало необходимую толику опыта в развитии персонажа. Мотивация подкреплялась азартом завязтого геймера и любителя фэнтези, и если манчкином^[22] в реальной жизни мне не стать, то быть одним из тех гордых высокоуровневых персонажей, которые передвигаются на дорогих маунтах^[23] типа Maubach, шансы есть. Материальная составляющая никогда не была для меня основной в жизни, но раз она так важна для окружающих, чуть ли не единственное мерило успеха,

то пора мне нагонять. Мне скоро тридцать, а я отстал, причем прилично.

Иногда я просыпался ночью от голода — тело требовало усиленного питания, чтобы восстанавливаться и расти. Во всех рекомендациях говорилось, что сами по себе тренировки — просто стимул мышцам, чтобы они развивались. Львиная доля успеха заключалась в правильном питании и полноценном сне.

На следующей, последней на этой неделе тренировке я занимался под руководством Ивана, подменявшего дядю Мишу, который был в отъезде.

Иван все объяснял. Какие группы мышц работают, почему надо делать именно столько повторений и подходов, или сетов, как он их называл. Я узнал, что сводящие судорогой по ночам мышцы ног — квадрицепсы. Именно они больше всего нагружаются при приседаниях. Понял, почему я всегда был сутулым и так мало добился в подтягиваниях: в обоих случаях важно иметь сильные мышцы спины. Чтобы избежать ночного голода, Иван посоветовал выпивать перед сном порцию коктейля из медленного протеина — казеина. Медленный он, потому что долго переваривается и хватает его на всю ночь. Для лучшего восстановления ночью — мелатонин, гормон сна.

Как и Леха, Иван пояснил: все, что он советует, — естественные для организма элементы. Это я уже и сам понимал, в отличие от моих офисных коллег, искренне решивших, что я подсел на стероиды. Как всегда, корпоративной рассылкой отличился Саня Бородаенко, придумавший забавный демотиватор со мной в главной роли.

Ко мне даже подходил озадаченный Миха и сказал, что я могу стать недееспособным в постели. Я вспомнил рассказ Риты о неудавшейся ночи любви с Саней и ответил, что некоторые и без стероидов уже страдают импотенцией. Разговор происходил у всех на виду. Саня фыркнул, а Миха вообще принял на свой счет, расстроился, заел обиду шоколадным батончиком, после чего ушел курить и выкурил, наверное, с полпачки, прежде чем вернуться на рабочее место.

С Иваном стали друзьями — старались тренироваться в одни и те же дни, приходиться в одно время, работать вместе. Он, как и я, был приезжим — из какой-то деревни под Саратовом. Учился в институте, к сожалению, не доучился, открыл свое дело, да так и остался в

Питере. Возрастом чуть старше меня, года на три-четыре. Показал себя человеком открытым, прямолинейным и ненавязчивым в общении — мне захотелось познакомиться с ним поближе.

После одной из тренировок я предложил ему где-нибудь посидеть, и он согласился. Мы зашли в кофейню недалеко от зала, заказали свежавыжатый сок.

— Знаешь, Серега, — сказал он. — Я ведь тоже был хилым, как и ты. Ох и настрадался в деревне. Парни все здоровые, в чести сила, а я с книжками в основном сидел. Зато отличником школу окончил, в Питер поступил. Тут таких, как я, отличников оказалось полпотока. Местные ребята — все хорошо одетые, культурные, девчонки красивые да ухоженные — не с моим рылом. Что в деревне был изгоем, что в институте на первом курсе. Потом встретился мне один человек хороший, Анатолий Федорович. Читал нам лекции по управлению бизнесом, на втором курсе это было. Чем-то я его зацепил, стал он выделять меня из общей массы. Он-то мне и посоветовал съездить к дяде Мише. Ну, поехал. Денег при мне было — кот заплакал, о чем я сразу и сказал. А тот возьми и предложи мне подработку — в зале прибираться, инвентарь расставлять, полы мыть. Взамен — тренируйся, сколько хочешь. Конечно, согласился. Человек тот, кстати, тоже у дяди Миши тренировался. Так во время тренировок он мне тоже много чего рассказывал.

Иван глотнул сока.

— А что рассказывал? — поинтересовался я.

— Рассказывал о том в основном, как жизнь устроена и как человеку в ней место найти. Философствовал много, классиков постоянно цитировал. Хороший толчок мне дал Анатолий Федорович, так что к последнему курсу я уже на всю катушку занимался своим бизнесом — начинали с разработки сайтов, потом перешли на мобильные приложения, игры. В общем, не до учебы стало. А там влюбился, женился, развелся — так и не получил диплом.

Пришел мой черед рассказывать о себе. Иван, не перебивая, слушал. Мой рассказ затянулся, мы успели проголодаться. Иван предложил заказать еще и пива — «за знакомство». Я пожал плечами — почему нет?

Иван был ходячей энциклопедией бодибилдинга, предмет любил и много изучал. Обсудили особенности тренировок у новичков, у которых результаты в первый год растут как на дрожжах, поскольку мышцы «постоянно удивленные» непривычными нагрузками, поэтому развиваются быстро. Я вспомнил несколько знакомых, которые начинали тренироваться, но через месяц-два бросали, и спросил:

— Скажи мне, Вань, ты ведь уже не первый год занимаешься. Как находишь силы сохранять мотивацию? Ну, поначалу понятно: хотелось стать сильным, хотелось уважения и женского внимания. А потом? Когда ты уже накачался, по сути, добился своего, ты же не бросил? Почему?

— Честно, не раз хотелось пропустить тренировку, или сойти с дистанции, или не дожать вес, или не добить нужное количество подходов. Знаешь, Серег, это ведь главный секрет всех фитнес-маньяков, — улыбнулся Иван. — Сначала я мотивировал себя тем, что представлял себя сильным, мускулистым, в окружении красоток. И это перевешивало и лень, и неохоту, и боль в теле. Прошло время, и я понял, что не могу без тренировок. Удовольствие, которое они дают, сравнимо с сигаретами, алкоголем или сексом. Тренировки становятся приятными настолько, что уже не нужна мотивация. Так и курильщику не нужны стимулы, чтобы курить: просто это уже необходимость, привычка. И как курильщика не беспокоят потенциальные болезни, плохой запах, неумение насладиться хорошей компанией в помещении, где нельзя дымить... так и мне не важно, какую пользу приносит спорт, как хорошо я буду себя чувствовать... Мне просто хочется тягать железо и бить свои же рекорды.

В тот вечер мы не ограничились парой кружек и еще долго общались. Я чувствовал, что, возможно, нашел друга.

ГЛАВА 20

В ответе за...

Я наконец-то получил права, окончив автошколу. Удалось мне это не с первого раза. Еще одна цель достигнута, навык получен и закреплен. Level up.

На радостях я позвонил Ксюше и пригласил ее отметить событие. Конечно, она была удивлена, что я только-только научился водить, а своей машины у меня до сих пор нет. Ей казалось: раз уж я был успешен и имел хорошую работу, то эти атрибуты успеха давно должны у меня быть.

— А машину-то когда купишь, Сереж? — рассмеялась в трубку Ксюша.

— Да вот теперь и куплю, — ответил я, надеясь на хороший годовой бонус и автокредит.

— А мне дашь порулить?

— Конечно, родная! — заверил я Ксюшу.

Прекрасный ужин, романтическая обстановка в ресторане, бутылка шампанского, распитая нами, — ничто не предвещало ссоры. Но она случилась.

Мы выходили из ресторана, когда к нам подошел беспризорный мальчик, одетый с чужого плеча, и попросил «на хлеб». Мимо равнодушно проходили прохожие. Я полез в бумажник, но Ксюша меня остановила:

— Сереж, ничего не давай. Все равно либо пропьет-пронюхает, либо старшие отберут и тоже пропьют, либо родители отберут. И пропьют.

— А что же делать? — удивился я. — Надо же как-то помочь.

— Как ты помогать собрался? В полицию сдать? Поди слови его сначала: побреют, накормят, а потом опять сбежит. Не вариант. Родителей лишит прав, сдать в детский дом? Милосердно, по-твоему? Было бы устроено все по-людски, без нянечек-ворюг и воспитателей-садистов...

Все это Ксюша произнесла спокойно, без эмоций. Холодный анализ.

— Знаешь, Ксюш, мне кажется, ты не совсем права. По твоей логике выходит, что ему никак не поможешь.

— А и не надо ему помогать. Такие, как ты — переживающие за пострадавших от наводнения в Японии, невинных жертв сомалийских пиратов, публикующие в своих уютных жежешечках объявления о нуждающихся в приюте, деньгах на операцию или крови, — готовы помогать кому угодно, только не тем, кому нужно в первую очередь!

— А кому нужно помогать в первую очередь? — спросил я, удивленный ее вспышкой.

— Ты, Сереж, прежде всего в ответе за близких! За них и переживай. Решай их проблемы! Делай их счастливыми! В первую очередь. Проблемы общества, если хватит сил, будешь решать во вторую.

Я сунул в кулак ошарашенному беспризорнику сторублевку, а сам, начиная прозревать, спросил у Ксюши:

— Ксюш, тебе деньги нужны, что ли? Надо помочь?

— Не нужны мне твои деньги! Иди ты! — крикнула она, и, оттолкнув, побежала через дорогу, не обращая внимания на сигналящие автомобили.

Да е-мое! Я ведь ничего плохого не сделал, не сказал? Что за истерика?

Догонять не стал. Оправдывая и утешая себя, что все наладится, Ксюша образумится и все будет хорошо, поехал домой.

Ночь была бессонной и беспокойной. Под утро я решил позвонить Ксюше, но она была недоступна.

Прошло несколько дней, таких же, как после моей неудачной шутки про счет. Я писал и звонил Ксюше, она не отвечала. Я испытывал стыд, чувство вины, находил себе оправдания, но в итоге приходил к выводу, что ничего такого, что могло повлечь полное игнорирование, не совершил.

С каждым днем без Ксении я все больше боялся, что никогда ее не увижу. К чувству страха примешивалась жалость — может, ее семья нуждалась и потому она остро реагировала на все, что было связано с

деньгами. Я даже пытался подстеречь ее возле дома, но безрезультатно. Меня терзала ревность. Я подумывал, что был таким запасным аэродромом, а теперь, когда у Ксюши все наладилось с тем же Захаром, я ей больше не нужен.

На шестой день она ответила на мой звонок как ни в чем не бывало:

— Привет, Сереж.

— Я переживал. Почему ты не отвечала?

— Не бери в голову, решала кое-какие вопросы, сейчас все в порядке. Увидимся вечером?

На вечер у меня уже были планы — я договорился встретиться с Лехой и Ваней, решил их познакомить.

— У меня вечером посиделки с друзьями в баре...

— Без проблем. Тогда в другой раз?

— Ксюш, я могу все отменить, давай увидимся?

— Что ты, не стоит. Друзья есть друзья. Но... Если хочешь, я могу составить вам компанию.

Я облегченно вздохнул. Меня даже воодушевила перспектива познакомить самых близких мне людей.

— Супер! Конечно, хочу! Я за тобой заеду!

— Хорошо, Сереж, буду ждать. Целую.

— Целую, — ответил я, чувствуя, как губы растягиваются в улыбке.

Я позвонил Лехе.

— Лех, привет! Я не один приду, с девушкой, хорошо? — спросил я.

— Ничего себе! Смотрины, что ли? — засмеялся он. — Приводи, оценим. До связи!

— До связи! — сказал я и отключился.

В бар мы с Ксюшей приехали первыми. Я забрал ее из института и в дороге рассказывал о Лехе. Но чувствовалось, что ей он не интересен.

Мы заняли столик в дальнем углу, я заказал пиво для себя, травяной чай для Ксюши и легкие закуски. Минут через пять подъехал Иван. Я познакомил его с Ксюшей. Следом явился Леха, как обычно привлекая внимание и скалясь. Подошел к нам и плюхнулся в кресло.

— Иван! — сказал Иван.

— Леха! — ответил Леха и пожал протянутую руку.

— Здорово, Серега! — гаркнул Леха. — Здравствуйте, милая девушка...

— Ксюша, знакомься, это мой друг Алексей, — спохватился я.

Они пожали друг другу руки. Ксюша очаровательно улыбнулась Ивану и Лехе.

Леха шумно пригласил официантку, заказал, к моему удивлению, темного пива. Иван попросил то же и меню. Пока они друг друга разглядывали, а Ксюша ненадолго отлучалась, Леха подмигнул мне и показал большой палец. Понравилась, значит. Да и бог с ним. Гораздо важнее, что Ксюша нравилась мне. Лехино мнение мне хоть и дорого, но никак не в этом вопросе.

Дожидаясь заказа, обсудили зверства дяди Миши и его тренировочные методы. Наконец всем всё принесли.

Иван поднял бокал и произнес тост:

— Ребята, мы едва знакомы, но, поверьте, у меня нюх на хороших людей. Сергей, ты не просто хороший человек, ты очень добрый человек, а в наше время такие — на вес золота! Давайте выпьем за Сергея и за его чудесную девушку Ксению!

Ксюша потупила взгляд, а у меня на душе стало настолько приятно, что счастливее в этом баре никого не было: лучшие друзья, любимая девушка, отличный стол и теплая атмосфера. Мы чокнулись и выпили. Леха выдул полбокала.

— Слушай, Серега, — обратился ко мне Леха. — Давно хотел спросить, да забывал постоянно. Наверное, и Ксюше с Иваном будет интересно. Откуда у тебя фамилия такая?

— А очень просто. Предки Резвыми были, ровно до тех пор, пока мой дед не получил паспорт. Открывает он его, а там — Резвей. Что интересно, его брат так и остался Резвым.

— Выпьем за наших предков! — предложил Леха.

И мы выпили. Следом заказали еще по бокалу, потом по третьему, а Ксения, ратовавшая за трезвый образ жизни, поддавалась Лехиным уговорам и взяла бокал красного вина. Под душевные разговоры время летело незаметно. Иван рассказал о родной деревне, где все друг друга знали и отношения были почти родственными, в отличие от Питера, где человек человеку волк. Леха резонно заметил, что тот еще в Москве не жил — вот где парк юрского периода.

— А знаете, мир ведь вообще изменился, — заметил я. — Первые уроки жизни, которые современные малыши получают от родителей:

«Не разговаривай с чужими дядями», «Никому не верь», «Пересчитывай сдачу», «Не приводи домой новых друзей», «Не открывай дверь никому»...

— Есть такое, — согласился Иван.

— Когда я был маленький, — вспомнил я, — уходя гулять, оставил родителям записку в двери: «Папа, мама, я ушел гулять. Ключ под ковриком». Эта история звучала на всех семейных застольях и всегда заканчивалась бурным весельем взрослых — квартиру не обокрали, как ни крути. И только дед мною гордился: его первый внук доверяет миру и не ждет от него зла.

— Мир изменился, — сказал Леха. — Людей на планете все больше, конкуренция все выше. Но и мы изменились!..

Ближе к полуночи Ксюша сказала, что ей пора. Леха предложил поехать всем вместе на его машине. Мы немного поспорили (Леха-то выпил), но он убедил нас не переживать.

Леха завернул на какую-то пустынную улицу и остановился.

— Ребята! Есть идея устроить нашему новоиспеченному водиле еще один экзамен! Спонсором будет моя скромная персона, которая предоставит для испытаний свои колеса.

— Леха, ты в своем уме? — удивился я. — Я с тобой за разбитую машину не расплачусь!

— Ты опять за свое? — грозно поинтересовался Леха.

Я умолк. Действительно, что это я? Мне выдали права, официально, без взяток. Значит, ездить я умею.

— Поехали! — с энтузиазмом сказал я.

Леха показал, как управлять автоматической коробкой передач, посадил меня за руль, сам сел рядом. Сзади — Ксения с Иваном. И мы поехали.

Завел машину, тронулся и, постепенно набирая скорость, помчался по улице. Никогда не думал, каково это — мчаться по ночному городу, слушая подначки друзей и тревожные просьбы любимой девушки ехать помедленнее.

За окном проносились светящиеся вывески, а я думал, что друзья без тени сомнения вверили мне, недавно получившему первые в своей жизни водительские права, свои жизни, а Леха — еще и свой не самый

дешевый джип. И никто даже не пристегнулся! Глупо, конечно, но я был на вершине счастья...

— Тормози! — заорал Леха.

Я увидел собаку, которая замерла прямо на нашем пути. Вдавил тормоз в пол, но это оказался газ! Ксюша завизжала.

— Тормози, дурак! — заорал Леха уже на пару с Иваном.

Я вывернул руль и затормозил. В последний момент пес отпрыгнул в сторону и убежал. На гололеде машину несколько раз развернуло и боком слегка приложило к столбу. Я выдохнул, отнял руки от руля и огляделся: все были целы.

— Увижу хоть раз, Серег, что ты нетрезвым за руль садишься, — убью! — пригрозил Леха и поменялся со мной местами.

На легкую вмятину он даже не обратил внимания. Всю дорогу до Ксюшиного дома мы обменивались впечатлениями. Чтобы не будить ее домашних, остановились чуть поодаль, и я пошел проводить ее. Ребята остались в машине.

Мы подходили к дому, когда от стены отделились три тени и резко направились к нам. Я только успел отпихнуть Ксюшу за спину, как на меня посыпались удары — мелкие, злые, чувствительные. «Не вставать, лежать», — мелькнули в голове Лехины слова. Он говорил, что в таких ситуациях при превосходящих силах противника надо прикрыть все жизненно важные органы и ни в коем случае не пытаться встать.

Ксюша закричала, а я чувствовал, как меня били по голове, ногам, рукам, спине: везде, куда можно достать. Удары прекратились так же неожиданно, как и начались. Я пришел в себя, огляделся и увидел валяющихся и корчащихся Захара с приятелями. Леха успокаивал Ксюшу, а Иван протягивал мне руку. Я встал.

— Повезло тебе, что не один, — сухо заметил Леха. — За что они тебя так?

— Это ее бывший, — кивнул я в сторону Ксюши. — Все не успокоится.

— Кто именно?

— Вон тот, — показал я на Захара.

Леха подошел к нему, перевернул носком ботинка на спину, схватил за куртку и резко поднял. Захар выплюнул окровавленный зуб. Его

товарищи расползались в темноту.

— Как тебя зовут? — спросил Леха.

— Захар, — ответил тот, шатаясь.

— Значит, так, Захар. Если не хочешь проблем, забудь сюда дорогу, забудь эту девушку и забудь этот разговор. Уяснил?

Захар кивнул.

— Свободен, — сказал Леха.

Захар под нашими взглядами исчез в темноте. А мы проводили Ксюшу до квартиры, попрощались и поехали по домам. Леха предложил отвезти меня в больницу, но я чувствовал себя сносно: видимо, удары смягчил пуховик.

Мы завезли Ивана, а по дороге ко мне Леха вдруг спросил:

— Любишь ее?

— Люблю. Тянет меня к ней очень сильно, Лех.

Он задумался, а потом сказал:

— Знаешь, Серега, я в женщинах знаю толк. Не ты ей нужен.

— С чего ты решил? — взбесился я.

— Так не объяснить. Интуитивно. По тем взглядам, которые она на меня кидала, по тому, как оценивающе на часы мои смотрела, на машину... Захар этот непонятный еще. Раз ходит — значит, не до конца отшит.

Я облегченно вздохнул.

— Да не, Лех, ерунду ты говоришь. Она на меня весь вечер смотрела. Захар этот — маньяк просто какой-то, слов не понимает. А машина хорошая у тебя. Почему бы не полюбоваться?

— Тогда учись драться, Ромео.

Он дал мне контакты тренера и напутствовал, что пора мне и бойцовские навыки развивать, пока хулиганы мозги не выбили.

Всю дорогу домой я пытался понять: как так? Двадцать семь лет обходился без драк, а тут за последнее время уже пять! Чуть не состоявшаяся драка с Кепочкой, фиктивная с Ломом и Лобзиком, прерванная соседями с Захаром, на работе с Панченко и вот сегодня, снова с Захаром.

Возможно, когда-нибудь я решу, что лучше избежать драки, чем победить в ней. Но пока мне это не удавалось.

Близился Новый год. Раз в неделю я стал посещать тренировки по рукопашному бою, решив, что лучше такая регулярность, чем никакой.

Я спрашивал Леху: почему именно рукопашный бой, а не бокс, карате или айкидо? Он ответил, что в моем случае важна именно эффективность. Эффективность рукопашки была в том, что она преследовала единственную цель: быстрое уничтожение противника, — и впитала в себя все лучшее и самое целесообразное, что могли предложить разные виды боевых искусств и систем самозащиты.

Мой тренер — коренастый кореец Виталий Цхай — начал с того, что ставил мне удар. «Всем телом двигайся, Сергей, всем», — говорил он. Разминка в бешеном темпе, отжимания на кулаках, доведение до автоматизма «двоечек» и «троечек»^[24]...

На тренировках я выплескивал колоссальный объем нерастроченной в офисе энергии.

Левой, правой — бэм, бэм! Левой, левой, правой! Апперкот! Левым коленом, уход, правой! Я попеременно представлял Костю Панченко с Захаром и озверело молотил грушу, а Цхай только одобрительно кивал. Хотя, может, это была оптическая иллюзия — тренировки оказались настолько интенсивными, что я выплевывал легкие, мой пульс зашкаливал, и померещиться могло что угодно. Мысленно я не переставал благодарить Леху за совет бросить курить и себя за то, что не тратил время зря и набрал форму — благодаря утренним пробежкам и тренажерному залу.

Поняв, что качаться и ходить на рукопашку буду не один месяц, я уплотнил график и записался на курсы английского по выходным.

Сюрпризом стало желание Ивана записаться вместе со мной. На курсах он с сильным акцентом произносил английские слова, заставляя морщиться преподавателя и давиться от смеха всю аудиторию. «Ай хэв сри бразерс энд уан систер, — невозмутимо сообщал он. — Энд вы хэв биг хауз ин Васильевка».

Времени ни на что больше не хватало, на работе хлопот по горло, но Степаныч подкинул еще.

Подкидыша звали Юрка Бажов, и он стал моим новым стажером. Об этом я узнал сразу после лидерских тренингов, организованных Кацюбой.

Двадцатидвухлетний юнец только окончил университет, по образованию был программистом, но как-то прошел собеседование на должность проектного менеджера — без опыта, без навыков. На жалость надавил, что ли?

Одевался Юра, подозреваю, на работу в то же, в чем разгуливал по общежитию, где ему разрешили остаться: застиранные джинсы, футболка с растянутым воротом и выцветшим рисунком. Засаленные патлы до плеч, прыщавое лицо, тяжелые всепогодные ботинки, безразмерный пуховик до колен, пижонский белый шелковый шарф и кроличья шапка довершали картину.

Как это чудо к нам попало, так и оставалось бы загадкой. Саня Бородаенко так и лепил бы свои демотиваторы, посвященные стажеру, в духе скандалов, интриг и расследований, но правда оказалась банальной. Декан Юры, товарищ Кацюбы, попросил приютить перспективного выпускника. Подозреваю, Станислав Евгеньевич, сам ни разу не видевший Юру, просто позвонил в отдел кадров и поручил трудоустроить парня.

На второй день стажер попросил у меня займы, на транспортные расходы, до зарплаты. Просил немного, я дал больше, но заподозрил неладное. Вытащил парня на обед, сразу сказав, что угощаю. Юра отказываться не стал.

Впечатление он произвел тягостное. Во время обеда по большей части отмалчивался, а если отвечал, то бубнил себе под нос многосложно и непонятно. Даже спасибо за угощение не сказал.

После обеда я нашел его профиль в социальной сети: Юрий Бажов, 22 года, никнейм — Нагибатор. Ух ты, геймер? Так и есть. В интересах World of Warcraft, ссылка на профиль персонажа — персонаж-то так себе. Даже в тысячу лучших по стране не входит. Понятно: не целеустремлен, навыки коммуникации ни к черту, а онлайн-игры — хоть и игры, только взаимодействовать там все равно с людьми надо, чтобы чего-то добиться.

Что ж, по крайней мере я теперь знаю подход.

— Юрка, пойдем прогуляемся, воздухом подышим.

Нет ответа.

— Юра! Але!

Нет ответа.

— Бажов, елки! Левон, пни парня, пожалуйста. Спасибо!

Левон вытащил последние чипсы из пачки, закинул в пасть, смял упаковку и кинул в Бажова. Ошалевший Юра снял наушники и попытался сфокусироваться на реальности. Чем он там был занят?

— Юрка, пойдем прогуляемся, воздухом подышим, — повторил я.

— А? Зачем?

— Выполнять! — разозлился я. — Пулей оделся и на выход!

Очень медленной пулей из пистолета Тринити^[25] Юра оделся, и мы вышли на улицу. Он молчал и вел себя как приговоренный к смерти — все тлен, все неважно, сказали идти — идет. Он вытащил пачку дешевых сигарет и закурил.

— Как рейды? — поинтересовался я.

— Какие рейды? — удивился Юра.

— В вовке. Пандарийские^[26].

В его глазах затеплился слабый огонек. Он жадно затянулся сигаретой, выдохнул и сплюнул под ноги.

— Рейды как рейды, — пожал он плечами, — траим хардмоды^[27] потихоньку.

— Ясно. Думаю, не один месяц уже траите. Тогда лучше расскажи о себе.

— Что рассказать?

— Как что? Чем живешь, чем дышишь. Кто ты вообще такой?

— А зачем вам?

— На ближайшие пару месяцев ты мой стажер. И либо я сделаю из тебя отличного сотрудника, либо ты вылетаешь. Ты хочешь вылететь?

— Нет! — испугался Юра. — Мне нельзя!

— Тогда рассказывай. Я должен понимать, во что вляпался.

Закурив новую сигарету, Юра рассказал свою нехитрую историю приезжего студента, ботаника-отличника и изгоя. Раскаленными клещами, постоянно направляя его в нужное мне русло, я вытащил из него и подытожил следующее:

— Итак, Юра Бажов, двадцати двух лет, девушки и друзей нет, родители далеко. Уважением сокурсников и соседей по общежитию не пользуешься. Постоянно без денег — жил на повышенную стипендию и то, что родители присылали. Сейчас присылать перестали — самим не хватает. Зовут домой, а ты не хочешь. Нигде никогда не работал. Одеваться не умеешь и не представляешь, как научиться. Из-за прыщей с девушками не встречался, стесняешься. С людьми разговаривать не умеешь, да и не знаешь, о чем с ними поговорить можно. Модератор на игровом форуме. Ничем, кроме компьютерных игр и интернета, не интересуешься. Питаешься кофе, пивом, чипсами и коллой. Любишь «Макдональдс», но из-за нехватки денег ходишь туда нечасто. Предположу, что и на сайты для взрослых частенько заглядываешь, так?

Юра, подумав, кивнул, всхлипнул, а потом признался, что сосед по комнате в общежитии даже как-то застал его за этим занятием и тут же всем растрезвонил. Этот факт не увеличил его привлекательности в глазах знакомых девушек.

И тут он заплакал. Это меня и добило.

— Как говорил старик Шекли, действовать — не твой удел^[28]? Похоже, ты специализируешься на раздумьях, переживаниях и жалости к себе? Короче! Я не я, если не сделаю из тебя нормального мужика!..

ГЛАВА 21

Казаться человеком

Вечер я решил посвятить стажеру. Я написал служебку в бухгалтерию, чтобы ему выдали аванс, позвонил Ивану, предупредил, что на тренировке меня не будет.

— Случилось что? — спросил он. — Сам же знаешь, лучше не пропускать.

— Случилось. Дали мне стажера. Смотрю я на него, Ваня, и плачу. Хочу ему курс молодого бойца дать.

— Дело хорошее, успехов! Только учти, Серега: на следующей тренировке ты у меня умирать будешь!

Юру я повез в сауну. Представляя, каким грузом на нем лежит его девственность и как сильно бьет по его самоуважению, я решил, что первым делом надо снять с него это проклятие. Недавно за меня платил Леха, пришел мой черед.

Париться Юра наотрез отказался — даже раздеваться не стал. Тяжелый случай, совсем зажатый парнишка. Я заказал нам пива, закуски. Что касается девушки, то с ходу я постеснялся, да и опасался, что Юра испугается и, чего доброго, убежит. Пусть расслабится. Выпьет пива, размякнет, может, все-таки попарится. А там, глядишь, все и получится.

Чтобы раскрепостить парня, я вспомнил свой игровой опыт и первый час беседы отвел обсуждению нюансов и тактик. После двух кружек пива Юра раскрылся, а я старался подбодрить его, приводя собственные примеры из жизни.

— Ты пойми, Юр: все в твоих руках. Не сиди на месте, не замыкайся на игре. Представь, что наша жизнь — ролевка. Ты только создал персонажа, и неважно, что у тебя за спиной: персонаж-то новый, первого уровня. Чем раньше ты начнешь прокачку и чем больше времени посвятишь развитию навыков, тем скорее чего-то добьешься. Вот сам посуди, за какой период реальнее раскатать персонажа до девяностого уровня — за месяц или за три?

— За три, конечно. Чтобы за месяц — это надо сутками задрочивать.

— Вот именно! Я поздно проснулся, только недавно собой занялся, а у тебя по сравнению со мной фора в пять лет. Начни с мелочей — зарядку делать, бегать по утрам, книги полезные почитай, одежду смени, на курсы запишись...

— Денег нет на все это, — хмуро сказал Юра, допивая пиво, и вопросительно посмотрел на меня.

— Ну, положим, на зарядку и бег деньги не нужны. А в остальном... Смотри. Завтра идешь в бухгалтерию и получаешь аванс, я уже служебку закинул. Из этих денег откладываешь на расходы первостепенной важности — питание, проезд. На остальное покупаешь себе новую пару джинсов и какую-нибудь рубашку, на работу ходить.

— Зачем? — удивился Юра. — Эти еще ничего вроде.

— Затем, балда, что по одежке встречают. Ты и так себя клоуном на весь офис выставил, а тебе, по идее, еще и с заказчиками общаться. Так что будь добр, возьми за правило — в офис приходить в соответствующей одежде.

Юра промолчал. Принесли еще пива.

Я отвел официантку в сторону и поинтересовался насчет жриц любви.

— Да какие хотите, — не стала скрывать девушка. — Вам сколько и на какое время?

— Нам только одну, но тут такое дело... У парня — первый раз, нужна не сильно старше его, мало ли — вдруг в фетиш превратится, свежая, но с опытом. По времени — давайте по факту.

— Сделаем, — согласилась официантка, мельком глянув на Юру, — только у нас предоплата за первый час.

Я сходил в раздевалку, выдал требуемую наличность и вернулся к Юре, думая, как его обрадовать, чтобы не уронить достоинство парня.

— Я тут поразмыслил, — сказал Юра. — Вы правы. Если я хочу чего-то добиться и остаться жить в этом городе — а я этого хочу, — буду меняться. Я всегда хотел измениться, пробовал и на секции записываться, и дружить с ребятами авторитетными. Рефераты за них писал, курсовые, компьютеры чинил девчонкам, старался быть

полезным, влиться. Да, видно, что-то не так делал. Не принимали меня ни в одну компанию, девчонки стыдились, даже такие же ботанички. Думал, начну работать — новый коллектив, жизнь с чистого листа. Как же! Выхожу вчера курить — стоят, меня обсуждают. Увидели меня — замолчали. Я им — добрый день, а в ответ тишина. Побросали свои окурки и ушли.

— Юрка, да ведь и у меня все то же самое было! — воскликнул я.

Я рассказал ему, каким был сам, как старался со всеми быть в хороших отношениях, как люди пользовались этим и как однажды решил измениться. О роли Лехи в этой истории говорить не стал, незачем. Зато почти слово в слово повторил его лекцию о том, как важно быть по-хорошему эгоистом, обладать здоровой наглостью, а где нужно — и хамить. Даже примеры те же привел.

Девушка пока так и не пришла: видимо, никто не хотел связываться с новичком. Я планировал закругляться, но наконец постучали, дверь приоткрылась:

— Привет, мальчики! К вам можно?

— Кто это? — не понял Юра.

— Это, Юра, твой билет в мир взрослых. В реале...

Посадив счастливого и возмужавшего Юру в такси — мы в ответе за тех, кого приручили, — я вернулся домой.

Сегодня я впервые пропустил тренировку. Меня грызла совесть, но я утешал себя тем, что на следующей выложусь как за две. Несмотря на все мои старания и Лехины уроки, никуда не делось мое желание помогать людям, а в Юрке я увидел себя. Ложась спать, я представлял, как он изменится, как я затащу его в тренажерный зал, запишу на тренировки, свожу к косметологу — и через пару месяцев все увидят нового Юрку Бажова: обаятельного, харизматичного, отлично выглядящего молодого специалиста, с хорошими перспективами в нашей компании.

С этими приятными мыслями я заснул. Посреди ночи меня разбудил звонок Ксюши.

— Сереж... — ее голос был сдавлен, как будто она плакала. — Ты можешь приехать?

— Конечно! Что случилось?

Прижав трубку плечом к уху, я включил свет и стал одеваться.

— Ты приедешь?

— Выезжаю.

Я выбежал во двор, подумал, где проще поймать такси, и помчался на улицу. Стоило поднять руку, как, лихо выкрулив на крайнюю полосу и взвизгнув тормозами, остановилась гордость отечественного автопрома с не менее гордым сыном Средней Азии за рулем.

За свои же деньги отработав GPS-навигатором, я оказался на месте, а командир шайтан-арбы обогатился на пять сотен.

Я подошел к дому и позвонил Ксюше.

— Сейчас спущусь, — услышал я ее шепот.

— Жду, — сказал я.

Я до сих пор не знал, где она живет. Меня это смущало. Спросить напрямую о причинах, по которым Ксюша не приглашала меня домой, я считал нетактичным, но в том, что они есть, не сомневался. Родители старой закалки, небогатая обстановка, злой пес, выжившая из ума бабка... Да мало ли.

Вышла Ксюша, заплаканная, но успокоившаяся.

— Ксюш, что случилось? — я кинулся к ней и попытался обнять, но она отстранилась.

— Не здесь. Отойдем.

Я подумал, что ее родители могут наблюдать за нами в окно, и не стал настаивать. Мы отошли за угол дома.

— У тебя есть сигареты? — спросила она.

— Нет, — удивился я.

— Пойдем в магазин, здесь недалеко.

Погруженные в свои мысли, мы дошли до магазина. Заспанная продавщица выдала нам пачку сигарет, зажигалку, посетовала на то, что нет сдачи.

— Оставьте себе, — сказал я, и мы вышли на улицу.

Ксюша привычным движением открыла пачку, закурила, несколько раз глубоко затянулась. Я терпеливо ждал объяснений.

— Сереж, мы... Я... В общем, не стала бы к тебе обращаться, но я уже использовала все варианты, других нет. Если ты не поможешь, мне больше не к кому обращаться. Только обещай, что не будет никаких вопросов.

— Ксюш... Что угодно, ты только скажи.

Она подняла взгляд. Глаза блестели, по щеке потекла слеза.

— Нет, прости, не могу. Прости, что вытаскала тебя в ночь, прости. Я сама... Все... Все, уезжай, уезжай... — она сбивчиво говорила и невидяще смотрела сквозь меня.

Я обнял ее, почувствовав ее слезы на своей шее.

— Родная, все будет хорошо. Как тебе помочь?

Мы так долго стояли, обнявшись. Она всхлипывала, а я утешал ее, как утешают детей — поглаживая по головке. Я стал целовать ее в мокрые глаза, в щеки, во вздернутый носик, а потом она сама стала ловить губами мои. И так продолжалось долго.

Потом Ксюша чуть отодвинулась и, глядя мне в глаза, сказала:

— Мне нужны деньги. Большие деньги.

Большими деньгами в понимании Ксюши была сумма в три мои зарплаты. Для меня в моем положении — серьезные деньги, но если они могут выручить любимую...

Тем же утром я связался с Лехой.

— Серега! — заорал он в трубку. — Лед тронулся? Виталий говорил, делаешь успехи.

— Виталий? Что еще за Виталий? — не понял я.

— Тренер твой, — засмеялся Леха. — Похоже, груша дает сдачи? Мозги растрясло?

— А, ты про это, — я никак не мог сосредоточиться. — Лех, погоди, дело есть.

— Говори, — посерьезнел он.

— Мне нужны деньги, тысяч триста-четырееста, займы. Верну... — я задумался, когда смогу вернуть деньги, мысленно суммировав зарплату и бонусы. — Через три месяца.

— Да не вопрос. Сам заберешь или подвезти куда? — Леха задумался. — Хотя погоди, Паниковский... Не в моих правилах спрашивать, зачем, но, зная тебя и твой богами данный дар влипнуть в истории, спрошу. Тебе зачем?

— Э... — замялся я.

Говорить ему про Ксюшу или соврать? Врать Лехе не хотелось, да я и не умел.

— Понимаешь, у Ксюши большие проблемы. Только я могу ей помочь. Я должен помочь, понимаешь?

— Она умирает?

— Да вроде не собирается.

— И ты не умираешь?

— Нет, — я уже понял, к чему клонит этот жалкий ничтожный человек.

— Тогда учись-ка, Серега, решать свои проблемы сам, я уже не говорю про проблемы твоей женщины.

От обиды за Ксению, от осознания того, что для Лехи эти деньги — пустяк и он мог помочь, но отказал, я не выдержал:

— Сволочь ты, Леха!

— Не наглей! Вечером поговорим.

Я нервно походил по дому, лихорадочно думая, где взять деньги, и отменяя варианты. Наконец сообразил и решился, обдумал другие варианты, отмел и их, вернулся к идее с экспресс-кредитом.

Собрал нужные документы и помчался в банк.

Сумма была относительно небольшая, в тот же день мне ее выдали без обеспечения кредита. Я сразу отвез их Ксюше — ее проблема не терпела отлагательств.

Я не ждал благодарности, но все-таки был неприятно удивлен тем, как сухо она сказала «Спасибо» и невозмутимо переложила пакет с деньгами в сумочку. «Не за что», — ответил я, решив, что, пока проблема не решена окончательно, Ксюша просто не может думать ни о чем другом.

А следом мне позвонили с работы и сообщили, что Юрка Бажов попал в больницу — его избili хулиганы.

Я помчался в больницу, по пути набрав фруктов, соков и свежих журналов.

Строгая бабулька в приемном покое заставила надеть бахилы и халат, потом меня впустили в палату Юрки. Вид у него был неважнецкий: разбитый нос, сломанное ребро, рассеченная бровь, ушибы.

— Что случилось?

Юра, гнусавя и еле шевеля разбитыми губами, прошептал:

— Это все ты виноват. Ты и твои дурацкие теории.

— Эй, полегче, приятель, — возмутился я. — Объясни.

Юра ничего не ответил, уставился в потолок, а потом и вовсе демонстративно закрыл глаза.

Я долго его уговаривал и увещевал. Наконец он рассказал, что после наших с ним посиделок в сауне он, чувствуя себя способным на многое, воодушевленный моими рассказами, встретил у общежития гопников. Те попросили сигарет, Юра отказал. Слово за слово, и весь его хмельной кураж испарился, оставив только привычный с детства липкий страх и трясущиеся коленки.

Гопники вдоволь покуражились над «оборзевшим» стажером, отобрали остатки наличности, телефон и, довольные уловом, удалились, оставив Юру в сугробе истекать кровью.

Никто из соседей не вышел помочь. Юре пришлось самому ползти до дверей общежития. Вахтер открыл дверь, ахнул и вызвал скорую.

— И в чем же я виноват, стажер? — спросил я.

— Да если бы не твои рассказы, я бы просто дал им сигарет, и они бы отстали. А я их послал, как ты учил!

— Да не отстали бы, Юр. И потом, я тебе говорил, что тебе надо развиваться, увереннее стать, начать уважать себя, а потом уже отвечать на хамство. А уж про то, что надо ночью на темной пустынной улице грубить хулиганам, я точно не говорил. Ты не Бэтмен, а я не Человек-паук. Бежать надо было, балда.

— Да пошел ты, гад, — прохрипел Юра. — В гробу я видал и тебя, и твои уроки жизни. Зачем ты вообще ко мне привязался, в душу лез? Из-за тебя я теперь ни работать не могу, ни телефона не имею. А я его в кредит брал и не расплатился еще, ты это хоть понимаешь, сытая

рожа? Ты понимаешь, что мне даже за эту чертову больницу нечем расплатиться будет? Мне сигарет не на что купить, и все из-за тебя!

Я разозлился. Вскрыл пакет с соком, налил себе и Юре. Залпом выпив свой, я помолчал. Когда успокоился, стал рассказывать:

— Расскажу тебе об одном знакомом, который не любит дождь. Как пасмурно или закапает — тут же впадает в апатию. Дождь кончается, выглядывает солнышко, и товарищ немного приободряется. Жизнь налаживается! Солнце, разогнав тучи, начинает припекать. Жару мой товарищ тоже не выносит. Зимой товарища бесят снег, морозы, холод, промокающие ботинки. В жару... хотя я повторяюсь. Летом — жара, зимой — мороз, весной и осенью — грязь, слякоть и дожди. Кажется, весь мир и вся погода ополчились против него. Работа хреновая, шеф — идиот, коллеги — тупые подхалимы, заказчики — больные психи, непонятно, почему не в дурдоме. Чай то слишком горячий, то остывший. Книга или нудная, или тупой экшен, или толстая и не смог дочитать, или тонкая и тема не раскрыта. Фильм — тупое голливудское говно или российская поделка с тупыми рожами. Соседи... Тех вообще расстрелять. Дети бегают, ремонт делается, почта ворует, полы не моются, лампочку на площадке заменить некому — обленились, сволочи. Мой товарищ пользуется определенной популярностью в сети. Он пишет хорошие ироничные тексты в блоге.

— Засунь куда подальше своего товарища с его блогом. Выйду из больницы — напишу служебную записку о том, как ты прикарманиваешь представительские. И попрошу перевести меня к Косте Панченко. Я думаю, ему будет интересно узнать кое-что о тебе.

Кровь прилила к лицу. Такой подлости я не ожидал. Аж в ушах зазвенело. Я открыл бумажник, вытащил пачку денег и оставил на тумбочке.

— Деньги за лечение и твой новый телефон.

— Ты меня не купишь своими подачками, урод.

— Ни одно доброе дело не должно остаться безнаказанным, — горько сказал я.

Выходя из палаты, я думал, что Юра не понимает человеческого отношения и просто не в состоянии поверить: иногда поступки совершаются просто так, ни за что.

Вечером я встретился с Лехой. Он, похоже, собирался на мероприятие: приехал в смокинге и черном галстуке-бабочке. Было заметно, что он устал и без настроения. Он сел за столик и хмуро сказал:

— У меня есть час. Решил вопрос с деньгами?

Я, не скрывая, рассказал ему, что взял кредит. Он чертыхнулся:

— Болван.

— Почему?

— Влюбленный болван.

— Да что я не так сделал?

— Серег, — Леха наклонился ко мне и посмотрел в упор. — Девочки — они такие. Пока на своем опыте не поймешь, учиться на чужом — бесполезно. Просто запомни мои слова: это не последний раз. Дам тебе один совет. На будущее.

Я сосредоточился, стараясь запомнить.

— Я даже не буду тебя спрашивать, были ли у вас непонятные и нелогичные ссоры до того, как она попросила о помощи. Уверен, что да, после чего ты в недоумении стоял на улице, не понимая, в чем дело, и стыдился, что ты ее обидел. Ты винил себя и клял последними словами. Было?

— Хм... Да.

— Это первый признак того, что ей от тебя что-то нужно. Потом она плакала. Плакала, но не говорила, в чем проблема. Рыдала, обильно орошая слезами твое крепкое мужское плечо? А ты, супергерой, летящий на крыльях ночи, готов был душу отдать, лишь бы она перестала плакать. Ведь каждая ее слезинка откликалась болью в твоём сердце.

— Плакала, — признал я. — А я переживал за нее!

— И когда она сказала, что ей нужны деньги, ты не раздумывая пообещал помочь?

— Да! Леха, я люблю ее!

— Не спорю. Я тоже свою жену люблю, поверь. Но научился, э... распознавать, скажем так. В общем, ты, Серега, прошел три стадии женского манипулирования мужчиной. Женщины вгоняют нас в стыд,

заставляют винить себя, а потом и угрожают чем-то, в зависимости от того, какие у тебя болевые точки.

— А если бы я отказал?

— Тогда в ход пошел бы последний прием из их почти безотказной системы манипуляции. Ты был бы измерен, взвешен и признан непригодным к дальнейшему использованию ввиду неумения обеспечивать потребности своей женщины. О чем тебе бы сразу и сообщили, в мягкой или жесткой форме, в зависимости от характера девушки.

Я задумался, отметил кое-какие соответствия, исходя из прошлого опыта, но никак не мог все это принять применительно к Ксюше.

— Да и черт с ним, — весело сказал Леха. — Помог и помог. Я в твоём возрасте и не такие глупости совершал. Что нового на работе, золотая рота^[29]?

Я рассказал Лехе о Юре. И чем больше я рассказывал, тем он больше хмурился. Под конец он выматерился.

— Я про стажера даже говорить не хочу, с ним все понятно. Такие вот мелочные, забитые, озлобленные, мстительные неудачники не умеют мыслить широко. Ты правильно заметил: они не верят в бескорыстие. Скорее ты бы опустился до его уровня, чем поднял его до своего. Да дай ты ему миллион долларов — он, нищий духом, все равно не станет чище, добрее, понимаешь? Вспомни соседа своего, как его там... Который мусор в подъезде оставляет.

— Артур? — уточнил я, вспомнив нувориша-соседа.

— Да, этот такой же. Он уже привык жить в грязи. Ты же вроде умный человек, Серега. На кой черт связался с этим парнем?

— А ты со мной?

Леха промолчал. Я устыдился своего вопроса, сравнив себя с Юрой.

— Знаешь, займись собой. Тренировки ты пропускаешь, как докладывает разведка. Влез в долги, с девушкой у тебя отношения непонятные. Плюнь на стажера: не думаю, что он будет на рожон лезть и тебя подставлять. Потраченное верни в компанию, и все. А вот зачем ты душу открыл перед ним — этого я не пойму. То есть понимаю: хотел воодушевить своим примером, показать, что все достижимо. Но по факту — ты разве чего-то достиг? Много ребят уже отлично говорят

по-английски, прекрасно выступают на публике и ведут переговоры, жмут по полтора центнера. Ты просто сейчас всплываешь с того дна, на котором сидел, как рак-отшельник, чтобы быть на одном уровне с общей массой планктона. То, что ты воспринимаешь как невероятные успехи, для многих обыденность.

Второй раз за день кровь прилила к лицу. Леха, не жалея, бил наотмашь.

— Ты хороший парень, Серег. Но мало быть хорошим парнем, чтобы чего-то добиться. Повторяешь ошибки раз за разом на эмоциях... Знаешь, это вообще свойственно слабым людям. Сделаешь усилие — шаг вперед, потом почиваешь на лаврах. Так ты, пока на лаврах, на два шага назад отступаешь. Разочаровал ты меня.

Леха встал и ушел, а я еще долго сидел, слушая пульсацию крови в висках.

На работе стало известно, что Юра оказался в больнице не без моего участия. Причем версия происшедшего сильно искажала реальность. Об этом мне сообщил Миха, решивший выяснить подробности из первых уст. Подробностей я ему не сообщил, сказав только, что мы действительно с Юрой выпили вместе пива, после чего я посадил его на такси и отправил домой.

— Бывает, — сказал Миха и как-то странно посмотрел на меня.

— Что? — не выдержал я его взгляда.

— Да ничего, — пожал он плечами. — Просто говорят, что ты специально на него гопников натравил, чтобы с шеи скинуть. Ну, знаешь: стажер с возу, менеджеру легче.

— Даже так? Интересно. А ты зачем лезешь в это? Хочешь, чтобы и на тебя натравил? Здоровья много?

— Да пошел ты, — сказал Миха и ушел делиться полученной информацией.

В офисе кипели страсти. Кацюба расщедрился и для новогоднего корпоратива снял роскошный клуб. В пятницу Гараян почти подрался с Бородаенко, неудачно пошутившим об армянах, причем имея в виду грузин. Милка Чердаклина, присутствовавшая при инциденте,

рассказывала, что бой закончился примирением сторон и незамедлительным распитием армянского коньяка и грузинского вина. Догонялись противоборствующие стороны украинской горилкой.

На корпоративную вечеринку мы приехали с Ксюшей.

Официальная часть мероприятия затянулась. Кацюба пересказал нам всю историю компании, озвучил наши успехи за год и зачитал поздравления от партнеров. Потом стал вызывать нас по очереди, чтобы вручить подарок от холдинга.

Мне во второй раз за два года подарили тостер. Отдел кадров, готовивший подарки сотрудникам, разумеется, стоило расформировать и уволить ко всем чертям. Напротив сидел Левон, который к окончанию официоза опустошил две тарелки с салатами, прервавшись только на получение подарка. Ему повезло не больше, чем мне: в подарок он получил фотоаппарат. Еще один.

— Махнемся? — спросил я Левона.

— Легко! — согласился Левон, и мы торжественно обменялись подарками.

Лидка, сидевшая рядом, зашикала. Должны были объявить ее. Поскольку Фрайбергер была последней в списке, после вручения подарка ей официальная часть вечера закончилась.

И понеслась! Официанты не успевали обновлять графины с водкой и коньяком, а обслуживавший Гараяна парень из обслуживающего персонала окончательно запыхался, не успевая подносить новые тарелки. Бородаенко быстро вошел в кондицию и стал приставать к девчонкам-дизайнерам. Панченко ходил гоголем, выпячивая грудь и выпивая с каждым, кто предлагал.

Начались медленные танцы. Ксению пригласил Макс Ефименко, наш безопасник. Я полюбовался танцующей Ксюшей, потом осмотрелся и увидел Риту. Она смотрела на меня. Подошел к ней и пригласил на танец, особо не надеясь, что она согласится. Не говоря ничего, она протянула руку, встала и прошла за мной на танцпол. Мы танцевали. Я чувствовал ее запах — свежести и цитруса. Неожиданно для себя ощутил легкое сожаление и нежность к ней. Я вспомнил наше единственное свидание и подумал, что оно стало одним из лучших воспоминаний этого года. Неожиданно для себя спросил:

— Рит, могло у нас что-то получиться?

Она молчала, и когда я решил, что она не услышала вопроса из-за громкой музыки, спросила:

— Помнишь, я говорила тебе, что ты изменился, но не смогла объяснить как?

— Конечно.

— Теперь могу. Ты стал хуже. Намного. Для меня главное, чтобы человек всегда оставался человеком, а не казался им. Я ответила на твой вопрос?

Утихла музыка. Раздались аплодисменты, выкрики. Рита посмотрела мне в глаза, сняла руки с моих плеч и вернулась за столик.

Начался следующий танец, я кинулся искать Ксюшу, но она уже танцевала с другим Максом — Кравцовым. Я вышел с танцпола и встретил Левона. Мы, перекрикивая друг друга, договорились выпить. Левон стал суетиться, искать бокалы и что налить.

Кто-то тронул меня за плечо. Сзади стояла Лидка и пьяно улыбалась.

— Пойдем покурим? — предложила она.

— Идем, — подумав, ответил я.

Мы вышли на улицу, даже не накинув пальто. На улице было морозно, я зябко поежился. Лида закурила.

— Как дела? — спросила Лида.

— Отлично, — ответил я. — Как у тебя? Как с Костей?

— Нормально все, Резвей, нормально, — вздохнула она. — Знаешь... Ты же мне нравился. Честно. Но боялась спугнуть тебя, все ждала, когда ты первый шаг сделаешь. Ты робкий был. Потом изменился, но появился Костик.

Я нервно повел плечами. Вот это да!

— Ты извини за тот вечер... — продолжила она. — Костик повел себя отчаянно, как-то по-звериному... В общем, я не устояла. А жаль. Повезло твоей новой... Как ее?

— Ксения.

— Ксения... — задумчиво повторила она. — Надеюсь, у вас все серьезно. Потому что если нет...

— Тогда что? — не понял я.

— Тогда можно будет встретиться. По-дружески поболтать, — улыбнулась Лида.

— А дальше?

— А дальше будет видно, — ответила Лида и протянула мне руку. — Друзья?

Ответить я не успел. Сзади налетел Панченко, крикнул «Вот вы где!» и с разбегу ударил меня в голову. Я слетел с крыльца, в глазах потемнело.

Вспомнив тренировки, сгруппировался и вскочил на ноги.

— Не здесь, — сплюнул я. — Отойдем.

— Я тебя и здесь урою, — ощерился он.

— Отойдем, к чему людям праздник портить?

Лида не шевельнулась, когда мы пошли в сторону. Мысленно я порадовался, что не сильно налегал на спиртное и салаты. От Кости разило перегаром, так что у меня уже было преимущество. Я не чувствовал мороза, адреналин мощными порциями выбрасывался в кровь, но разум был ясен.

Вышли на освещенное место, секунду помолчали. Я был уверен в себе и спокойно ждал.

— Ну, тварь, готовься асфальт грызть, — прорычал Костя и кинулся на меня.

— Где ты тут асфальт нашел, чудила? — поинтересовался я, уклоняясь влево и одновременно правой ногой подсекая Панченко.

Он кувыркнулся, но тут же встал и снова бросился на меня. Ё-мое! Это же груша! Пьяная груша с легко просчитываемой траекторией движения. Ложный замах левой, еще раз, потом боковой правой, в скулу. Костя отшатнулся, в его глазах появилось недоумение. Скула стремительно багровела — верный признак того, что я попал.

Наращивая преимущество, притянул его за волосы и ударил резко коленом в нос, апперкот правой. Костя, ноя, валялся на земле в позе младенца.

Собрались все наши. Первым не выдержал и нарушил всеобщее молчание Степаныч.

— Да что же это такое! На таком празднике! — заканючил он. — Резвей! Я к тебе обращаюсь!

Я поднял голову, и что-то в моих глазах заставило его заткнуться. Кто-то суетился вокруг Кости. Ко мне подбежала Ксюша, и последнее,

что я запомнил, были слова Степаныча: «Резвей, считай, что ты уволен! После праздников — за расчетом!»

Это вряд ли. Зачинщиком был Панченко. Смущало только то, что единственным свидетелем оказалась Лида.

Панченко выглядел несчастной жертвой, поэтому все крутились вокруг него и жалели. На меня все — кроме, пожалуй, Лидки — кидали злобные взгляды и шептались.

— Зачем ты так? — спросил Левон. — Хорошо же сидели!

Я не ответил. Вернувшись в клуб, мы с Ксюшей оделись и ушли.

— Куда поедем? — поинтересовалась она.

— Может, ко мне?

Ксюша на мгновение задумалась, потом прильнула с поцелуем. Нежно отстранилась, отдышалась, поправила волосы и прошептала:

— К тебе...

И мы поехали ко мне, и спали вместе, и встретили вместе рассвет.

ГЛАВА 22

И полетели ножи

Выжатый, истощенный и безмерно счастливый, я откинулся на кровать. Ксюша прильнула ко мне. В полумраке блестели ее смеющиеся глаза:

— Я в душ. Ты со мной?

Я попробовал подняться — не вышло.

— Ты иди... — выдохнул я. — Отдышусь.

Выходные после корпоратива пролетели как мгновение. Я не думал ни о возможном увольнении, ни о последствиях драки с Панченко. Английский и тренировки пропустил, даже не вспоминая о них. Меня накрыла любовь.

Ксюша вернулась, нырнула под одеяло. Ее била мелкая дрожь, зубы стучали.

— Бр-р... Холодно.

Я обнял, притянул ее к себе. Она прижалась, согрелась, потом мечтательно потянулась.

— Сереж, а ты был на море?

— Никогда. Если не считать Финский залив Балтийского. А ты?

— Всю жизнь мечтала!

Я посмотрел в ее сияющие глаза, и мне очень захотелось стать первым, кто покажет ей мир.

— А давай съездим? — предложил я. — После Нового года возьму отпуск и поедem. А потом можно и к моим родителям съездить. Давно их не видел, заодно и с тобой познакомлю!

— А куда поедem?

— Куда захочешь! — пообещал я и потащил визжащую Ксюшу к себе...

К окончанию выходных мы определились. Ксюша выбрала Испанию, а ехать решили сразу после ее сессии. На те же сроки я запланировал отпуск.

По пути на работу я размышлял, как собрать денег на двухнедельную поездку. Мне хотелось, чтобы для Ксюши она стала

запоминающейся. А значит, никаких горящих путевок и скромных отелей. На перелеты и проживание должно было хватить зарплаты и годовых бонусов, даже с учетом выплаты кредита. А вот на все остальное, включая шопинг...

Мысль обратиться к Лехе сразу отпал. Иван? Не хотелось бы начинать дружбу с такого. Родители? Стыдно. Был еще один вариант, который я всегда оставлял на самый крайний случай: заем в компании. Но он актуален, только если меня не уволят.

На работе я увидел зомби-апокалипсис в отдельно взятом отделе. Где-то в уголке отсвечивал фингалом Костя Панченко. Закрыв глаза и откинувшись в кресле, он что-то бормотал. В открытую храпел Саня Бородаенко. Лидка красила ногти. Очень медленно, как в режиме слоуп-мо, причем один и тот же ноготь.

У кофе-машины переминались с ноги на ногу Миха с Левоном. Оба небритые, помятые. У Михи вскочил красный вулканический прыщ на лбу, придав ему легкое сходство с Хеллбоем^[30]. Левон в ожидании своей очереди писал в блог, судя по всему, о жене. Они успели помириться и снова поссориться.

— Привет, — поздоровался я с ними. — Живы?

— Да ни фига, — прохрипел Миха. — Болеем.

— А чего так?

— Да все выходные после корпоратива в загуле, — ответил Левон. — Хорошо погуляли! Только сейчас плохо...

— Башка раскалывается, — пожаловался Миха. — С Нового года бросаем с Левоном пить, курить...

— Точно, бросаем. В спортзал запишемся, на диету сядем, похудеем к лету, — размечтался копирайтер.

— Как же, похудеете! — засмеялся я. — До старого Нового года продержитесь, это максимум.

— Да ну тебя, Резвей, все опошлишь, — возмутился юрист.

— Есть у меня, ребята, стопудовый способ и кушать хорошо, и жир сбросить. Интересно?

— Мы сейчас в любые чудеса поверим, так что не томи, Сережа, — попросил Левон.

— Силовые тренировки. Они энергозатратны — раз, — я стал загибать пальцы. — Прилично разгоняют обмен веществ, за счет чего вы следующие сутки тратите почти в два раза больше калорий, — два. Вам надо будет увеличить калорийность пищи для роста мышц. Кушайте на здоровье, желательно больше мяса, как вы и любите, — три. А занимать это будет у вас часа три в неделю, без учета дороги. Ну что, убедил?

— Звучит как сказка, но попробовать можно, — задумался Миха.

— А вот пробовать не рекомендую, — посоветовал я. — Начинайте сразу, без проб, и к концу года сами себя в зеркале не узнаете.

— Ты лучше подскажи, в какой зал идти, какого инструктора нанять, чтобы результат был?

— Не вопрос. Вернусь из отпуска, и можете со мной начать ходить. Только не потянете: ленивые вы и нецелеустремленные. Удовольствие от еды и бухла сейчас вам дороже от здоровья и красивого тела потом.

— Да не, потянем. Ты, главное, возьми нас с собой, — заныли парни. — Ты же потянул, чем мы хуже?

Они вытянули из меня обещание помочь им с тренировками и отпустили.

Дойдя до рабочего места, я раздал ценные указания ребятам из команды моего проекта, написал два заявления — на отпуск и краткосрочный беспроцентный заем — и пошел к Степанычу.

Тот сидел, задумчиво помешивая сахар в кружке с чаем. При моем появлении он не стал отвлекаться от процесса.

— Доброе утро, Михаил Степанович!

— А, явился, — прокряхтел он, отхлебывая из кружки. Напившись, он отставил кружку в сторону и переключился на меня. — Садись. Вот уж не думал, Резвей, что ты дебошир.

— А я и не дебоширил, — заметил я.

— Да ты мне тут сказки не рассказывай, сказочник! — разъярился Степаныч. — Мне твои коллеги уже всю твою подноготную выложили!

— Не понял, честно, не понял, Михаил Степанович, — удивился я. — Я разговаривал с Фрайбергер, подбежал Панченко, ударил меня,

причем сзади. Я предложил ему отойти в сторонку и решить вопрос по-мужски. Все. Дальше вы знаете.

— Вот именно! Знаю! — Степаныч вошел в раж, встал из-за стола и подошел ко мне. — Константин с Лидией спокойно общались. Подошел ты и стал к Лидии приставать. Константин, как джентльмен, вступился! А ты такого парня ни за что исколошматил, людям праздник испортил! Что там у тебя за бумажки? Никак сам уволиться решил, совесть подсказала?

В такие моменты спорить с ним бесполезно, потому что он не слушал, а только орал все громче. Лицо багровое, глаза навыкате. Я свернул бумаги, спрятал в карман, дождался, пока он выговорится, припоминая мне все мои «залеты», и встал из-за стола:

— Развели любимчиков, Михаил Степанович. Смотрите: сегодня меня подставляют, завтра вас подсадят. Вы бы аккуратнее, Михаил Степанович, креслице-то уже шатается.

Степаныч схватился за сердце, стал шуровать рукой в ящике стола, нашел таблетки и закинул в рот. Некоторое время собирался с силами, а потом проревел:

— Вон! Чтобы духу...

Я вышел, спиной ощущая грохот, вибрации стен и негативные эманации.

Об увольнении Степаныч не сказал ни слова, а значит, уже успел обсудить этот вопрос с главным, и тот наложил вето. Может, временно, до сдачи проектов, а пока решили не говорить мне, чтобы я не запорол им отношения с заказчиками?

Идея поездки с Ксюшей в Европу накрывалась медным тазом. Надо было что-то делать, и я решил идти к Кацюбе — рассказать свою версию того, что произошло на корпоративе, и, если он будет в настроении, попросить о займе. Я переписал заявления на его имя и поднялся к нему.

В приемной сидели Рита и главный редактор одной из наших газет Пашка Банников. В руках у него были макеты сверстанной газеты.

— Занят? — спросил я Риту, глазами показывая на кабинет шефа.

— У него люди. И будешь после Банникова, — холодно ответила Рита.

— Будешь после меня, Резвей, — подтвердил Пашка.

— Как дела в редакции? — спросил я Пашку, с которым давно не общался.

— Пописываем помаленьку, — ответил он. — Во! А хочешь, пока ждем, я тебе рассказец зачитаю, прислали вот в редакцию, до сих пор под впечатлением!

Я не успел ответить, как он продекламировал: «Глеб Речной. Настенька».

Рита спряталась за монитор, но я видел ее подрагивающие плечи — она сдавленно смеялась. Видимо, это не первая декламация «Настеньки». Пашка прокашлялся и начал читать: «Родилась ли я в любви?..»

Закончив трогательный рассказ, он перешел к повести некоего писателя-почвенника Алексея Сергеевца «Километр земли». Но тут из кабинета прошествовали какие-то люди, а следом проводить их вышел сам шеф. Они обменялись любезностями, попрощались, после чего Кацюба глянул на нас с Банниковым и вернулся к себе.

— Банников, заходите, — сказала Рита.

Пашка зашел к шефу.

Рита что-то печатала. Я подошел к ней:

— Как дела, Рит?

Рита отвлеклась от работы, посмотрела мне в глаза и спросила:

— Нормально. Тебе чего?

— Мне — ничего. Просто мне неприятно знать, что ты до сих пор винишь меня в том, чего я не делал. Так же как неприятно, что Степаныч винит меня в драке с Панченко, хотя именно он начал, причем ударил сзади.

— Зачем ты мне это рассказываешь? Мне это совершенно неинтересно.

— Рит, я тебе даю честное слово. Даю его тебе, потому что ты — одна из немногих в этой компании, кто ко мне относился хорошо. Честное слово, я никому не говорил, что у нас что-то было. Эти уроды...

— Я тебе не судья, — перебила меня Рита, — и мне плевать, что у тебя и с кем было. Я знаю, что ты был с чужой девушкой и рядом с вами не было ее парня. А когда он там появился, ты его избил. Я знаю, что никому не говорила, что иду с тобой в кино, но почему-то об этом на следующий день знали все, еще и приплели невесть что. И еще я точно знаю, Резвей, что ты сам стал таким же уродом, как и те, кого ты так называешь.

Я открыл рот, чтобы что-то ответить, даже еще не зная, что именно буду говорить. Но вышел Пашка, и она демонстративно уставилась в монитор.

Резон в ее словах был. Я пожал плечами, слегка раздосадованный, и пошел к Кацюбе. То, что он был в плохом настроении, мне стало понятно сразу, как я перешагнул порог. Витала аура недовольства, напряженность. Такое я сразу чувствую: опыт, сын ошибок трудных, и Гена, Чебурашкин друг..

Поприветствовав шефа, я протянул ему оба заявления и замер в ожидании. Слишком многое в моих планах сейчас зависело от этого человека.

— Так, что тут у нас? Почему не через секретаря? — возмутился он. — В отпуск собрался? Хм... Проекты сдашь — и свободен, не возражаю. А это что? Заем просишь...

Кацюба задумался.

— Скажи мне, Сергей, ты зачем Костю избил? Хорошо, парень благородно поступил, не стал заявление на тебя писать, а ведь мог бы. Уволить тебя требует народ, а ты тут заем просишь.

— Да не так все было, Станислав Евгеньевич, — ответил я и рассказал, как было на самом деле, начав с того момента, когда Лида позвала меня покурить вместе. — Думаю, Станислав Евгеньевич, у ребят какие-то проблемы во взаимоотношениях, а Лида, зная Костину «любовь» ко мне, использовала момент, чтобы проверить парня.

— Может, и так, — молвил шеф, — а может, и не так. В любом случае я подобное больше терпеть не буду, Сергей. Официально тебя предупреждаю: работаешь ты у меня до первого косяка, а если он наступит, быть тебе уволенным и занесенным в черный список. Никто тебя после этого на работу не примет. Уяснил?

— Так точно. Разрешите идти?

— Да подожди ты. Заем-то тебе на что?

— Девушку свою решил на море свозить, — решил я не врать. — Не была она нигде никогда.

— Девушку на море, — задумчиво протянул шеф и улыбнулся. — Будет тебе море.

Кацюба поставил визу «Не возражаю» на оба заявления и вернул мне.

— Зайдешь в бухгалтерию с этим, выдадут.

Выйдя от шефа, я первым делом позвонил Ксюше, чтобы порадовать ее: мне дали отпуск, и сразу после Нового года мы едем в Испанию. Она закричала в трубку так громко, что я на время убрал телефон от уха. Я и сам был безумно рад, ведь никогда за границу не ездил! Впереди маячило, как мне казалось, самое чудесное время: совместная поездка в Испанию, затем домой к родителям, а потом жизнь с любимой девушкой.

Решив насущные вопросы, я спокойно погрузился в рутину — надо было закрывать проекты, вытягивать из заказчиков оплату, подгонять исполнителей.

К вечеру валился с ног, но поехал на тренировку. Бессонные ночи выходных и тяжелый рабочий день дали о себе знать — я не чувствовал ни сил, ни бодрости. Дядя Миша, видя мои мучения, снизил рабочие веса на штанге, а Ваня комментировал происходящее ободряющими речами армейского сержанта.

Окончательно убитый, я вернулся домой. Дверь оказалась не заперта. Дома была Ксюша.

Утром я дал ей ключи, сказав, что она может приезжать когда хочет.

Не знаю, как она трактовала мои слова, но, судя по всему, день у нее был насыщенным. Она перевезла ко мне свои вещи, переставила мебель, навела порядок, вычистила и вымыла квартиру до блеска.

— Переодевайся, мой руки и за стол. Ужин готов.

Рабочий год закончился, начались новогодние каникулы.

Ксюшины родители, к которым я предложил заглянуть на Новый год, куда-то уехали. Леха повез семью в Дубай, Иван с коллегами

махнул в Таиланд. Праздники мы провели вдвоем с любимой — салаты, телевизор, постель, прогулки по городу и вылазки в кино.

У Ксюши началась зимняя сессия, она стала нервной и раздражительной. Стараясь ее не отвлекать, я пропадал на работе, тренировках и курсах.

В английском у меня наметились хорошие сдвиги. Как-то, прогуливаясь с Ксюшей по Невскому, мы познакомились с парой ровесников из Голландии, затащили их в паб и весь вечер общались на английском — я все понимал и без труда говорил сам.

Продолжались упорные тренировки в зале. Прогрессировал с каждым разом — дядя Миша был доволен. К первым базовым упражнениям тренер добавил еще три: подтягивания, которые внезапно пошли у меня легко, и я сразу сделал десять; армейский жим для развития плеч и отжимания на брусьях. Я немного прибавил в весе, но это был не жир, а мышечная масса.

На рукопашке у меня состоялся первый спарринг, который я хоть и проиграл, но, как заметил Цхай, провел достойно. С развитием выносливости и силы я заметил, что у меня изменилось отношение к схваткам. Я уже был не зрителем или человеком с джойстиком, несколькими нажатиями проводящим потрясающее комбо^[31].

Я сам стал проводить комбо и был бойцом вроде тех, которых раньше видел только на экране. Я стал больше мыслить, чуть ли не продумывая тактику боя — как до него, так и во время. Удавалось не все задуманное, не хватало навыков.

Мне открылся целый мир: мир силы, смелости, единоборств и сопутствующих эмоций и ощущений. По понятным причинам раньше он мне был недоступен, и я ужасался тому, что мог так и прожить всю жизнь в своем маленьком мирке, не зная радостей настоящих побед — над собой или противником.

«Слабый, неумелый, неопытный боец», — прокомментировал Цхай мой второй проигранный спарринг. Я осклабился — тренер назвал меня «бойцом». Так меня именовал и дядя Миша, но в его случае это было привычкой.

Я — боец. Да, пока слабый, неумелый и неопытный. Боец первого уровня. Ничего, прокачаюсь.

Ведь я — боец.

Заканчивался январь. Леха, вернувшись из отпуска, умотал в длительную командировку. Перед отъездом он заехал к нам на тренировку, понаблюдал за мной, потребовал держать темп и распрощался.

Отдушиной был Иван. С ним мы общались часто, разговаривали подолгу, в основном о совместной жизни с женщинами. Мой короткий неудачный опыт с Анной не шел в сравнение с Ваниными годами в браке. По его мнению, совместная жизнь — череда обоюдных компромиссов, особенно в начале пути. «На этапе притирки размолвки неизбежны. И тогда очень важно не переходить на личные оскорбления, — советовал он. — Причины ссоры обычно забываются, а обиды — нет».

Ксюша успешно сдала сессию. Я передал дела Лиде, оповестил заказчиков и партнеров, что буду какое-то время недоступен, получил в бухгалтерии причитающиеся отпускные и поехал домой.

Дома царил хаос. В центре комнаты возвышалась гора вещей, рядом с которой сидела зареванная Ксюша. Под горой я заметил подавившийся чемодан. Возле стены располагался объевшийся второй, с не сходящейся местами молнией.

— Ничего не помещается! — констатировала Ксюша. — Я никуда не поеду.

Все это, по ее мнению, было жизненно необходимо в поездке. Еще несколько коробок с туфлями в чемоданы не поместились.

Здраво рассудив, что если везти с собой два чемодана, то назад мы приедем с шестью, я убедил ее брать только действительно необходимое. Все остальное можно было купить на месте.

Мы снова чуть не поссорились, но я стоял на своем, как бездушная сволочь, и полетели мы налегке.

Первые дни были насыщены впечатлениями, начиная с магазинов duty free, где Ксюша долго, облизываясь, ходила вдоль витрин, барселонского аэропорта Эль-Прат и нашего шикарного номера, увидев который, мы долго стояли в онемении, а потом как

сумасшедшие стали прыгать на кровати, держась за руки и вопя от радости.

Еще больше впечатлений мы получили от прогулок по красивейшему городу Испании. Долго выбирать, куда сходить и что посмотреть, не пришлось: в Барселоне внимания стоили каждый дом и каждая подворотня. Настоящий калейдоскоп архитектурных стилей, фонтанов, памятников и площадей.

Каждый вечер мы проводили в уютных ресторанах, проникаясь местной культурой и изучая хваленую испанскую кухню.

Мы ходили везде, держась за руки или обнявшись. Я не мог насытиться Ксюшей и радовался ее радости.

Закончилась первая неделя, и Ксюшу потянуло на шопинг. В первый день я терпеливо бродил за ней по магазинам и бутикам, таская многочисленные пакеты с покупками. Под конец дня чувствовал, что прошел не меньше пары десятков километров, и мысленно порадовался, что успел подготовиться, иначе выдохся бы уже на первом круге.

Вечером Ксюша мерила обновки, после чего бережно укладывала их в чемоданы. Тех, что мы взяли с собой, не хватило. Пришлось купить еще три.

На третий день я принялся слегка выражать недовольство. Все это можно было купить и в Питере, а дни драгоценного отдыха мы тратили на шопинг.

Мы поссорились. В тот вечер мы легли спать, не разговаривая друг с другом, и это была первая ночь, когда мы были не вместе.

Утром Ксюша ушла, не разбудив меня. Проснувшись, я не обнаружил ее в номере и принялся искать. Ее телефон был недоступен, в отеле ее не видели. Весь день я провел в поисках, даже не пообедав и постоянно возвращаясь в номер, чтобы узнать, не вернулась ли она.

Наступила ночь, я решил обратиться в полицию. Спустился на ресепшен и попытался объяснить девушке, чего хочу. Тут вошла Ксюша. Я побежал к ней. Она бессмысленно улыбнулась, отстранила меня и направилась к лифту.

В лифте я почувствовал тяжелый запах алкоголя. Ксюшу слегка пошатывало, и, чтобы не упасть, она уперлась локтями в стену.

Мы молча дошли до номера, я открыл дверь, и Ксюша зашла. Снимая туфли, она чуть не упала, после чего добрела до кровати и рухнула на нее. По комнате пополз дремучий запах перегара. Скоро раздался храп.

Я смотрел на нее, злился на ее инфантильность и радовался, что она рядом. Меня мучила ревность.

Всю ночь я стоял на балконе и курил найденные у Ксюши сигареты. Накручивая себя все больше, я еле дождался утра. Мне хотелось как можно скорее помириться с ней, а потом выяснить, где она пропадала, а главное — с кем. С первыми лучами солнца я помчался за цветами.

Вернувшись с большим букетом, я тихонько ее разбудил. Она закрылась подушкой.

— Прости меня, Ксюш.

Из-за подушки выглянули ее глаза, внимательно и сурово посмотрели на меня. Я протянул цветы.

— Прости.

— Воды, — просипела она.

— Сейчас, позвоню, скажу, чтобы вазу принесли, — засуетился я.

— Воды. Мне. Принеси. Идиот.

Ксюша снова была мила и нежна со мной. В день примирения мы поехали и купили все, что она хотела. В итоге денег оставалось только на то, чтобы нормально провести оставшиеся дни.

О том, как прошел тот день, Ксюша ничего не рассказала, пояснив, что в следующий раз я должен сто раз подумать, прежде чем обижать свою девушку (и пусть это будет мне уроком). Я снова вскипел, но решил не обострять: не хотелось опять мучиться.

Мы загорали, купались, ели, пили, гуляли по городу. Обсуждали место следующей поездки — в последние дни отпуска мы уже мечтали о следующем. Перебирали варианты — Таиланд, Турция, Эмираты, Франция. Жизнь казалась понятной, а цели — приятными. Я расслабился, выйдя из напряженного ритма последних месяцев.

Поссорились по возвращении. Мы были вымотаны перелетом и резкой переменной погоды. Таксисты ломили астрономический счет, я

пробовал торговаться. Вот и поссорились. Ксюша буравила меня взглядом, пока я договаривался с таксистами. Не договорился, и она обозвала меня жмотом. Я плюнул, и мы поехали, больше не торгуясь. Довольный таксист высадил нас у моего дома, выгрузил чемоданы и уехал. Ксюша пошла наверх, а я остался на крыльце с чемоданами и пакетами из duty free, думая, как мне их затащить.

Из подъезда вышел Вася, я попросил его помочь. Сосед задумался. Я вытащил из пакета бутылку вина, протянул ему, и он согласился. Вдвоем мы, чертыхаясь, затащили все ко мне на площадку. Я отдал ему вино, и он, что-то мурлыкая, скрылся в своей квартире.

На следующий день, разобрав чемоданы и ничего не сказав, Ксюша уехала в институт. Я начинал понимать, как она ведет себя после ссор со мной. Обидевшись, она воспринимала меня как врага. Никаких переговоров — враг должен сначала просить прощения на коленях с цветами в зубах. Никакой подготовки — враг должен умереть с голода. Никакой стирки и глажки — враг должен ухаживать за собой сам.

Я бесился, доходил до белого каления, особенно когда в очередной раз пытался с ней поговорить, а она молчала; пытался ее обнять, а она с негодованием меня отталкивала.

И в ответ на всё — только отрывочные фразы «Отвали», «Руки убрал», «Иди к черту» и что-то вроде того.

Пару дней я прожил на положении чужого в своей же квартире, после чего озверел и высказал ей все, что думаю.

— Зачем ты раздуваешь из мухи слона? Я же старался сберечь наш же семейный бюджет! Таксисты эти охамевшие...

— Ты думаешь, дело в этом? Тогда ты еще больший идиот, чем я думала, — соизволила ответить Ксюша.

— Почему это я идиот? — распалился я.

Мы жутко скандалили — громко, с боем посуды, так, что даже Вася стучал кулаком в дверь, требуя успокоиться и грозясь вызвать участкового.

Ксюша собирала вещи, я кричал, чтобы она катилась куда хочет, потом умолял ее остаться и говорил, что люблю. Она что-то язвительно отвечала, и мы ссорились еще сильнее.

Под утро мы помирились и ознаменовали это безудержным сексом.

Через день я поехал к родителям.

Один.

ГЛАВА 23

У родителей

Питер покидал ночью и в смешанных чувствах: тесное купе, незнакомые попутчики, с которыми мне предстояло провести следующие двое суток, категорический отказ Ксюши ехать в мой, как она выразилась, Мухосранск...

Нижнюю полку занял региональный чиновник мелкого пошиба. Он представился Валерием Георгиевичем, назвал все свои регалии, после чего объявил условия проживания на временно вверенной ему территории купе: не шуметь, быть тише травы, ниже воды, не болтать, не хихикать, не ржать как лошади, употреблять пищу в порядке живой очереди, в туалет часто по ночам не ходить, терпеть, дверями не хлопать, с полки без необходимости не слезать.

Валерий Георгиевич был усат, пузат, одет в майку-алкоголичку и широкие брюки на подтяжках.

Первым делом он нацедил себе фляжку коньяка, спрятал ее под подушку и лег спать. Он громко сопел, храпел, да и спал беспокойно. Золотой человек, все о народе думал. На станциях просыпался, делал большой глоток из фляжки, кряхтел, тяжело, с одышкой, вставал и шел курить на перрон.

Вторая нижняя полка досталась его супруге, объемами не уступающей мужу. Тетенька сразу попыталась построить меня и третьего попутчика, коренастого парня моего возраста с обесцвеченными коротко стриженными волосами. Одет он был в шорты и футболку с изображением Барта Симпсона. Ему и пришлось выполнять поручения тетеньки: бегать за проводником, переставлять чиновничьи баулы и чемоданы. Я наотрез отказался быть мальчиком на побегушках.

— Никчемная молодежь нонче пошла, — возмутилась тетенька. — Ни стыда, ни совести, ни уважения к старшим...

— Ни желанья слушать ваше нытье, — перебил я и вышел из купе.

За мной увязался сосед по верхним полкам. Оказалось, тезка. Знакомясь, он представился Сергеем, но попросил называть себя

Корбеном.

— Корбен Даллас? — решил уточнить я. — «Пятый элемент»?

— Ну да, — ухмыльнулся он. — В детстве очень любил этот фильм, взял себе такой ник. А потом привязалось, теперь даже родители так называют.

Корбен был родом из Казахстана. Отучившись в Питере, нашел работу системного администратора на крупном предприятии, да так и остался. Как и я, он ехал навестить родных и повидать старых друзей в родном городе.

Мы долго стояли, смотря в окно и общаясь на нейтральные темы: кино, музыка. Пересказали друг другу любимые эпизоды «Симпсонов», «Футурамы», «Южного парка», перешли к играм, после чего переключились на различия жизни в России и Казахстане.

Стемнело. Решили пойти спать.

Я попробовал открыть дверь, но было заперто. Постучался. За дверью раздавался мерный храп.

— Закрылись? — удивился Корбен.

— Не всем дано лицезреть королевские телеса. Видать, переодевается дамочка.

— А может, они того... — захихикал он.

— Полка не выдержит, — констатировал я.

Нам пришлось долго топтаться у двери, тихонько постукивая, чтобы не разбудить соседей по вагону. В какой-то момент мне это надоело, и я замолотил в дверь кулаком. В это время поезд встал на каком-то полустанке, все затихло, и нас наконец услышали. Кто-то отпер дверь. Мы вошли.

В купе было душно. Чиновник с супругой делали вид, что спят.

— Добрый вечер, граждане пассажиры! — официально объявил я. — Вашему вниманию — чета вымирающего вида Хомо Чиновникус Бюрократус. Вид отличается повышенным эгоизмом и лицемерием. Много и обильно питается. Живет недолго — слабое сердце.

Корбен прыснул.

— Валера! — зашипела тетя. — Что ты молчишь?

— Что вы себе позволяете? — возмутился Валерий Георгиевич. — Я вас в бараний рог...

— Спокойной ночи, дядя.

— Кошмар, — зашептала тетя.

— И вам доброй ночи, тетя, — сказал Корбен.

— ...сотру, — закончил предложение дядя и заснул.

Мы по очереди расстелили белье, залезли на верхние полки, разделись и легли. Я вытащил смартфон, надел наушники и выучил еще несколько фраз на английском. Закончив, уснул.

Наутро тетенька, грубо пихая мужа в спину, разбудила его и усадила завтракать чем бог послал. Завтракать они предполагали вдвоем и заняли весь столик, а бог им послал вареную курицу, хлеб, масло, колбасу, соленья, копчености, сладости к чаю и еще бог весть что, я отслеживать не стал. Вместо этого пошел завтракать в вагон-ресторан, потому что купе наполнилось запахами, а я в дорогу никакой еды не взял. Не хотелось возиться, а Ксюша не стала настаивать.

Мы прошли несколько вагонов, добираясь до ресторана. По дороге остановились в одном из тамбуров. Корбен закурил. Я стрельнул у него сигарету. Переживания последних дней требовали выхода.

Попутчик предложил взять коньяка — весь этот и следующий дни нам предстояло трястись в поезде. Я не отказался.

Коньяк шел легко, за окнами проносилась заснеженная страна, а мы, размякнув, ударились в воспоминания, постоянно прерывая друг друга словами «Во, точно, у нас тоже так было!» и рассказывая что-то свое на ту же тему.

Немало говорили о спорте, перешли к бодибилдингу. Оказалось, что Корбен пару лет ходил качаться, но потом бросил.

— Что думаешь, как лучше себя вести в ситуациях, когда велика вероятность подраться? — спросил я.

Корбен задумался, предложил выпить и рассказал мне историю из своей юности:

— В школе у нас каждый был за себя. Нет, конечно, все мы часто друг с другом общались, помогали по учебе и не только, проводили много времени вместе. Но когда после уроков нас встречала гопота, вся дружба быстро забывалась. Среди нас просто не было лидера, а нам хотелось окончить школу не в инвалидной коляске.

Меня спасало упорство. Когда просили дать «поносить» золотую цепочку — я говорил прямо: «Не дам». Меня били, но я: «Не дам». Меня просили дать денег — я говорил: «Не дам». Я всегда стоял на своем, как бы меня ни запугивали и кто бы передо мной ни стоял. Мне это казалось удивительным: ведь их всегда больше, они всегда сильнее и старше. Но почему-то их мое упрямство вводило в ступор, и меня отпускали, слегка подпортив внешний вид.

Особняком стояла пара неразлучных друзей. Один гораздо старше нас и, по слухам, в близком контакте с «общаком», а второй — воспитанник детдома.

С малого возраста нас пугали этим общаком и заставляли собирать деньги и чай «на грев». Поэтому тех, кто связан с этим, боялись.

Так мы и проучились последние годы в школе, после чего я поступил в университет и с облегчением уехал от всех этих «традиций» в Питер.

Спустя полгода наступили долгожданные зимние каникулы. Я приехал домой, к родным и друзьям, и не мог нарадоваться нашему воссоединению. Я пытался увидеться со всеми, кого когда-либо знал за все семнадцать лет жизни.

В один из вечеров мы пошли в компьютерный клуб. Через какое-то время туда вошел хорошо знакомый мне детдомовский персонаж. Не подавая виду, я продолжал играть, мысленно отмечая, как он по очереди вызывает на улицу всех, кто сидел в зале, и размышляя, что я ему скажу, когда наступит моя очередь.

Как только закончились дети, настал мой черед. А я ведь в то время уже был самостоятельным студентом и у меня был свой бумажник. А значит, скрыть деньги — не вариант. Меня вызвали поговорить на улицу, где без прелюдий начали требовать деньги. Я не придумал ничего более умного, чем повторять излюбленное «Не дам». Такого он явно не ожидал: все, кого он вызывал до меня, расстались со своими кровными без пререканий.

Детдомовец взял меня за воротник и потянул в сторону, приговаривая «Пошли, поговорим за гаражи». Я понимал, что туда мне с ним никак нельзя.

И тогда я решился. Сжав руку в кулак, немного отвел ее назад, размахнулся и вмазал ему в морду. До этого дрался я в жизни ровно

полтора раза: один раз с другом и половину — с сестренкой. Опыта не хватило, удар прошел по касательной и не передал его голове всего моего импульса, но ему было достаточно. Его узкие глаза округлились.

Он не мог сообразить, что произошло и как теперь ему со мной себя вести. Но после небольшой рекламной паузы он понесся на меня, выплевывая угрозы. Не знаю, что бы произошло в следующий миг и как бы я себя повел — была бы драка или избиение, а может, и вовсе убийство. Но его успели схватить и оттащить в сторону, а я, перебирая гуттаперчевыми ногами, поплелся по направлению к дому. Разумеется, он кричал мне вслед не «Счастливого пути!», но я не обращал внимания — мне нужен был тайм-аут.

Спустя пару лет я снова приехал домой на каникулы. Вечером мать отправила меня в магазин. Зрение у меня отличное, спасибо предкам, и, когда я почти дошел до точки, в ночном полумраке разглядел того самого детдомовца в компании какого-то громадного товарища.

Я не стал пытаться судьбу, развернулся и пошел обратно, будто ничего и не произошло, надеясь, что зрение у него хуже моего.

Ты спросишь, какова мораль? Бояться не стоит никого и ничего, но терять рассудок противопоказано. Любую ситуацию можно направить в мирное русло.

Но и давать себя в обиду не стоит, как и надеяться на чью-то помощь. В этой жизни все мы по большому счету сами за себя.

Корбен закончил историю и задумался.

— Лучше не драться, но если драки не избежать — дерись, — засмеялся я. — Я тебя понял, чувак. Давай выпьем?

— Давай, — согласился Корбен. — За понимание!

— Поешь еще, Сереж, — сказала мама.

— Мам, я наелся, спасибо.

Честно говоря, я еле осилил вторую порцию маминой запеканки. Вторую неделю я дома, а мама все не успокаивалась. Для нее я был все еще маленький Сережа, который вечно отлынивал от завтрака, терпеть не мог супы и воротил нос от манной каши. А если в тарелке обнаруживался вареный лук... В детстве мне очень нравился борщ, но

я терпеть не мог капусту. И никак не мог понять, почему мать с отцом так смеялись, когда я просил варить борщ без нее.

А вот в студенчестве, когда я начал жить без родительской опеки, детские капризы про вареный лук и капусту в борще стали неактуальны. Да и возить ложкой по дну тарелки стало опрометчиво — готовили мы вместе, ели с одной сковородки, а щелкать клювом в большой семье значит остаться голодным. В общем, за годы студенчества я стал всеяден, но каждый раз, когда возвращался домой на каникулы, мама готовила только мои любимые блюда.

И в каждый мой приезд мама, увидев меня, всплескивала руками:
— Боже мой, исхудал-то как, мальчик мой!

И пока заросшего щетиной мальчика душил в объятьях отец, мама, с каждой фразой переходя на новый уровень справедливого негодования, костерила виновных, по ее мнению, в отощавшем сыне. Доставалось всем: от толстого Вадика, моего соседа по комнате, до министерства образования. Особенно мне было обидно за Вадика. Питался он как воробушек, а толстый был из-за неправильного обмена веществ. Но мама Вадика все равно почему-то не доверяла. Тот потом уехал в Штаты и на их фастфуде раскабанел еще больше. И тут уже сложно сказать: неправильный обмен веществ тому виной или что-то иное.

Я уже не тот тощий студент, но то, что готовит мама, вкусно всегда, как бы сыт я ни был. Для нее готовить нам с отцом — истинное удовольствие, так она проявляет свою любовь. Наша же любовь к маме заключалась в том, что мы съедали все предложенное.

Тепло отчего дома, улицы родного города и друзья детства помогли мне отвлечься от последних событий. Лидка, Леха, Панченко, Иван... Образы потускнели, казалось, что я в другом мире — без подковерных игр, предательства и лжи. Весь негатив последних дней растворился в прошлом.

Сидевший в кресле с газетой отец поднял на меня взгляд, чему-то улыбнулся и спросил:

— Какие планы, Сереж?

— Встречаюсь с друзьями.

— Хоть бы вечер дома провел, — возмутилась мама. — Каждый вечер одно и то же — друзья! Ты б вчера его видел, Саш. Его Пахомов

с Денисовым привели! Утром! Да и ты тоже хорош, — внезапно переключилась она на отца, — уже сам распиваешь с ним! Пьяницы! Оба!

Мама была неудержима в своем праведном гневе. Отец мне подмигнул: мол, гуляй, я задержу.

Я выскользнул из-за стола и пошел собираться. Невольно улыбнулся, вспомнив, что вчера мы с друзьями действительно хорошо погуляли, в итоге добравшись до караоке. Голоса у меня сроду не было, но я все-таки спел что-то из «Наутилуса», сорвав связки и заработав минимум баллов — пел я с выключенным микрофоном.

С Вовкой и Сашкой мы дружили с детства. Росли в одном дворе, учились в одном классе. Когда были маленькими, строили зимой снежные крепости и играли в снежки, а летом — в вышибалы и прятки. И, конечно, пешком ходили на речку — плавать, рыбачить, печь картошку.

Да чем мы только не занимались! Стоило одному из нас чем-то увлечься, как этим увлекались все трое.

Как-то Вовка принес в школу шахматы. Он объяснил нам правила, и неожиданно все мы увлеклись не на шутку. Мы записались в клуб «Е2–Е4» и соревновались, решая на скорость шахматные задачки из местной газеты.

После «Евро-96» увлеклись футболом, и каждый из нас знал полный состав всех сборных, участвовавших в чемпионате. Мы собирали наклейки Panini с фотографиями футболистов. Я подписался на газету «Спорт-Экспресс», а Сашка на сбережения купил настоящий кожаный мяч. Мы играли в «Америку», «Семнадцать» и «На лучшего вратаря»^[32], а потом и за сборную двора.

Мы разводили рыбок. На день рождения Вовке подарили литровую банку с парочкой гуппи — с них мы и начали. К моменту, когда интерес к рыбкам сошел на нет, мы знали о них почти все, а потомство наших гурами, макроподов и скалярий плавало не в одном аквариуме города.

После «Веселой семейки» Носова мы решили завести инкубатор и вывести цыплят, но так и не нашли свежеснесенных яиц. А после «Республики ШКИД» стали выпускать журнал «Справедливость». Справедливость заключалась в том, что Вовка писал язвительные фельетоны об одноклассниках, я — стихи, где пропесочивал двоечников и лентяев, а Сашка рисовал иллюстрации. Хулиганы на его картинках были маленькие, а мы — большие, настолько, что видны были только наши ноги. К третьему номеру мы исчерпали весь яд, и журнал сам собой закрылся.

Игровая приставка PlayStation сначала появилась у меня. Ночами мы закрывались в моей комнате и играли. Вместе мы прошли много игр, но только одна стала нашей любимой — Mortal Kombat. Часами мы разучивали комбинации, добивания, постоянно проводили турниры между собой и искали секреты. Мы затерли до дыр кассеты с одноименными фильмом и сериалом.

Потом началась эра компьютерных клубов, и наш клан гремел по всему городу. Мы выносили почти всех в одну калитку — в Quake 3, в StarCraft, в Counter Strike, да во все.

В пубертатный период мы с Вовкой вошли влюбленные в кинозвезд, а Сашка — в Бритни Спирс.

Он не вылезал с ее официального сайта, где оставлял любовные признания. Сочинял он по-русски, потом переводил и отправлял готовый текст. Только зря он это делал на уроке физики. Его письмо попало к нашему классному Льву Мироновичу, который счел нужным продекламировать Сашкины откровения всему классу. Читал он с выражением, а под конец поднял красного потеющего Сашку со стула и подвел итоги:

— И дело не в теме вашего письма, Денисов, — сказал он под незатихающий гогот всего класса. — Любовь — светлое и заслуживающее уважения чувство. Дело в вашей вопиющей безграмотности! Сначала надо научиться писать грамотно, а потом за письма любовные браться.

Хорошо что он не знал того постыдного факта, что по Сашкиным рекомендациям обучаются русскому языку албанские школьники, с которыми он переписывался на каком-то форуме. «Дарагой друк»...

В школе очкастого Вовку Пахомова любили учителя и недолюбливали одноклассники. Его дразнили ботаником и считали выскочкой.

Толстого Сашку Денисова называли не иначе как пончиком.

К Сашке относились скорее равнодушно, Вовка же всегда вызывал антипатию. Маленький, взъерошенный, он всегда говорил правду в глаза, не юлил, не подсказывал и не давал списывать. В драке он был агрессивным, как бешеный хомячок: напрыгивал, молотил руками по воздуху. Но все заканчивалось, как только с него слетали очки. Он всегда видел плохо — что-то врожденное.

Сашка страдал одышкой и драться боялся, несмотря на большой рост и вес. Над ним издевались регулярно и безнаказанно: пинали под зад, прятали вещи, стирали мел с доски его зимней шапкой, закидывали ранец на дерево. Дети вообще жестоки, а Сашка к тому же никогда не вызывал сочувствия. У него была только мать, маленькая худенькая женщина, работавшая уборщицей в трех местах. У тети Раи никогда не хватало времени на сына: жив-здоров, и слава богу. Рос он быстро, причем не только ввысь. Штаны и рукава ему были коротки, а заплатки на коленках и локтях совсем не красили. Стригла тетя Рая сына сама и нечасто, так что в целом вид он имел неопрятный — форма не по размеру, сальные волосы, грязный воротник.

Забитый и убогий Сашка, ершистый ботаник Вовка были моими лучшими друзьями. Я никогда не вступался за них, а они — за меня, хотя мы после одноименного фильма называли себя бригадой.

Более того, в школе я старался держаться от них подальше. Я и сам не пользовался большим авторитетом в классе, но все-таки мое положение было не таким безнадежным. Я хорошо учился, но не настолько, чтобы вызывать ненависть наших двоечников, безусловных заводил и спортсменов. Самым сильным у нас был Петя Бурганов. От него и его подпевал и доставалось чаще всего Пахомову с Денисовым. Ко мне Петя относился нейтрально, и в тех редких случаях, когда он проявлял ко мне благосклонность (например, когда я подсказывал ему верный ответ на контрольной), мне было приятно.

Вовка с Сашкой относились к моему поведению с пониманием, а я считал, что они должны гордиться дружбой со мной.

Жизнь нас раскидала. После школы я поступил в Питер, да так там и остался. Вовка окончил школу с отличием и уехал учиться в Тюмень, после чего вернулся и работал инженером на местном предприятии. Сашка после восьмого класса поступил в техникум, отслужил в армии и нашел работу в охранном агентстве. Он уже не толстый, скорее здоровый, и драться не боится.

Во дворе посигналили.

— Сереж, за тобой, — сказала мама, выглянув в окно.

Я быстро оделся и спустился. Из выхлопной трубы Вовкиной «девятки» шел густой дым, а сам он, притопывая, мерз у машины. Дым подсвечивался габаритными огнями и выглядел зловеще. Маленький Вовка, в дубленке и бобровой шапке, напротив, смотрелся забавно.

Я вышел из подъезда и сразу же ощутил пощипывание в носу — мороз. Февраль.

— Еле завелся сегодня, — бубнил Вовка в перчатки. — Как ты после вчерашнего?

— Проспал до обеда, выпил все молоко и воду из крана, — ответил я.

— Счастливчик, — позавидовал он. — Я только с работы. Еще и генеральный сегодня разнос устроил. Жена весь день звонит и пилит... Сегодня спрашивала, когда ты уедешь наконец. Я сказал, что, если она не перестанет, ты тут вообще навсегда останешься.

Посмеялись.

— А Сашка где?

— Он сразу после работы туда едет. В «Ковчег», ты ж там еще не был. Живая музыка, саксофон, тебе понравится.

В машине казалось холоднее, чем на улице. Вовка, осторожно развернувшись — он только недавно купил машину и получил права, — выехал со двора на улицу. Разницы в освещении почти не было, фонари в городе в большом дефиците. Ехал Вовка аккуратно.

Проехали парк Ленина, свернули на Вавилова, потом на Попова, и вот мы в седьмом микрорайоне. Еще пять минут, и вот они — огни

«Ковчега».

Поставив машину, зашли в ресторан, сдали одежду в гардероб. Вовка снял очки и протер запотевшие стекла. Вернув очки на место, он оглянулся и неуверенно спросил:

— Идем?

Я кивнул, и мы зашли в общий зал.

Было шумно. По прокуренному помещению сновали официанты в тельняшках, а весь интерьер был выполнен в морском стиле. В углу заметили одинокого Сашку и протиснулись к нему. Увидев нас, он расплылся в улыбке и встал из-за стола. Скамейка, с которой он поднялся, закачалась, начала заваливаться и упала бы, если бы не стена. Сашка не заметил, обнял меня, Вовку и снова сел.

Мы устроились напротив. Подбежала официантка, бросила на стол меню и удалилась. Вовка потер ладони и взял в руки меню:

— Сейчас бы соляночки горячей!

— А я бы шашлычку заказал, — сказал Сашка. — Совсем отвык от еды нормальной. Мать болеет, не до готовки. А я что — пельмени сварить, картошки пожарить. В столовой на работе всякую хрень подают, и дорого, блин. А ты, Серег, что будешь?

— Да я из дома, только поужинал, закуски только если какой.

Вернулась официантка — руки в боки, взгляд усталый и равнодушный.

— Ну че, выбрали?

Вовка сделал заказ.

— Водку сразу! — скомандовал Сашка официантке и закурил.

Автоматически мы тоже потянулись за сигаретами. Пообещал себе: вернусь в Питер — снова брошу.

В школе не пили и не курили. Мы с Пахомовым начали в институте, а Сашка — в армии.

— А помните Людмилу Ивановну? Ну, она еще меня постригла? — вспомнил Сашка. — Я тогда зарос, помню, а она не выдержала и прямо на уроке меня постригла!

— Э-э-э... — протянули мы.

Конечно, помним. Злющая математичка под хохот всего класса вытащила Сашку за патлы к доске и остригла. И не сказать, чтобы его прическа стала образцом парикмахерского искусства. Скорее это было

похоже на образчик буржуазной пропаганды или веяние моды двадцать первого века. Но дело, конечно, не в прическе. Просто вряд ли математичка осмелилась бы так поступить с кем-то еще. Тихая и забитая тетя Рая не стала скандалить и разбираться. И это снова утвердило класс в мысли: над Денисовым можно издеваться безнаказанно.

— Ну, так помните или нет? — возбужденно переспросил он.

— Помним.

— Ну вот, у нее, оказывается, есть дочка! Сегодня познакомился с ней, Верой зовут...

— Погоди, — перебил его Вовка. — Часом не Погодина фамилия? Рыжая такая, невысокая...

— Ага, точно! А ты ее знаешь, что ли?

— Еще бы не знать. Валька Погодин со мной работает, это его жена бывшая. Развелись они года два назад.

— Ну и что, что развелись, — помрачнел Сашка. — Всякое бывает, характерами не сошлись, может. И дочка у нее есть, я в курсе.

— Может, и характерами, — протянул Вовка. — Только не думаю я, что тебе ее характер понравится. Ш...

— Закрыли тему! — отрубил Денисов и встал из-за стола. — Свои мозги есть. Я отойду.

Пахомов затыкнулся, изучил поверхность стола и тихо сказал:

— Гуляла она сильно. Валька переживал, прощал, верил ее выдумкам... Ладно, сам разберется. А ты как? Верить своей?

— Верю, — ответил я и зачем-то полез в карман за телефоном.

Набрал питерский номер — гудки. Я был спокоен, но в глубине души нарастало неприятное липкое чувство. Позвонил на Ксюшин мобильный, посчитал гудки. Раз, два, три... Вернулся Сашка. Вовка внимательно наблюдал за мной. Семь, восемь...

— Алло?

— Ксюш, привет! Ты где?

Плохая связь, но в трубке все равно были слышны чей-то смех и музыка. Подошла официантка и начала шумно расставлять приборы, водку, графин с соком. Я с трудом разбирал, что говорила в трубку Ксюша:

— Сереж, все хорошо... зашла в кафе... домой... Когда вернешься?

— Скоро, родная. Не скучай, люблю тебя!

— ...Пока!

И снова гудки. Натянув улыбку, отключился и положил телефон в карман.

— Привет бы хоть передал, — укоризненно сказал Сашка.

— Да сыта она уже вашими приветами, в гости вас зовет. Приедете?

— Хм-м... — переглянулись друзья. — Летом? На свадьбу?

Я помолчал. О свадьбе Ксюша не хотела ни говорить, ни слышать. Институт надо окончить, стаж набрать, для себя пожить, мне на ноги встать — причин много. Но объяснять это друзьям не хотелось.

— Посмотрим, еще не думали, — сказал я. — Но приглашу любому.

— За это и выпьем, — предложил Вовка и протянул рюмку.

Мы начали вторую бутылку водки. От шашлыка остались обглоданные ребрышки, а пепельница была полна окурков. На мой вопрос, меняют ли тут их, Сашка удивленно пожал плечами: «Зачем?» И правда, зачем. Провинциальный сервис.

Настроения не было. Несколько раз безуспешно звонил домой в Питер. Снова терзать Ксюшин мобильный не хотелось: не хватало, чтобы она меня еще заподозрила в излишнем контроле или ревности.

— Петька! — радостно воскликнул Сашка.

К нам подошел какой-то неопрятный мужик. Черты лица были мне смутно знакомы, но я не мог вспомнить, где его видел. Внутри что-то зашевелилось.

— Кто такой? — тихо спросил я у Вовки, не отводя взгляда от мужика.

— Петька Бурганов, если помнишь, одноклассник наш.

Помню ли я Бурганова? Наш школьный кошмар? Сколько издевательств от него пришлось вытерпеть — и мне, и ребятам. Перед окончанием школы тот связался с какими-то уголовниками, и житья нам совсем не стало. И тем непонятнее мне была радость Сашки с Вовкой.

— Садись, Петруха! — пожал ему руку Сашка и движением пригласил за стол.

Мужик поздоровался за руку с каждым и сел рядом с Сашкой.

— Бали-и-ин! — взгляделся мужик в меня. — Резвей! Ты, что ли? Приехал?

— Я. Приехал.

— А я слышал, ты в Москве сейчас! Ну дела! — зашумел он. — Наливайте, мужики!

Сашка знаками показал официантке, что нужна еще рюмка.

— Да не в Москве он, — поправил Вовка, — в Ленинграде. Неделю уже как в городе.

— Да нам все одно — столица! — отмахнулся Бурганов. — Ну, как ты там, Серега? Женился? Дети? У меня трое уже: два сына, дочка! Эх, как же я рад тебя видеть, дружище! Мы же, считай, со школы и не виделись! А помнишь, как мы в шестом классе...

— Слушай, тебе чего надо? — перебил я его. — Откуда такая душевность? С чего бы вдруг?

— Серег, ты чего?..

— Да ничего. Где твоя душевность была в школьное время? Поднял жопу и исчез. Быстро.

Бурганов потемнел лицом. Улыбка пропала. Он встал, не чокаясь выпил и утерся рукавом. Ребята попытались его усадить, но он отмахнулся.

— Вот ты какой стал, Серега, в Ленинграде своем. Уж сколько слышал о ленинградцах, всегда только хорошее. Мол, и люди там душевные, и вообще. Да только, видать, не в том Ленинграде ты живешь. Откуда ж в тебе гнили болотной столько, вроде не коренной ты там? — Бурганов пожал руки Пахомову и Денисову. — Спасибо, мужики, свидимся еще.

Смерив меня взглядом, он ушел в другой конец зала. Молчание прервал тихий Сашкин голос:

— Зря ты так с Петькой-то. Он через многое прошел, повоевать даже пришлось... Мать умерла, пока он служил. Нормальный он мужик, не то что... Ладно, пора мне, вставать рано.

— Докинуть? — спросил Вовка.

— Да сам доберусь.

С этими словами Сашка вытащил из бумажника тысячную купюру, кинул ее на стол и ушел. Вовка тоже засобирался.

— Серег, поехали тоже. Моя беспокоится, домой надо.

— Езжай, я посижу еще, — ответил я.

— Ну, до завтра тогда. Родителям привет.

Вовка оделся, постоял, переминаясь с ноги на ногу, сказал:

— И это... Помнишь, как мы ночами напролет играли в Mortal Combat? Ты же никогда не добивал, а выбирал дружбу. Помнишь?

И ушел.

Я заказал еще водки и снова позвонил домой.

Никто не ответил.

ГЛАВА 24

Искренне ваш

После внезапного отъезда друзей я немного посидел в одиночестве, допивая водку и упорно пытаюсь дозвониться до Ксюши. Дома никто не отвечал, а ее мобильный равнодушным женским голосом сообщал, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Не чувствуя вкуса, глотал водку. Я то злился на друзей, обидевшихся из-за какого-то Бурганова, который их же в детстве гнобил, то терзался ревностью, то впадал в беспокойство по поводу того, что с любимой могло что-то случиться.

Решил лететь домой.

Из «Ковчега» помчался в авиакассы и купил билет на первый самолет до Питера. Рейс был ночной, времени на сборы и прощания оставалось немного. Мама распереживалась, но я сослался на внезапный вызов на работу.

Отец молча дал мне денег. Я пытался отказаться, но он твердо вложил мне их в руку и сказал:

— Поиздержался ты, сынок. Сам же говорил. Лишними не будут. А у нас всё есть, живы будем — не помрем.

Посидели на дорожку. Мама заплакала, обняла, крепко прижала, погладила по голове, требуя звонить как можно чаще и приезжать.

Отец довез до аэропорта, наказал позвонить по прилете. Мы обнялись, и батя уехал. С его отъездом я, словно вынырнув из теплой ванны, вновь оказался в собственной взрослой жизни. Эмоции последних дней от семейного уюта, любящих родителей и старых друзей схлынули, оставив легкий привкус горечи расставания.

Когда приземлились, было раннее утро. Я вышел из аэропорта в мокрую питерскую хмарь. Дежавю. Полторы недели назад я так же стоял на этом месте, высматривая такси, а рядом возле чемоданов зябко переминалась Ксюша. Я пожалел, что не взял с собой сигарет: хотелось курить.

Не торгуясь, сел в первую же машину, назвал адрес. Мы тронулись, и я слегка успокоился.

Приехав, я поднялся на свой этаж и позвонил в дверь. Мне открыла заспанная Ксюша, удивилась, обрадовалась, кинулась мне в объятия, окутывая меня теплом и уютом. Я разделся, и мы пошли досыпать вместе...

— Приехали, — разбудил меня таксист.

Я потянулся, пытаюсь сообразить, где я. Голова раскалывалась — пришло похмелье.

Расплатился с таксистом, вошел в подъезд и быстро поднялся. Решив не будить Ксюшу и надеясь, что она дома и с ней все в порядке, я всунул ключ в замочную скважину. Тот не вошел, дверь была заперта изнутри. Облегченно вздохнув — любимая дома, — я сначала тихонько постучал, а потом стал звонить в дверь. Ждал долго. Я даже стучал в дверь ногами, пока не услышал тихий Ксюшин голос:

— Иду.

Не спрашивая, кто там, она открыла дверь и посмотрела на меня. Ее зрачки расширились, а рот приоткрылся в удивлении.

Заспанная, с тяжелым мутным взглядом, в халате на голое тело. Ксюша, тряхнув спутанными волосами, сделала жест рукой:

— Заходи.

Я ощутил, что мне не рады. В квартире стоял тяжелый запах попойки. Было очень накурено. На кухне стояла допитая бутылка вина, пара фужеров, набитая окурками пепельница. Несколько пустых бутылок валялись на полу. От чувства неизбежной беды бег сердца ускорился, меня прошиб пот. Все кошмары, которыми я накручивал себя в полете, сбылись. На вешалке я увидел чужую мужскую куртку, на полу — обувь.

Ксюша села на стул, закинув ногу на ногу, закурила и невозмутимо наблюдала за мной. Я, малодушно стараясь оттянуть страшное, никак не решался войти в спальню. Наконец, собравшись, открыл дверь.

На моей — нашей! — кровати спал какой-то мужик. Его волосатая нога торчала из-под одеяла.

Я всмотрелся в его лицо и узнал. Это был Захар.

Сюрприз удался.

Боль рвала на части, кровь кипела от адреналина, мне хотелось выть от груза разрушенных надежд и мечтаний.

«Летом? На свадьбу?»

Я взял со стола его сигареты и закурил. Некоторое время молча стоял, смотрел на этого парня, ворвавшегося в мою жизнь, в мой дом, в мою постель и в мою женщину, курил и думал, что делать. На полу возле кровати я заметил использованные шприцы.

Мне стали понятны Ксюшины заторможенность и спокойствие.

Я даже не мог назвать это предательством. Все, что я себе навывдумывал о наших отношениях, нормально вписывалось в систему современных товарно-денежных отношений.

Части мозаики сложились в полную картину.

Как был, в обуви, я запрыгнул на кровать, изо всей силы вломил Захару носком ботинка между ног, а потом, не давая подняться, хладнокровно бил кулаками. Он скулил, закрывался руками, а я бил в незащищенные места, не чувствуя боли от разбитых костяшек.

Завизжала Ксения, попыталась меня остановить. Отмахнулся, она споткнулась и упала, ударившись головой. Обернулся посмотреть, что с ней. Она села, опершись спиной о стену, и тихонько ныла, держась за ушибленный затылок.

Я пошел за шваброй. Опомившись, Захар побежал на выход, проскочив мимо меня. По дороге он задел плечом угол и рухнул на пол.

Я сломал швабру о его спину и пинками выкинул его из моего дома.

— Еще раз увижу — убью, — предупредил я, захлопывая за ним дверь.

К этому моменту я уже успокоился. Выпил воды из-под крана, не найдя чистой посуды. Потом прикурил еще сигарету и, обводя ею пространство, сказал Ксении:

— Собери его шмотки и выкинь. Потом вылижешь здесь все дочиста, тварь, и чтобы я тебя больше не видел.

Ксения испуганно закивала. До нее все-таки дошло, и ее пробрало.

К середине дня она закончила, собрала свои вещи, подошла ко мне и вопросительно посмотрела. Я кивнул:

— Свободна.

Она ушла, хлопнув дверью.

Я собрал все постельное белье, полотенца, ваннные принадлежности, предметы гигиены в мешок — все новое, купленное в наш первый совместный шопинг, — вынес во двор к мусорным бакам и поджег. В черном густом дыме с хлопьями мне чудились смеющиеся черти. В горле что-то сжалось, потекли слезы.

Вызвал клининговую компанию, чтобы они еще раз все вымыли и продезинфицировали. Сам побрезговал.

На ночь я открыл все окна, выветривая запахи притона, а сам поехал ночевать в небольшой скромный отель. По дороге заехал в супермаркет — прихватил бутылку водки, не разбирая накидал в корзину закусок, воды, соков и сигарет. Позвонил родителям, успокоил, извинился, что не сообщил сразу. Отключил телефон.

До конца отпуска оставалось четыре дня, и мне нужно было понять, как жить дальше.

Но в ту ночь я должен был просто выпить за упокой.

Все светлое, чем я жил, умерло.

Проспал весь день. Проснувшись, сходил поужинать в ресторан при отеле, выпил пару бокалов пива и вернулся в номер. Возвращаться домой желания не было, мне хотелось выморозить и выветрить дух предательства из квартиры. Я продлил номер на сутки и с чистой совестью, заказав в номер бутылку односолодового виски, продолжил искать утешения в бутылке вопреки Лехиным советам.

К середине бутылки во мне стал пробуждаться вкус к жизни. Я включил телефон, полистал контакты, потом вошел в соцсеть и прошелся по ленте друзей. Некая Элина Ивлева писала, что хочет развлечься. Элина хочет развлечься? Ух ты! Я открыл ее профиль и настроил сообщение.

«Привет, Элина! Это Сергей. Помнишь, мы вместе на тренинг ходили?»

«Привет! Помню))) Как дела?»

«Грущу. Почему-то вспомнил о тебе и решил написать. Как ты?»

«Все хорошо, смотрю телевизор, скучаю. (((Что у тебя случилось?»

Я на секунду задумался и решил быть откровенным.

«Расстался с девушкой, а в остальном все нормально».

«Пичалька (((».

«Все нормально. Давай сейчас встретимся?»

Элина не отвечала долго — я успел налить, выпить, выкурить сигарету, снова выпить. Наконец раздался звук сообщения.

«Если ненадолго... Где?»

«Дашь свой номер? Я позвоню, придумаем где».

«Не-а, не дам))) Говори, куда подъехать?»

Мне захотелось рискнуть.

«Я в отеле “Братья Карамазовы”. Здесь хороший виски и большая упругая кровать».

Ощущая себя игроком в покер, пошедшим ва-банк со слабой рукой, я закурил, продумывая возможные варианты: как бы все сгладить и не спугнуть.

«Надеюсь, виски действительно хорош. Через час встречай в лобби».

И вот тогда я действительно занервничал. Пить виски ночью в номер к мужчине приезжают не просто для того, чтобы мило пообщаться ни о чем.

Спустя час я, смущаясь, провел ее в номер, потом взял себя в руки, запретив себе думать о ее прелестях и настраиваясь воспринимать ее как старого друга, запросто стал разговаривать с ней, легко переходя с темы на тему.

Вскоре мы были достаточно пьяны, чтобы обсудить сексуальные предпочтения, а потом и слиться в поцелуе.

Элина оказалась искушенной и страстной любовницей.

Проснулся я один. Лишь окурки со следами губной помады в пепельнице говорили о том, что я провел ночь с женщиной.

Она не оставила свой номер телефона, а когда я попробовал написать ей в соцсети, понял, что она меня заблокировала.

Видимо, я был взвешен, измерен и признан непригодным.

Мое мужское самолюбие попеременно испытало восторг и негодование. Меня оскорбили легкость, с которой я добился этой роскошной женщины, и то, с какой легкостью меня забраковали. Я было задумался, кто кого использовал, но потом плюнул, загнал все эти мысли в подвал, запер и вылез в реальный мир.

В мир целей и достижений.

Анализируя последние события, я понял, что расслабился. Надо было брать себя в руки. После ночи с Элиной я выписался из отеля и вернулся домой.

Запретив себе думать о Ксении, Лиде, Рите, Элине, да и вообще обо всем, что сбивало меня с цели, я сосредоточился на себе.

Первым делом расписал план до конца года. В него вошли тренировки, совершенствование английского, несколько профессиональных тренингов. По утрам я решил чередовать бег и плавание. Подумав, внес в план короткий тренинг по психологии семейных отношений. Решился сделать лазерную коррекцию зрения и заняться зубами. Хорошая улыбка, хорошее зрение — плюс сто к харизме и боевым навыкам.

Закончив с планом, я созвонился с Иваном, сказал ему, что только вернулся от родителей, и договорился о вечерней тренировке.

Длительный перерыв в тренировках был замечен, я с трудом поднимал ранее разминочные для меня веса. Потратил пару часов на общение с Ваней, рассказал ему о разрыве с Ксенией, не объясняя причины.

В последний день отпуска привел в порядок весь гардероб, сходил на тренировку по рукопашному бою, купил абонемент в бассейн, забил холодильник и сделал заказ на спортивное питание.

На мне висели кредит и долг перед компанией, пришлось резко урезать планируемые расходы. Все необходимое я приобрел на деньги, полученные от родителей. Оставалось немного, чтобы дожить до зарплаты.

Все свои силы я решил вложить в повышение эффективности на работе.

Я приезжал в офис первым и, когда народ только начинал просыпаться, глотая литры кофе, блуждая по кабинетам и курилкам, успевал проделать большой объем работы: составить план на день, ответить на почту, расписать задания.

Когда коллеги входили в строй, я выполнял самую сложную задачу из моего плана на день, требующую максимальных трудозатрат или времени. Да, я съедал ту самую лягушку^[33], после которой спокойно выполнял оставшиеся пункты плана.

Не всем удалось войти в мой ритм. Ребята, работающие со мной по проектам, подняли бунт. Они не успевали выполнять все, что я от них требовал в ими же озвученные сроки. С бунтарями поступил жестко. Кто-то лишился бонуса, кто-то был уволен.

Юра Бажов, выписавшийся из больницы и сейчас выполнявший поручения Панченко, был задействован в одном из моих проектов. Он сорвал сроки по сдаче технической спецификации. Я дал ему время до утра: придется ему ночевать на работе.

Стажер побежал жаловаться Косте, тот — к Степанычу. Закончилось вызовом на ковер к Кацюбе всех участников забега. Я объяснил шефу, чем чреваты задержки по проекту: утратой репутации в глазах крупного заказчика, разрывом договора и серьезными финансовыми потерями.

Кацюба проникся, сделал выговор Степанычу. Тот разозлился и лишил Костю бонуса. А уж как злился Костя... Бедный Юра был размазан по стенке, четвертован, сожжен на костре и колесован — в Панченко дремал садист.

Собираясь с работы, я подошел к Юре:

— В следующий раз выкину с работы, ушлепок. И не дай бог утром результата не будет, Бажов. Конец тебе.

— Але, Резвей, это мой стажер! — вмешался Костя. — Не фиг командовать.

— Ты уверен, что это твой стажер? — я улыбнулся, сделав упор на слове «твой». — Этот мелкий олух уже капает на тебя Степанычу, если не знал.

— Что?! — заорал ошарашенный моей ложью Юра.

— Не ври! — поддержал подопечного Панченко.

— Не врать? Да легко. Вот ты думаешь, что Лида — твоя девушка, да?

— Ты офигел? — выпучив глаза, заголосила Лидка.

— Да ты думай, не думай... — продолжил я, обращаясь к Косте. — Как-нибудь на досуге спроси у нее, как дела у Лени Ткача.

— Ты что несешь? — возмущился Костя и перевел взгляд на Лиду. Та пошла пятнами и уставилась в монитор.

— И правда, старик, успокоился бы ты, — недвусмысленно посоветовал Миха. — А то...

— А то что? В лоб хочешь? Не вопрос. А дальше? Побежишь к шлюхам раны зализывать?

— Да ты... — Миха закашлялся и покраснел. — Ты что несешь?

— А что? Завязал? Деньги закончились?

— Да пошел ты! — взорвался Миха. Окружающие, шокированные потоком откровений, замерли.

— Вмешиваться не надо было, маленький гигант большого секса, — сказал я и вернулся к Юре. — Чтобы завтра. С утра. Как следует. У меня на столе. Понял?

— Понял, — сглотнул он.

— А ты не охренел, Резвей? — лениво спросил Саня Бородаенко, откусывая от шоколадного батончика.

— Не думаю. Лепи свои демотиваторы, не отвлекайся, Малевич.

В абсолютной тишине было слышно, как Саня поперхнулся.

— Следи за метлой, Резвей, — очнулся Саня.

— Прежде сам научись, трепло.

Я огляделся, задерживая взгляд на каждом:

— Чего уставились? Своих проблем мало?

Из кабинета я выходил, чувствуя, как под злобными взглядами дымится спина.

Поздно вечером, возвращаясь с курсов, увидел возле входной подъездной двери пакет с мусором.

— Да ты заколебал! — взбесился я.

Взяв пакет, поднялся на площадку Артура и высыпал мусор под его дверью.

— Хрю-хрю, Артурчик!

Потом спустился к себе и увидел, что Васин Полкан не изменил предпочтений по части мест опорожнения кишечника. С помощью мусорного пакета собрал отходы и тонким слоем нанес на дверную ручку соседа.

В надежде на понимание, искренне ваш сосед Сергей Резвей.

ГЛАВА 25

Вторая натура

Наступила долгожданная весна. Солнышко пока было хмурым, но сосульки уже закапали. Питерские улицы по обе стороны стали опасны.

Международный женский день в компании отмечался с размахом. И Кацюба, и Степаныч, люди старой закалки, трепетно относились к 8 Марта и того же требовали от нас. Как бы мне ни хотелось пропустить очередной корпоратив, призванный сплотить коллектив и показать нашим девушкам, как мы их любим и ценим, делать этого было нельзя.

Так что я отнесся к празднеству — потерянному вечеру и пропущенной тренировке — как к продолжению работы.

В конференц-зале накрыли стол. Кацюба витиевато поздравил «девушек и женщин», Степаныч «присоединился» к словам генерального, все чокнулись и выпили. Я потягивал вино, прикидывая подходящий момент, чтобы покинуть мероприятие, и не заметил, как оказался среди ребят.

— Лето близко, — мрачно заявил Левон, пережевывая тарталетку с икрой. — Отпуск. Море. Пляж. Пора идти в спортзал.

— Пора, — обреченно поддержали его коллеги.

— Главное — не бросить, — заметил Миха. — Сколько ни начинал — вечно что-то мешало. В детстве хоть отец пинал, заставлял на секции всякие ходить. А сейчас, сколько себя ни мотивирую, надолго не хватает.

— Две недели! — воскликнул Левон. — Меня хватало максимум на две недели! Как заставить себя ходить туда, где тебя никто не любит, где тебе тяжело и над тобой смеются?

— У тебя потрясающая сила воли — две недели! — сказала Милка. — Я на диете больше пары дней не выдерживаю. Думаю: да катись оно все к черту — фигура, вес. Зачем так жить, если можно съесть вкусняшку и быть счастливой!

— А потом смотришь на себя в зеркало и рыдаешь, когда джинсы на талии не сходятся, — заржал Бородаенко.

— Всё у меня сходится! — огрызнулась Милка и вздохнула. — Только перешивать приходится.

— Привыкни, — посоветовал я.

— К чему? — удивилась Милка.

— Да ко всему. Есть меньше, заниматься спортом. Сделай это привычкой.

— Как к этому можно привыкнуть? — удивился Левон. — Я как вспомню, каково это — постоянно быть голодным, — да я ни о чем, кроме еды, думать не могу!

— Привыкнуть можно к чему угодно, — объяснил я. — Чтобы действие стало привычкой, достаточно его повторять без перерывов на протяжении трех недель. Это касается всего — и полезных, и вредных привычек.

— Умереть не встать, Резвей! — подключилась Лидка. — Все так просто?

— Непросто, — согласился я. — Но не сложнее, чем по ночам грузить мешки на вокзале.

Ребята, хмыкнув, пошли курить.

Похоже, ныть друг другу и находить утешение в том, что ты как все, а все слабы, — проще и приятнее, чем пробовать добиться цели.

После разрыва с Ксенией я каждое утро выполнял одну и ту же последовательность действий: просыпался в шесть, чистил зубы, брился, умывался, выпивал пару стаканов воды, делал зарядку, одевался и шел на пробежку, заодно выкидывая мусор. Потом — контрастный душ, завтрак, порция гейнера, кофе и на работу.

В какой-то момент я заметил, что выполняю всё на автопилоте, даже не думая. Голова занята мыслями о предстоящем дне, о том, что важно, а что стоит сделать по мере возможности.

Я привык расписывать план на день, определять приоритеты и выделять самое важное: то, что напрямую вело меня к глобальным целям.

Обычно у сотрудника офиса постоянно накапливается куча задач. Много времени отнимают встречи, переговоры, письма, совещания, планерки и мозговые штурмы. За всем этим сложно делать действительно важное, то, что требует сосредоточенности и внимания.

А ведь на совещаниях и встречах принимаются какие-то решения, которые надо воплощать в жизнь. Даже если не своими руками — все равно нужно найти время, чтобы четко поставить задачу, определить реальные сроки и проконтролировать качественное и своевременное исполнение.

Мои коллеги (да и я сам раньше), по моим наблюдениям, задачи ставили мимоходом, чуть ли не во время перекура. Результат — многочисленные авралы, геройские бессонные ночи перед дедлайном и недовольные заказчики.

Теперь я контролировал исполнение задач, которые ставил коллегам, привык требовать и не отвлекаться на то, что раньше беззастенчиво пожирало мое время: перекуры, кофе-брейки, соцсети, смешные видеоролики, сайты приколов, статьи из серии «10 причин уволиться с работы прямо сейчас» и «20 самых красивых мест планеты». Я понял, что так всю жизнь и буду разглядывать самые красивые места планеты на экране монитора, если не примусь за работу прямо сейчас.

Вошли в привычку тренировки и курсы. Я перешел на продвинутый уровень в английском, прошел несколько профессиональных онлайн-семинаров, много читал.

Мне уже нравилось рассматривать себя перед зеркалом — проявились мышцы. Я слегка раздался в плечах, фигура начала приобретать V-образную форму. Раньше впалая, грудь стала выпирать вперед. Изменилась даже походка. Она стала легкой и пружинистой.

Больше всего изменения в фигуре были заметны в одежде прежнего размера. Штаны спадали без ремня, ремни пришлось укорачивать и делать новые дырки — талия стала уже. А вот рубашки теперь ощутимо жали в плечах и груди.

Выполненные задачи доставляли мне настоящее удовольствие, и это тоже стало привычкой. Мне нравилось ощущение, с которым я вычеркивал пункты в плане: с каждым из них я получал опыт и приближался к цели.

Я сравнил бы это ощущение с тем, что чувствует наркоман при новой дозе; алкоголик, выпивающий первый за день стакан портвейна; рыбак, поймавший крупную рыбу...

Я привык к новому образу жизни, а коллеги привыкли к новому мне.

Нас с Лидой отправили в командировку за полстраны. Крупный региональный заказчик потребовал личного присутствия менеджеров проекта, то есть нас. В качестве поддержки с нами полетел куратор — Степаныч.

В аэропорт мы отправились сразу после тяжелого рабочего дня, не заезжая домой. Зарегистрировались, сдали багаж, прошли в зал ожидания. Степаныч упал в кресло:

— Передохну, ребятки.

— Хорошо, Михаил Степанович, — Лида посмотрела на меня. — Мы пока отойдем, кофе попьем.

— На рейс не опоздайте только, — предупредил шеф и устало прикрыл глаза. Лида взяла меня под руку и повела в сторону кафе.

— Кофе? — переспросил я Лиду. — На ночь глядя? Нам лететь три часа, не уснем же.

— Да что ты как маленький, — зашипела она. — Что я, при шефе буду говорить: пойдём-ка, милый друг, по сто грамм вискаря жажнем?

— А мы жажнем?

Лида прожгла меня взглядом и, виляя бедрами, гордо зацокала каблуками. Я глянул на часы — до посадки почти час. Времени вагон, можно и выпить.

Поспешил, догоняя Лиду. Сумка с ноутбуком подскакивала на бедре при каждом шаге, словно предупреждая: «Очнись, парень! Держись плана, не отвлекайся!» Я остановился, улыбнулся тому, как легко поддался эмоциям, решил нарушить собственные запреты.

Лида, не оборачиваясь, зашла в бар. Я — вслед за ней, убедив себя сохранять хладнокровие и не терять голову. Обстоятельства диктовали: крайне важная встреча с крупным заказчиком, коварный напарник, и все это под контролем Степаныча, не питающего ко мне теплых чувств. Никакого алкоголя, в крайнем случае — не больше пары стопок. Никакого флирта, ухаживаний и приставаний. Никаких пьяных откровений и разговоров по душам.

Лида немного подумала и села за столик в дальнем углу. Я присоединился. Подошел официант. Лида смотрела на меня — выбирай, дескать.

— Будьте добры, два по сто «Джека», колу и... — я глянул на Лиду.

— ...лед и еще два по сто того же, — сказала она официанту. Тот кивнул и отошел.

Я молчал, не зная, о чем говорить и как себя вести. Все, чему я научился в последнее время, сейчас не играло роли. Передо мной сидела недоступная, коварная и язвительная Лида Фрайбергер, моя давняя безответная любовь. Женщина, которая принесла мне столько боли, страданий и от чьего присутствия в моей жизни и мыслях я с таким облегчением избавился.

Не отводя от меня взгляда, она распустила волосы, улыбнулась и спросила:

— Как ты, Резвей?

На меня повеяло запахом ее духов. Крыша обеспокоенно задвигалась — ее начало сносить.

— Нормально, — ответил я, стараясь не пялиться в декольте.

В ее глаза мне тоже было сложно смотреть: я в них тонул, терялся. Поэтому уставился на рот. Большой соблазнительный рот с пухлыми чувственными губами и крупными ровными белоснежными зубами...

— Выглядишь хорошо, занимаешься чем-то?

— Занимаюсь, — я пустил петуха, прокашлялся. — Тренажерка, рукопашка, бег, плавание.

— Ого! — удивилась она. — Ты молодец!

Принесли заказ.

— Резвей, у тебя взгляд какой-то странный. Все в порядке?

Стараясь не обращать внимания на кокетливо расстегнутый верх белой блузки, смеющиеся глаза, полуоткрытый рот, я представил, что она — мой старый друг, которого я полгода не видел. Я встряхнулся, сбрасывая оцепенение, широко улыбнулся и честно признался:

— Вот так ты на меня действуешь, Фрайбергер. Ничего не могу с собой поделать.

Я пожал плечами. Она кивнула, улыбнулась и подняла бокал:

— Ну что, чтобы все было хорошо?

Я вспомнил все, что себе пообещал, вздохнул, расслабился, чокнулся с ней и выдохнул:

— Все будет хорошо...

Мы выпили. Неловкость исчезла — передо мной сидел друг..

Мы продолжили общаться в самолете, благо Степаныч летел бизнес-классом. К полуночи, заселившись в гостиницу, мы скинули багаж в номера и снова встретились в баре.

Там мы откровенно обсуждали коллег, сплетничали, смеялись, говорили об отношениях — прошлых и нынешних. Лида серьезно поссорилась с Костей из-за его вспышек ревности, они уже неделю не разговаривали. Она смешно изобразила сердитого Костю. Я рассмеялся, рассказал об истинной причине разрыва с Ксенией и получил от Лиды полную поддержку.

Я смотрел на нее влюбленными глазами. Она же не отводила взгляда и поощрительно улыбалась.

Мы выпили на брудершафт. Поцелуй из дружеского внезапно перерос в страстный. У меня потемнело в глазах, когда мы оторвались друг от друга. Лида тяжело дышала. Переглянувшись, взяли бутылку с собой в мой номер. Я запер дверь.

Лида с ногами села на кровать и молча смотрела на меня. Свет был выключен. Я замер на пороге, с бутылкой в руках, не решаясь подойти.

— Иди ко мне, — прошептала Фрайбергер.

Проснулся в полной темноте от стука в дверь. Свет в номер не проникал из-за плотно задернутых штор.

— Housekeeping! — раздался за дверью голос горничной.

— Минутку, — охрипшим голосом крикнул я.

Не вполне осознавая, где я и зачем, встал с кровати и, спотыкаясь о раскиданную одежду, доковылял до двери. Отпирая, понял, что не одет, спрятался за дверь, высунул голову и попросил горничную зайти попозже.

Заперся, раздвинул шторы, открыл окна. В номер ворвались уличный шум и легкий мартовский мороз.

Мутным взглядом окинул комнату — недопитая бутылка виски возле кровати, на ковре темнеет пятно. Рядом — перевернутая пепельница и окурки. На полу раскиданы подушки, одеяло и смятое мокрое полотенце — свидетельство того, что ночь я провел не один.

Меня мутило. В ванной я хорошо прополоскал горло, почистил зубы, умылся.

В комнате достал из мини-бара бутылку холодной минералки, в три глотка опустошил наполовину и присел на кровать. На меня накатили воспоминания о прошедшей ночи, и я невольно улыбнулся.

Улыбка исчезла, как только я взглянул на часы. Полдень. То, ради чего я приехал — встреча с партнерами, — в разгаре. Представив, как рвет и мечет Степаныч, переживая за Лиду, я позвонил ей. Она отбила звонок, прислав сообщение «Я не могу сейчас говорить».

Облегченно вздохнув — встреча состоялась, не все потеряно, — стал быстро приводить себя в порядок. Принял душ, выпил еще воды, заказал в номер кофе. Оделся в свежее и помчался в партнерский офис. Степаныч и Лида не отвечали на мои звонки и сообщения, поэтому адрес пришлось выяснять у Риты.

В офисе мне сообщили, что руководство вместе с моими коллегами уехало в ресторан на обед. Я решил дождаться их на месте, а пока изучить бумаги по проекту, предоставленные региональными коллегами.

Наконец они вернулись. Судя по оживленным голосам и веселью, переговоры прошли успешно, а результаты нашей работы признали хорошими.

Степаныч, увидев меня, слегка нахмурился, но сочувственно спросил:

— Как самочувствие? Полегче?

Краем глаза я заметил, как Лидка отчаянно закивала и подмигнула.

— Получше, Михаил Степанович. Спасибо.

— Тогда знакомьтесь, коллеги. Товарищ Резвей — наш так некстати захворавший коллега.

— Очень приятно познакомиться воочию, Сергей, — протянул мне руку представительный импозантный мужчина. — Тихонов Валерий Николаевич.

Генеральный директор компании-заказчика. Я мысленно поблагодарил Лидку и широко улыбнулся:

— Взаимно, Валерий Николаевич!

Я пожал ему руку, потом познакомился с остальными представителями заказчика.

— Рад, что с вами все в порядке! В принципе мы с вашими коллегами уже все обсудили, но я люблю выслушивать все точки зрения. Поэтому предлагаю устроиться в конференц-зале и еще раз обсудить все пункты...

Тихонов, как ледокол, рассекая огромным телом воздух, направился в конференц-зал, а в его фарватере двинулись уже остальные. Я чуть задержался, пропуская народ и дожидаясь Лидку. Она, улыбнувшись, жестом показала на свою голову, провела большим пальцем по горлу и вывалила язык набок — устала, ужасно себя чувствую, мозги кипят. Я ее прекрасно понял и, не сдержавшись, шепнул:

— Спасибо!

В ответ она сжала мою руку. Ладонка у нее была мокрой — переволновалась. В голове промелькнули образы прошлой ночи, и у меня сперло дыхание...

Остаток дня мы работали над проектом с местными ребятами. Тихонов увел Степаныча к себе, и они весело провели время, судя по тому, каким нарядным шеф вышел оттуда.

Мы заехали в гостиницу, собрали вещи, выписались и поехали в аэропорт. Я сорвал у задумчивой Лидки еще один поцелуй, когда зашел за ней в ее номер. Но мыслями она уже была не со мной и вела себя чуть отстраненно.

Ночью мы вернулись в Питер. Степаныч попрощался с нами еще при посадке. Лидка весь полет проспала, а я думал, что будет дальше. Все разъяснилось само собой, когда, выходя из самолета, Лида сказала:

— Резвей, ничего не было, хорошо?

Я пожал плечами.

— Как скажешь, Фрайбергер. Ничего не было. Но будет?

Лида промолчала.

— Лид!

Она прикусила губу и выпалила:

— Не знаю, не знаю! Может быть... Забудь, ничего не было! Не было ни-че-го!

— Конечно, не было, — подтвердил я. — Просто переспали, бывает. Я о другом...

— Все, прекрати! Замолчи!

Я огляделся и все понял. Лиду встречал Костя. В руках он держал розу на длинном стебле, обернутую целлофановой пленкой. Вид у него был несчастный, но в глазах светилась надежда. Он даже не видел меня, влюбленно глядя на Лиду.

Она обернулась ко мне, ее глаза сияли. Очень тихо, так что я едва расслышал, она произнесла:

— Все будет хорошо, Сережа! И было — тоже хорошо.

Кинулась к Косте, обняла и прижалась к нему. Осчастливленный Панченко выронил цветок.

Я, ничего не чувствуя, быстро пошел на выход из аэропорта.

Странно, но мне было все равно.

Я снова проспал. Сказались и бессонная ночь, и смена часовых поясов. Не помню, как отключил будильник и сработал ли он вообще. Проснулся сам. Потянулся, глядя в потолок, и понял, что на работу опоздал. Комнату заполнил дневной свет, а за окном шумел город. Часы показывали начало одиннадцатого.

Собравшись так быстро, как мог, поехал в офис. Я давно не позволял себе опозданий, работал хорошо и мог надеяться, что мне все сойдет с рук. Конечно, я мог оправдаться тем, что с утра встречался с заказчиком. Но, во-первых, я не умел врать и считал лучшей политикой честность, а во-вторых, все это можно проверить. Были люди в компании, которые не гнушались проверять.

На вахте стоял Николаич. В последнее время он обычно, увидев меня, издали улыбался и приветствовал. Сегодня он меня будто не видел.

— Добрый день, Игорь Николаевич, — поздоровался я.

Николаич хмыкнул и отвернулся. Я не стал придавать значения его странному поведению и поднялся к себе.

Уже подходя к кабинету, я что-то почувствовал. Открыл дверь и вошел. Всё было как всегда — коллеги работали, уткнувшись в экраны или бумаги. Левон что-то жевал, но пальцы его летали по клавиатуре. Лиды на месте не было. Панченко, увидев меня, криво ухмыльнулся.

Что-то было не так. Ни обычного гомона, шума и перекрикиваний, ни вялых приветствий.

Я подошел к своему рабочему месту и замер. Мой компьютер был опечатан, на столе лежало уведомление о расторжении трудового договора. Меня уволили. Кровь прилила к лицу. В голове забегали мысли-тараканы, вытаскивая на свет все мои прегрешения и возможные причины. За что?

— Ребята, кто-нибудь знает, что происходит? — решил спросить у коллег.

— Сережа, ничего не знаем, — ответил Левон. — Пришли айтишники, опечатали твой компьютер, из отдела кадров принесли бумажку. Тебя не было — оставили на столе.

— Ясно, спасибо.

Сел, внимательно изучил уведомление. Формулировка была вроде понятной, но в мою картину мира не вписывалась. Увольняли по куче статей: «прогулы; появления на работе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения; неоднократное неисполнение работником без уважительных причин трудовых обязанностей; разглашение коммерческой тайны, в том числе разглашение персональных данных другого работника».

Всё стало запутаннее. Судя по реакции на мое появление в офисе, содержание уведомления уже ни для кого не было секретом. Я был уверен, что мое увольнение — самая обсуждаемая новость дня. Как же некстати я проспал!

Решив лично поговорить с Кацюбой, я прихватил уведомление и пошел к нему. В приемной Рита поливала цветы. Она включила музыку и, пританцовывая, передвигалась от цветка к цветку, подпевая Бейонсе. Заметив меня, смущенно замерла.

— Привет. Уже в курсе? — спросил я.

— Привет! Все в курсе. Шеф тебя видеть не хочет. Сказал, придешь — гнать тебя вшаей. Ты что натворил-то?

— Да сам не понимаю. Вчера из командировки вернулся, все там нормально прошло, заказчик доволен...

— А ты не заметил, что в последнее время часто многого не понимаешь и все у тебя как-то само собой происходит?

— Рит...

— Да я что, я ничего. Просто поделилась наблюдением, ничего личного. Ты подумай: может, все-таки какой-то скелетик вывалился из шкафа?

— Да точно тебе говорю, ничего не вываливалось!

Я вспомнил события последних дней. Ничего страшного я не сделал. Наоборот, резко увеличил свою эффективность, приходил первым на работу. Да у меня все в руках горело! Если не считать заматую благодаря Лиде историю в командировке, то... Стоп! А если все-таки не заматую?

— Ага, вспомнил! — торжественно воскликнула Рита, наблюдавшая за мной.

Я позвонил Лиде, стараясь не злиться на Риту. Она-то уж точно не виновата.

— Привет! Надо поговорить.

— Наконец-то, Резвей! Ты где? В офисе? Тут такое творится! Иди в переговорную, я сейчас буду!

Лида, конечно, поможет прояснить, что случилось. Но для начала я попробовал все-таки зайти к Кацюбе. Пусть наорет, но хотя бы буду знать причину увольнения из компании, которой отдал годы.

— Не надо, Сергей. Себе же хуже сделаешь, — остановила меня Рита.

Я вздохнул и отпустил ручку двери.

— Хорошо.

Выходя, услышал за спиной Риткин голос:

— Выше нос! Все будет хорошо!

Мы с Лидой закрылись в переговорной, и она начала объяснять:

— Не поверил Степаныч ни мне, ни тебе. Учужал запах перегара — мне утром замечание сделал, когда мы ехали на встречу. По тебе

проехался: мол, ты совсем идиот, раз в командировке накануне важной встречи напился.

— Да откуда он знал-то, что я с тобой пил? — спросил я.

— Ну, привет, Резвей. Мы же на посадку шли вместе, он тогда уже заметил, что мы навеселе.

— Понятно.

Свет был выключен, жалюзи задернуты. Мы сидели в полумраке: я на стуле, она, облокотившись, на столе напротив. Шелест лопастей вентилятора разбавлял тишину.

— И это причина увольнения?

— Резвей, да у него ворох причин. Он когда к Кацюбе пошел, весь компромат на тебя собрал. У него там куча служебок — хамил, угрожал, сливал информацию якобы. Честно признаюсь: и от меня там была парочка, и от Кости. Юрку зачем обидел? Он тебя вообще бог весть в чем обвиняет: типа, ты на представительские проститутку снимал для личного пользования.

— Только одну? Невысоко он мои способности оценивает, невысоко.

— Резвей, ну что ты как маленький? Бог с ним, с Юркой этим. Ты думай, как тебе выпутываться. К Кацюбе ходил? Хочешь, я с тобой пойду? Объясню, что и как! — горячилась Лидка. — Обоих вряд ли уволит, кто у него останется — Костя да Юрка, что ли? А работать кто будет?

— Лид, спасибо, но не надо. Постараюсь сам ему все объяснить. А вообще, знаешь, сюрприз хоть и неприятный, но чего-то подобного я ждал.

Лида вопросительно посмотрела мне в глаза.

— Ты же помнишь, каким я был. Я же всем помогал, всем старался угодить... Ну, и посадил на шею. Тебя любил очень, а ты этим пользовалась, разве нет?

Лидка шмыгнула носом и прошептала:

— Помню.

— А когда понял, что больше так жить не могу, надо развиваться, научиться отстаивать свою позицию, так сразу все и началось. Был добрый лох, а стал агрессивный чудаков, который не то что не сделает за тебя твою работу, а еще и сверху нагрузит.

— Сереж, а мне нравится, как ты изменился.

— Спасибо, я уже догадался в командировке, что нравится, — попробовал пошутить я.

— Да ну тебя, — отмахнулась она. — Ты знаешь, может, все это и к лучшему. Сменишь обстановку, коллектив — пусть сразу увидят тебя нового. Мы-то помним тебя прежним, отсюда у ребят и неприятие...

Раздался стук, дверь приоткрылась, и появилась голова Панченко.

— Лида, ты тут?

— Блин, явился! — зло прошептала Лидка. — Я побегу. Держись!

— Спасибо тебе, Лид, — я пожал ее руку. Она опустила взгляд, помолчала, вскинула голову, чмокнула в щеку и ушла.

— Что ты там делала? — услышал я возмущенный голос Панченко. — С ним?

— Не твое дело, — ответила ему стерва Лидка.

Остаток дня я провел, сдавая дела, складывая в коробку личные вещи и собирая подписи на обходном листе. В бухгалтерии провели расчеты, и выяснилось, что мне ничего не должны, все съел заем. Не до конца понимая, в какой глубокой финансовой пропасти оказался, я все же попытался договориться с бухгалтерией о пролонгации займа — мало того что я почти на мели, так на мне еще и кредит. Бухгалтерия отправила меня к генеральному.

Я снова пошел к Кацюбе, но его не было на месте.

— Сереж, — позвала меня Рита, пока я раздумывал, ждатель ли шефа.

— Да?

— Я хочу сказать, что с твоим опытом и способностями найти новую работу — не хуже, даже лучше этой — ты сможешь очень быстро.

— Откуда ты знаешь, Рит?

— Просто знаю, — серьезно сказала она. — Верь мне.

— Верю, — сказал я и пошел собираться.

Прошелся по отделам, прощаясь, пожал руку каждому, невзирая на отношения. В глазах некоторых видел злорадство и лживое сочувствие. Другие искренне переживали за меня, но большинству было все равно. Не уверен, что кто-то вспомнит об этом уже вечером.

Миха с Левоном неловко помялись, пообещали звонить, помочь рекомендациями, предложили на выходных посидеть, отметить мой

«выход на волю». Милка Чердаклина разревелась, сказала, что еще ничего не потеряно, она будет жаловаться... Кому, о чем?

Даже Саня Бородаенко не сдержался, приобнял:

— Держись, старик, где наша не пропадала!

Молча пожал мою руку Кравцов.

Я подошел к Панченко, рядом с которым сидел Юрка Бажов.

— Ладно, парни. Не скажу, что буду горевать, но мы вместе работали, делали одно дело. Бывайте!

— И тебе успехов... — пробормотал Костя, пожав мне руку. — На новом месте.

Я остановился, разглядывая своего главного, как мне казалось, врага и пожалел его. Я представил, как он, маленький, неуверенный в себе, но получивший внимание роскошной женщины, переживает; как тяжело ему даются отношения с Лидой. Я поклялся себе, что никогда никому не выдам нашу с ней тайну — я желал сберечь ее репутацию и самолюбие этого маленького нахохлившегося Наполеона. Мне даже захотелось взъерошить Косте волосы, потрепать его и сказать что-то вроде «все будет хорошо», но я сдержался.

— Спасибо, — сказал я Косте и посмотрел на Юрку. — Жаль, что так вышло, Юр. Я правда хотел как лучше.

Юрка насупился, нехотя процедил:

— Всякое бывает. Удачи.

На пороге я еще раз окинул взглядом ставший таким родным кабинет. Что-то сжалось в груди.

— Хороших проектов, ребята! — пожелал я бывшим коллегам.

И ушел.

Две недели жил в прежнем ритме. Время, уходившее на работу, занял ее поисками. Но месяц заканчивался, а новое место я так и не нашел. Над своим резюме работал целый день, следуя рекомендациям кадровых сайтов. Разослал его по знакомым с просьбой посодействовать в поиске новой работы.

Кое-кто даже ответил: мол, «подумает» или «попробует что-нибудь сделать». Но вскоре я понял, что искать работу в той же сфере

бессмысленно. Хороших рекомендаций мне не дадут, а кандидата на такую позицию обязательно будут «пробивать».

Один знакомый по большому секрету сказал мне, что я в «черном списке». Постарался Степаныч, старый хрыч. Значит, работу в Питере в серьезной компании по прежнему профилю я не найду.

Тогда я расширил сферу поисков: уже был готов сменить сферу деятельности, оставаясь менеджером проектов, или попробовать себя в продажах. Рассматривал и должность маркетолога или пиарщика компании любой сферы. Главное — чтобы с офисом в Питере.

Утром после пробежки пил растворимый кофе и отслеживал новые вакансии на «Хедхантере» и в специализированных сообществах социальных сетей. Иногда меня приглашали на собеседования. Я ходил, но этим все и заканчивалось. Не переживал, понимал, что это нормально: в больших компаниях процесс отбора кандидатов занимает не одну неделю.

Дошло до того, что я скупил все питерские газеты объявлений. Пару дней увлеченно помечал ручкой заинтересовавшие меня объявления и обзванивал работодателей. Часть объявлений оказалась от рекрутинговых агентств. Мне предлагали приехать к ним, зарегистрироваться в их базе данных. Регистрация стоила денег, приходилось отказываться.

Найти работу, соответствующую моим навыкам, опыту и уровню желаемой заработной платы, оказалось непросто.

Приближался срок оплаты абонементов в спортзал, бассейн и на рукопашку. Курс английского продлевать было не с чего, решил взять паузу до лучших времен. Запланированный профессиональный тренинг пришлось отменить, а платеж по кредиту я просрочил.

Деньги кончились совсем. Отменить пришлось вообще все, что требовало затрат. До мест собеседования добирался пешком, выходя за несколько часов до назначенного времени. Оптом закупил просроченные продукты на рынке — тушенку, макароны, лапшу быстрого приготовления, дешевые чай и кофе. Выставил на продажу второй смартфон, планшет. В общем, затянул пояс, пережидая черную полосу, и дал себе зарок всегда иметь неприкосновенный запас для таких случаев.

Мне уже казалась удачной мысль обратиться за помощью к знакомым. И я обращался, преодолевая стыд и гордость. Почти ко всем, кого я знал, не считая Лехи. Он был прав, и я не хотел давать ему повод еще раз ткнуть меня мордой в лужу, как нашкодившего щенка.

Миха с Левоном откликнулись на просьбу.

Мы встретились вечером в их любимой кофейне, ребята были смущены. Узнав, что я все еще не нашел работу, они скомканно завершили встречу, дав мне по пять тысяч рублей.

— Извини, старик, чем могу, — сказал Миха. — Сам же понимаешь...

Я все понимал. Они не надеялись вернуть деньги и давали предельно возможные для себя суммы, с которыми готовы расстаться. Но я был им очень благодарен. В моем положении это оказалось спасением.

Левон неловко приобнял меня, прижав к своей необъятной мягкой груди.

— Звони, если что... Сережа...

На следующий день история получила неожиданное продолжение. Мне позвонила Рита.

— Болтают, что ты все еще без работы и на мели, — констатировал знакомый голос. — У меня есть накопления, могу помочь.

— Рита? Ничего себе. Спасибо!

— Сколько тебе надо?

— Понимаешь, я не знаю, когда смогу вернуть, — я прикинул в голове, сколько мне надо, суммировав долги и затраты на месяц вперед.

— Могу дать до ста тысяч. Вернешь, когда сможешь.

Я захлебнулся в чувстве благодарности. Сглотнул комок в горле.

— Рит... Я не забуду. Этого хватит.

— Завтра в обед буду ждать тебя в кофейне возле офиса.

— Буду! Спасибо!

Остаток дня я провел в прекрасном расположении духа. Дело не в том, что у меня появилась возможность погасить текущие долги и уверенно прожить следующий месяц. Оказалось, что мир не без добрых людей.

С таким чувством жить куда приятнее.

Неожиданно быстро продались смартфон с планшетом. Утром я встретился с покупателями, передал гаджеты, забрал деньги.

После короткой встречи с Ритой — она спешила вернуться на работу — я поехал в банк, погасил задолженность и внес деньги по следующему платежу. Отложил немного на карманные расходы, остальное закинул на карту. Так контролировать расходы было проще.

Близился вечер. Заехав домой, я собрал сумку и поехал на тренировку. Дядя Миша отсутствовал — повез своих учеников на соревнования, Вани тоже не было. Я продлил абонемент, с энтузиазмом потренировался и пошел домой.

Моросил дождь. На дорогах слякоть. Я намочил ноги, добираясь до дома, но неожиданная помощь Риты, оплаченный абонемент в зал и погашенный за два месяца кредит дали мне подзабытое ощущение с пользой проведенного дня.

Дома, с аппетитом поужинав — купил нормальных продуктов, — сел за компьютер. В хорошем настроении зашел на страницу Риты в соцсети. Она активно писала, по несколько раз в день, но там не было ни слова, ни намек на то, что она сегодня сделала доброе дело. Обычный девичий треп, «самострелы»^[34], ссылки на интересные статьи... Я перешел по одной — неизвестные фотографии знаменитостей.

Это был один из тех развлекательных сайтов, где убивает время офисный планктон. Закрывая вкладку — фотографии действительно оказались интересными, — я заметил, что у меня открыто еще одно окно. Принудительный переход на сайт рекламодателя.

Так я попал в онлайн-казино. Мне предлагалось внести на депозит всего 100 евро, чтобы получить бонус на 200.

Я никогда в жизни не играл в казино. И в тысяче из тысячи подобных случаев просто закрыл бы окно с навязчивой рекламой для простодушных дурачков.

Но тем вечером я повел себя иначе. Наверное, сыграли роль полоса безденежья — я все-таки привык к определенному качеству жизни, — отчаяние и внезапная помощь Риты, давшая мне надежду. А может, дело было в тяжелой силовой тренировке: кровь отлила от мозга к

мускулам. Думаю, меня несложно понять. Каждый хоть раз совершал импульсивные необъяснимые поступки.

Я чувствовал, что сегодня мой день и мне обязательно повезет. Должно, должно было случиться чудо, которое поможет мне вылезти из ямы.

В общем, я зарегистрировался и внес депозит. Я не сильно разбирался в правилах рулетки, блэкджека и покера, поэтому выбрал небольшую, на мой взгляд, ставку в пять евро и стал крутить барабаны слот-автомата. Меня поразило обилие анимации, спецэффектов. Звуковое сопровождение было тоже на уровне, а хорошие комбинации сопровождались вставками видео. Игра стала мне нравиться.

Мне везло. Через час на моем счету было около 800 евро. Я решил снять деньги, но выяснилось, что забрать могу только свою сотню: выигрыш сгорал, так как я еще не «отыграл» бонусный счет. Я не стал вникать и просто продолжил игру, решив, что если опущусь до сотни, то просто сниму свои деньги.

Когда на счету стало больше тысячи, я сделал паузу. Невыносимо захотелось пива и сигарет.

Я сбегал в магазин у дома, взял пачку сигарет, набрал пива, закуски к нему и побежал играть дальше. Мне казалось, найдено решение всех проблем, и если продолжить в том же темпе, то к утру у меня будут деньги на все, включая непогашенный кредит.

Я курил сигареты одну за другой, запивая пивом. После третьей бутылки мне перестало везти. Накопленные три тысячи евро быстро таяли — я повысил ставку до 20 евро, чтобы выигрывать быстрее.

К утру я был пьян в хлам и даже не помнил тот момент, когда все проиграл, включая то, что было на карте. Один раз отключился, проснулся и продолжил тупо жать на кнопку Spin. Но ничего не происходило — сказка закончилась.

Началось похмелье.

В прострации я вышел на улицу и поехал к дому, где жила до встречи со мной Ксения. Сложно объяснить, что мной двигало. Возможно, надеялся как-то выбить свои деньги, которые я смог бы внести на карту, пополнить баланс в казино и отыгаться.

Я разбудил соседей и выяснил, где жила Ксения. Пробормотав: «Опять наркоманы притон в тридцать второй ищут», — те вызвали

полицию. Мне было плевать.

Я добрался до нужного этажа, нашел дверь и не отпустил кнопку звонка, пока мне не открыли. На пороге стоял сонный Захар, силясь понять, что мне нужно.

— Ксюха где? — спросил я, не поздоровавшись.

— Нету ее. С того раза не видел.

— Она мне денег должна, — язык не слушался, мысли скакали. — Отдашь за нее.

— Ни хрена я не отдам. Она мне тоже должна. Слиняла. Сам ее ищи и выбивай. Найдешь тварь — можешь и мне услугу оказать: сообщить, где она обитает.

Я очень устал. Скачки эмоций от выигрышей и проигрышей выжгли нервы, я еле держался на ногах. Спорить и что-то доказывать Захару не хотелось.

— Ладно, мужик, — примиряюще сказал я, пошатываясь и держась за косяк, чтобы не упасть. — Бабы — они такие. Извини, что разбудил.

Захар что-то буркнул и захлопнул дверь.

Не помню, как добрался до дома.

На следующий день проснулся под вечер, одетым, в обуви, рядом с кроватью — не дотянул пару метров. В воздухе стоял тяжелый запах табака.

Сначала нахлынули приятные воспоминания — Рита, деньги, банк, тренировка, первые выигрыши в казино. Я подумал, что хорошо бы привести себя и квартиру в порядок и продолжить поиски работы. Мелькнула мысль встретиться с Ритой, сводить ее в ресторан, поблагодарить.

Потом навалились воспоминания вечера и ночи. Мгновением позже я вспомнил, что проиграл все деньги. Нашел сигарету, закурил, не выходя на балкон. Потом понял, что проиграл не только деньги.

Пожалуй, я проиграл жизнь.

На автомате ходил по дому, собирая бутылки, пустые пакеты от сухариков и чипсов. Все было безразлично, не хотелось ничего — ни развлечений, ни работы, ни тренировок. Не хотелось убираться, есть тоже.

Хотелось только пить. В холодильнике я нашел немного молока, залпом выдул. Жажда осталась. Я повернул кран, он что-то просопел,

но вода не полилась: отключили.

Собрав мусор, засобирався в магазин — взять воды, а заодно выкинуть мусор. Возвращаясь, на ходу жадно пил минералку. У подъезда встретил соседа Васю.

— Бодун? — сочувственно спросил он.

— Алкогольная интоксикация, — подтвердил я.

— Так это... — заволновался Вася. — Полечиться надо!

Меня позабавило его участие. Впервые у нас с ним нашлась общая тема для разговора и возникло взаимопонимание.

— Надо, — кивнул я.

— Так это... В магазин надо, значит!

Я вздохнул. Да и черт с ним.

— Надо так надо. Идем?

И мы пошли в магазин, а потом засели у меня на кухне. Вася заправски настрогал закуску, профессионально точно разлил водку по рюмкам, и мы чокнулись.

— Не пьянки ради! — воодушевленно предложил тост Вася и немедленно выпил.

Я проглотил теплую водку, и меня чуть не стошнило. Вася засуетился — похлопал меня по спине, дал маринованный огурчик «занюхать».

Вскоре мне стало казаться, что Вася — милейший человек. Тонкий, чувствительный, ранимый и очень добрый.

Мы с ним уважали друг друга, а это ведь главное.

ГЛАВА 26

Темна ночь перед рассветом

Hitachi — по-японски «рассвет». Я узнал об этом в прошлой жизни — той, которая была размеренна и понятна. Я знал, чем завершится день и каким будет завтрашний. В той, прошлой жизни, до знакомства с Лехой, у меня была стабильность.

Hitachi — так назывался мой телевизор. Сейчас он лежал на боку, с треснувшим экраном, а я валялся рядом с ним. «Рассвет» на полу, рассвет за окном. Тело ныло, кости захрустели — я встал. Спал я на полу, опять в одежде. Рядом со мной лежал мужик, в котором я признал Кецарика. Возле меня темнела лужа блевотины. Пахло мерзко.

Я распахнул окна и дверь балкона.

В спальне обнаружил еще одного мужика и существо неведомого пола, при пристальном изучении оказавшееся бритоголовой женщиной. Белье раскидано по полу. Я оставил этих двоих досыпать, а сам вернулся к Кецарику и потерел его за плечо. Тот вскочил, словно и не спал, и, подслеповато рассмотрев меня, заулыбался во весь свой щербатый рот:

— А, Серега!

— Ага, я. Ты как тут?

— Забыл всё, что ли, — надулся он, но тут же сам нашел мне оправдание. — Так мы сколько выпили! Я с дембеля столько не пил!

Батареи водочных бутылок, пятилитровая банка с мутным пойлом, похожим на самогон, банки с соленьями — вот это да!

— Ну ты, Серега, мужик! — восхищенно сказал Кецарик. — Уважаю!

Я ухмыльнулся неожиданной похвале, но был в прострации. Не понимал, как я до такого докатился — сплю на полу в окружении бродяг.

— А Вася где?

— Васька-то? Так Катька за ним приходила, буянила тут. Тащила его домой, мы защищали. Васька схватился за телевизор — так

уходить не хотел. Компания-то теплая подобралась, с уважением, с пониманием...

— И телек того, да? — я кивнул на бесполезный зомбоящик.

— Ага, ну так дело житейское, — виновато протянул Кецарик. — Так ты это, ты не переживай того-этого, мы же это... Починим все в лучшем виде, земля, не бойсь!

Из спальни вышел... Кепочка! Без головного убора я его сразу и не признал. Ну офигеть!

— Серега, друг! Как ты, жив, братишка?

Я, пребывая в шоке, пожал протянутую руку.

— Братишка, мы твой вопрос решим, отвечаю. Спасибо, что принял, как полагается, уважил, проставился от души.

— Братан, — ответил я ему в тон. — Извиняй, не понимаю, что за проблемы. Капец, башку ломит, ни черта не помню.

— Дык это, с бабой той и хахалем ее. Адрес ты дал, процент от возврата назвал. Все, не переживай. Мы с корешами займемся.

— А какой процент?

— Дык четвертную обещал.

Я припомнил, как в пьяном угаре прослезился, а мужики кинулись меня утешать и выпытывать, что меня беспокоит. Опуская детали, я вкратце обрисовал свои последние злоключения, и они ухватились за идею вернуть деньги, которые я брал в банке для Ксении.

Из спальни, завернутая в простыню, вышла обритая дама. Кепочка окинул взглядом квартиру и поморщился.

— Кецарик, Виолетта, негоже братишке бардак в квартире оставлять.

Кецарик понимающе кивнул и метнулся собирать мусор. Виолетта с достоинством прошествовала в ванную, и оттуда послышался звук льющейся в ведро воды.

— Братишка, наследили мы у тебя. Ща все отдраим, не бойсь. А что касается всего того, во что ты влез, дак ты это... Мне покойный батя говорил — валиком надо, Радик, валиком... Не спеша, постепенно...

Я безразлично согласился, с интересом наблюдая за развитием ситуации с высоты птичьего полета.

— В ногах правды нет, присядем? — предложил Кепочка.

Пока Виолетта убиралась, мы допили самогон, а поздним вечером мои новые «друзья» засобирались. Кепочка разлил остатки водки, за которой сбегал Кецарик, и поднял стопку.

— Извиняй, Серег, пора нам. Мы бы посидели еще, мужик ты хороший, да пора и честь знать.

— Душевно покутили, — сказал Кецарик. — Спасибо тебе, земля.

— И это... — замялся Кепочка, выпив водку. — Ты не переживай, мы люди с пониманием. Не твоего уровня мы птички, по низам летаем, не то что ты. Беспокоить тебя не будем больше, не тревожься.

— Валар моргулис, — сказал я.

— Не силен в латыни, — чуть призадумавшись, признался Кепочка.

— Все люди смертны. Это валирийский^[35].

— Правильно сказано. Все смертны, и все должны служить, — согласился он. — У каждого своя служба, свои пути-дорожки. Сегодня наши дорожки пересеклись. Ты к нам с душой, и мы к тебе со всей душой и расположением.

Встали из-за стола. На пороге, обуваясь, Кепочка заметил:

— Вижу, ты имен наших не помнишь. Радиком Низамутдиновичем меня кличут.

— А я Алексей Октябринович, — признался Кецарик. — Но можешь звать Кецариком, привычно мне.

— А я — Виолетта, — сказала создание.

— Не ври, — хохотнул Радик Низамутдинович. — Света она.

— Звезда... — пошло пошутил Алексей Октябринович, за что тут же схлопотал подзатыльник от возмущенной Виолетты.

— Удачи тебе, Серега. Все пройдет, помни. И это, — Кепочка неопределенно поводит рукой в пространстве, — это тоже пройдет.

Я пошатался по квартире, не зная, чем себя занять. Прибрался, помыл посуду, брезгливо собрал постельное белье и решил не стирать, а выкинуть. Собрал мусор и спустился.

Темнело. Воздух наполнили запахи — города и весны. Было тепло, в свете фонарей на дороге темнели пятна асфальта. Я присел на лавочку и закурил. Жизнь катилась в пропасть, у меня в друзьях

завелись бомжи, проститутки и бродяги, и курение не казалось злом. Злом была вся моя жизнь, и беречь ее я не собирался.

Меня слегка шатало — сказывался многодневный запой. А началось все с невинной пары стопок в аэропорту с Лидой...

Мои мысли прервал чей-то голос:

— Не будешь против, если присяду рядом, сосед?

Я поднял голову. Слегка улыбаясь, передо мной стоял Виталий Артуров, он же Артур, ненавидимый всеми сосед-нுவориш. Он был одет в белый спортивный костюм с вставками цветов российского флага, а в руках держал пакет из супермаркета, набитый бутылками.

— А, гостей завтра ждем, прикупил бухла, — решил он пояснить.

Он поставил пакет на землю, а сам присел рядом.

— Угостишь сигаркой?

Я молча протянул ему пачку с зажигалкой.

— Че киснешь? — прямо спросил Артур, закурив. Его пальцы украшали массивные перстни.

— Не кисну.

— Да ты себя в зеркало видел, потребитель? Не киснет он. У тебя на роже написано — забухал. За тобой такого раньше не замечал, а в нашей стране бухают по несколько дней либо алкоголики, либо те, кто грусть-печаль заливают... На алкоголика ты не похож. Так что у тебя случилось?

— Тебе-то что? Докуривай и проходи мимо, не лезь в душу.

— Не борзей, потребитель. Я к тебе с участием ведь.

Артур порылся в пакете, выудил пару банок пива, вскрыл одну и протянул мне.

— Держи.

Я взял пиво и жадно отхлебнул. После самогона оно казалось божественным напитком. Сосед открыл себе банку и продолжил:

— Ну что, так и будешь молчать?

— Слушай, Артур... — обратился я к соседу, не зная с чего начать.

— Да?

— Я вот всегда хотел у тебя спросить. Ты зачем свой мусор у подъезда оставляешь? Здоровый же мужик, до мусорки донести сложно?

— Да тут, понимаешь... — замялся он. — Не я это.

— Не ты? — удивился я. — Да твои же пакеты!

— Пакеты мои, не спорю. Только я всегда все доношу до баков. Это дура моя ленивая. Я ее тыщу раз воспитывал, да у нее в одно ухо влетает, из другого вылетает.

— А что ж ты мне тогда впаривал, что не твой это пакет? Меня еще заставил выкинуть.

— А что я должен был сказать? — взъярился Артур. — Ты мне не друг, не товарищ. Зачем я тебе буду что-то объяснять, да еще и на любимую женщину наговаривать?

— Так можно было...

— Да, можно было и самому отнести, я и собирался. Но тут аккумулятор сел. Если помнишь, мороз, а я на встречу опаздывал. А тут ты вообще некстати появился, я завелся. А что ты не свой пакет понес к мусорке — так спасибо тебе, доброе дело сделал. Я ж не заставлял тебя, а?

Я вспомнил то позорное утро. Он ведь и правда тупо взял меня на понт. И я, испугавшись непонятно чего, под действием всего-то грозного тона, опаздывая на работу, пошел выкидывать его мусор.

— Да и черт с ним, — сказал я. — Я все равно отомстил.

— Да знаю, — усмехнулся сосед. — Как пацан, ей-богу, раскидал у меня под дверью. Моя все убрала, я об этом узнал только вечером и сразу на тебя подумал. Сам заслужил, чего уж там, согласен. Квиты?

— Квиты, — я пожал протянутую руку.

Я рассказал Артуру, что потерял работу и на мне висит кредит. Объяснил, что поссорился с руководством, и теперь меня никуда не берут, уже отчаялся найти нормальное место.

Артур покрутил в руках пустую банку, крикнул, достал еще две.

— А знаешь, сосед, есть у меня для тебя работа.

— Да ты что? Серьезно?

— Ну да. В общем, магазины у меня — знаешь, наверное. Несколько точек, торгуем продуктами в розницу. Хочу их объединить в сеть с единым стандартом — по оформлению, по выкладке, под одним брендом, понимаешь? Ну, и по районам, где точки, отрекламировать все это, раскрутить. Ты же спец, разберешься.

— А...

— Сразу скажу, — перебил меня Артур. — Много платить не смогу, наценка у меня небольшая. Покупатели — в основном вроде соседа нашего, Васьки, да пенсионеры. Дешевле у меня, чем везде. Хочу привлечь семьи со средним достатком, увеличить оборот. А для этого надо переоборудовать точки, одеть девчонок в одинаковую форму, навести лоск, расширить ассортимент. Понимаешь?

— Понимаю! Я возьмусь, Артур! Спасибо тебе. Черт, ты бы только знал, как выручаешь, — я не смог сдержать слов благодарности.

— Я тебя выручаю, ты — меня. Так все устроено, понимаешь, потребитель? — засмеялся Артур. — Поднимешь продажи — будет тебе от меня премия. Детали завтра обговорим, на трезвую голову. Ну что, по рукам?

— По рукам! — воодушевленно ответил я, пожимая ему руку. — Когда начинать?

— Да хоть завтра! Могу тебя с утра с собой забрать. Объедем все точки, сам посмотришь, что к чему, проанализируешь.

— Круто!

Со дна глубокой зловонной ямы я увидел проблески рассвета.

— И еще. Я все понимаю. Что мы, не люди, что ли. Аванс будет.

Он достал бумажник, вытащил несколько купюр и положил на лавочку, не считая.

— Бери.

Он тяжело, с одышкой, встал, взял пакет и попрощался.

— Моя ждет, понимаешь, потребитель? — виновато произнес сосед, подмигнув. Он поежился. — Холодает. Шел бы и ты домой, простынешь. А ты мне здоровый нужен.

Артур широко улыбнулся и, что-то насвистывая, скрылся в подъезде.

Жизнь снова обрела смысл. В восемь утра я спускался во двор, где меня уже ждал Артур. Мы объезжали точки, потом отправлялись в небольшой офис, где я развел бурную деятельность. Используя старые контакты, привлек хороших спецов в команду. Первое время мы засиживались до поздней ночи, продумывая концепцию нового бренда.

Когда ритм успокоился и все встало на рельсы — креатив закончился, началась плановая работа.

Я зарегистрировался на сайте фрилансеров, в красках расписал свои навыки, выполненные кейсы и подал заявки на несколько проектов.

У меня появились заказы — коммуникационная стратегия небольшого предприятия по производству домашней утвари, медиаплан онлайн-продвижения интернет-магазина для домашних питомцев, диплом по маркетингу.

Успешно завершив их, получил неплохие деньги за работу, хорошие отзывы от заказчиков и поднял свой рейтинг. Эти и следующие заказы дали солидную прибавку к небольшой зарплате, которую я получил у Артура за первый месяц работы.

Я снова обрел уверенность в себе и продолжил следовать плану, написанному в начале года: тренировки, курсы, тренинги, здоровый образ жизни, здоровое питание, отказ от алкоголя и курения.

Жизнь посмеялась надо мной. Все, кого я считал недостойными уважения, действовали совсем не так, как я ожидал. Поступки Артура, Лиды, Михи с Левоном, Риты, Васи, Кепочки и его друзей показали мне, как сильно я ошибался. Их сочувствие, участие и помощь смыли с меня все высокомерие, которое было присуще Резвею версии 2.0. Я самоутверждался за чужой счет, но жизнь показала, что главным и единственным моим противником всегда был я сам.

Будучи слабым, я подсознательно записал их всех во враги. Подлил масла и Леха, со своей теорией здоровой наглости. А ведь он говорил мне, что я его неправильно понял.

Отныне все люди для меня — сволочи и подлецы, когда-то решил я. Пока не докажут обратное.

Я ошибся. Они доказали мне, что подлец — я. А они — хорошие люди.

И пора было возвращаться к старой философии. Все люди хорошие, пока не докажут обратное.

Мне придется учиться этому заново, и, скорее всего, это будет нелегко.

Но иначе мне не вернуть утерянного самоуважения.

В начале мая случайно встретил в метро Риту. Обрадованный, кинулся к ней. Я поделился последними новостями из своей жизни и импульсивно, как в первый раз, пригласил ее в кино.

— Хорошо, — легко согласилась она. — Только давай не в кино. Погода замечательная. Может, просто погуляем где-нибудь в парке?

— Договорились! Завтра?

— Хорошо, — улыбнулась она. — Позвони ближе к вечеру.

Встреча получилась теплой. Рита общалась со мной так, словно ничего плохого между нами не произошло. Я рассказал ей все, ничего не утаивая, кроме подробностей ночи с Лидкой. Но это была не только моя тайна.

— А ты сейчас свободна? — спросил я.

— Думаю, да, — грустно улыбнулась Рита. — Был у меня один, встречались полгода. Все работу искал, понимаешь? Ночью играл на компьютере, днем отсыпался. Жили-то вместе, всё на виду. Я утром на работу — он дрыхнет. Вечером возвращаюсь — он только проснулся. Меня видит — радуется: наконец-то покушает. Представляешь, ждал меня, чтобы я приготовила ужин. И я готовила, стирала, убиралась, а он все искал работу.

— Нашел?

— Не знаю. Я его прогнала.

— А что же терпела так долго? — спросил я.

— Надеялась, что это временно. Да и потом, одной оставаться не хотелось, а он — красивый, чертяка. Картины писать с него.

Рита заметила мое смущение.

— ...Ну, примерно как ты, такой же симпатичный был...

Мы засмеялись. Я оценил ее тактичность.

Мы хорошо погуляли — ели мороженое, запускали «лягушек» в пруду, потом все-таки пошли в кино. Мне было очень хорошо с ней.

Я хотел отвезти ее домой, но побоялся, что она воспримет это как попытку napроситься в гости. Поэтому я чмокнул ее в щечку, поблагодарил за вечер и посадил в такси.

На следующий день я думал о Рите, потом решил позвонить и пригласить на свидание. Она обрадовалась звонку, и я понял, что она тоже обо мне думала.

Мы встречались почти каждый день. Дурачились, гуляли, подкалывали друг друга и ничего не торопили.

В этой затянувшейся прелюдии было что-то изощренно-волнующее.

Заработав на фрилансе, я решил вернуть парням долг. Мы встретились вечером в пабе, выпили по паре кружек пива, шумно пообщались. И тут они вспомнили о моем обещании заняться ими. Я не стал отнекиваться и, предупредив, что если не придут или опоздают, то могут забыть о моей помощи, назначил им время и объяснил адрес.

Так Левон и Миха начали ходить в тренажерный зал вместе со мной.

Я привел их к дяде Мише. Я едва не расхохотался, глядя на их неуклюжие движения. Но я помнил свои первые тренировки и не подавал виду. Тем более при такой реакции они могли плюнуть и бросить.

Я понимал, что ребята и так испытывают большой стресс, и, как мог, поддерживал их рвение. Стоит отдать им должное: они старались. Я попросил дядю Мишу и Ваню, чтобы они были с ребятами помягче, — творческие натуры обижаются легко.

— Все будет путем, — заверил меня Ваня.

Через минуту на весь зал раздался его сержантский голос:

— Ну, девочки, чего стоим? Животы втянули — и бегом разминаться. Повторять за мной!..

В торговой сети Артура мы подошли к финишной прямой. В один из вечеров, когда я в сотый раз пересматривал рекламный видеоролик, который готовился к ротации на местном телеканале, ко мне зашел Артур. Он закурил.

— Слушай, Серега, разговор есть.

— Все готово, если ты об этом.

— Да я не об этом. В общем, ты же знаешь, я люблю сам все проверять-перепроверять, особенно по тем вопросам, где есть расходная часть.

— Понял уже.

— По поводу размещения рекламы мне посоветовали обратиться в «Расмус Медиа», тебя же оттуда поперли?

Я напрягся.

— И?

— Приехал я к ним в офис, ко мне какой-то прыщавый юнец спустился. Не жалуют в твоём агентстве малый бизнес, как я понял. Дали мне стажера, в общем.

— Юрку?

— Да, вот, — Артур протянул мне Юрину визитку. — Короче, этот потребитель дал мне официальный прайс, а потом вытащил на улицу и пообещал 50 процентов скидки за откат в 15 процентах от общей суммы договора, прикинь?

— А ты? — я жадно всматривался в лицо Артура.

— А что я? Выгодное предложение. На 10 процентов отката ударили по рукам. Деньги я ему уже передал, договор подписал.

— Не понял. А зачем ты мне это рассказываешь?

Артур замялся. Погасил окурок, выдохнул и сказал:

— Так я тебе слил компромат. А как ты им распорядишься — дело твоё.

— А ты подтвердишь, если что?

— Ха, да я тебе запись дам! Я все встречи на диктофон записываю, чтобы потом ничего не упустить. Да и вообще, на всякий случай.

По дороге домой я размышлял о том, что происходит в «Расмусе». Что за бизнес они там устроили под носом у руководства? Если замешан Юрка, то однозначно в связке с ним Костя. А Костю всегда покрывал Степаныч! Впервые после увольнения я попробовал без эмоций поразмыслить, в чём же были истинные мотивы Степаныча. Я вспомнил случай, когда после драки с Панченко на Новый год он кричал, что я уже уволен. Тогда Кацюба вступился. Я говорил дерзко, Степаныч точно обиделся. Но при чём тут Юрка?

Уже дома, размышляя над предоставленным шансом, я подумал, что если за Юркой стоит Костя и прикрывает их Степаныч, то наверняка во всем этом замешана и Лидка.

После разрыва с Ткачом ради Кости она, привыкшая к комфорту, не могла жить на одну зарплату. Отношения с Костей значили, что другого богатого спонсора у неё нет. Костя — вчерашний стажер, ему

не доверяли больших проектов. А чем меньше суммы договоров, тем меньше и бонусы менеджера проекта. И тогда получается, что я просто им всем мешал.

Красиво разыграли, ничего не скажешь. Посмеялись над дурачком.

Но теперь посмотрим, кому смеяться последним. Я решил не откладывать возмездие.

Утром, наматывая круги на стадионе, я вспомнил командировку, Лидкину потную ладонь, остановился, выматерился, от души плюнул, а потом разбежался и со всей дури пнул пустую пластиковую бутылку.

...Я не воспользовался информацией, полученной от Артура. Я даже не стал брать у него запись разговора с Юркой. Вывели бы стажера на чистую воду, потянули за ниточку, и все вылезло бы на свет. Костя, Степаныч, Лида...

Лида... Я не хотел принимать в этом участия. И дело было не только в ней. Даже если бы не было риска ее зацепить, я бы все равно не стал ничего доносить.

Ведь главное — оставаться человеком.

ГЛАВА 27

Круг замкнулся

Мы успешно перезапустили сеть розничных магазинов Артура. Продажи в первый же месяц резко поползли вверх, люди оценили низкие цены и хороший сервис. Рекламная кампания плавно пошла на убыль. Настало время расставания с проектом. О дальнейшем я сильно не переживал, фриланс хорошо подпитывал меня.

Смог полностью вернуть долг Рите и рассчитаться по кредиту — Артур выдал хорошую премию. Мы подружились с этим большим, пузатым и шумным парнем. Я уговорил его заняться спортом, приведя массу доводов о том, как вредны излишки жира.

— Да знаю, — задумчиво молвил Артур. — Думаешь, не понимаю? Одышка, выдыхаюсь быстро. Я столько диет перепробовал — так похудеть хотелось. Боялся, что моя найдет себе кого поспортивнее... Вот веришь, нет, месяц сидел только на овощах и фруктах, моя настояла. А я мясо люблю! Немного похудел вроде, а потом быстро все вернулось, с прибавкой даже.

У нас сложилась веселая дружеская компания с Иваном, Михой, Левоном и Артуром. Мы все были примерно одного возраста, а тренировки сблизили нас и давали ощущение некоего братства.

Я созвонился с моим попутчиком по поезду Корбенем, мы встретились и весело провели время. Кроме легкой взаимной дружеской симпатии, возникшей за время поездки, у нас пока было мало общего, но мы договорились не терять связь. Я думал, стоит ли его приглашать в нашу сложившуюся компанию, но решил не спешить с этим. Стоило для начала закрепить дружбу с теми, кто уже рядом.

Размышляя над тем, есть ли какие-то проверенные методы сохранять дружбу, я пришел к мысли о том, что она проверяется не только горем.

Мы искренне рады, когда наши друзья становятся отцами. Рады, когда друг находит новую работу. Рады за друга, когда он... Он что? Когда он не выходит резко вперед в конкурентной борьбе самцов за жизненные блага и пространство. Конечно, бывают исключения. Но

чаще крушения вроде бы идеальной дружбы происходят в такие моменты: друзья отворачиваются, не в силах лицемерно радоваться достижениям более успешного. Лишь те, кто способен гордиться другими, остаются друзьями.

И вот те, кто и в беде с тобой, и в радости, могут называться настоящими друзьями. Для меня ими стали Ваня, Миха, Левон. Крепла дружба с Артуром. А объединил нас спорт.

Тренировки для ребят стали отдушиной, которой им так не хватало. В зале они становились самими собой. Не нужно было носить маски, скрывать эмоции и играть чужие роли. Отношения с железом и между нами были предельно честными и понятными.

И нам всем это нравилось.

Встречи с Ритой переросли в нечто большее. Однажды я проводил ее до дома. Мы не могли расстаться, но наконец она стала меня прогонять, говоря, что мы так можем до утра простоять у ее дома. Я согласился уйти, если мы поцелуемся.

Она чмокнула меня в губы, прислушалась к ощущениям, а потом прижалась и впилась губами в мои. Мы долго не могли оторваться друг от друга, но потом она оттолкнула меня. Поправила одежду, смущенно улыбнулась и, показав язык, ушла.

Душа пела, я снова влюбился, и тут была не просто страсть. Я чувствовал близость с Ритой и был готов признаться ей в любви.

В последнюю майскую субботу мне позвонил Леха.

— Привет, Серега! — знакомый голос растормошил что-то внутри, я понял, что соскучился.

— Леха! — заорал я в трубку.

— Ну как ты там без меня, юный падаван?

— Учитель! Леха, ты бы знал, сколько всего у меня случилось! — я не мог сдержать эмоций.

— Я знаю, — улыбнулся в трубку Леха. — Разведка докладывает. Скажи мне, ты же вроде футбольный болельщик?

— Конечно.

— Наши сегодня с норвежцами товарняк^[36] играют, посмотрим?

— Давай!

— Тогда подъезжай к шести вечера в BeerHouse. Знаешь где?

— Бывал там пару раз, понял, буду!

— До встречи, — попрощался Леха.

Я возбужденно ходил по комнате. Мне так не хватало его уверенности, поддержки и советов. Я засуетился в предвкушении встречи. Жизнь наладилась, у меня появились настоящие друзья, я влюбился в Риту. Но новое появление Лехи в моей жизни сулило что-то большее.

Мои блуждания прервал звонок в дверь.

— Здорово, братишка! — с порога мне улыбался Кепочка, то есть Радик Низамутдинович. За его спиной маячили счастливые Вася с Кецариком.

— Заходите, — я пригласил незваных гостей в дом.

— Да мы ненадолго, земля, — просиял Кецарик. — Мы башли вернули!

— Ага, — подтвердил Кепочка. — Вот, держи.

Он протянул мне пакет. Я, не решаясь взять, заглянул внутрь и ахнул: там лежали пачки денег. Что-то во мне противилось: мне казалось, что это совсем не по-мужски — возвращать деньги, которыми я помог любимой девушке. Пусть и предавшей меня.

— Как вам удалось? — ошарашенно спросил я.

— Нагнали страху на фраерка, — заулыбался Кепочка. — Тот на районе себя чуть ли не положенцем^[37] ставил. Пришлось поучить уму-разуму. Да лучше тебе не знать, что да как, спокойнее спать будешь.

— С ним все в порядке? — испугался я.

— Жить будет, — невозмутимо сказал Кепочка. — Да ты о нем не переживай, они тебя развели — не переживали. Девочка та для него деньги брала. Какую-то он там хитрую схему придумал. Сам барыжить решил — не вышло: кинули его, еще и должен остался. Тут ты на горизонте объявился, увлекся его девочкой, дальше знаешь. Вот с твоих денег он уже раскрутился.

После этих слов я, больше не колеблясь, принял деньги.

— Пересчитай, Серега, — попросил Вася. — У нас все как в аптеке.

Мне не хотелось обижать мужиков недоверием, но они настояли. Я пересчитал — всё было верно, вся сумма за вычетом их процента.

Мы тепло попрощались, и нелегальные коллекторы пошли отмечать шабашку.

На место приехал вовремя. Зал был заполнен гомонящими людьми. По телевизору комментатор матча уже объявлял составы.

— Вас ожидают? — поинтересовалась официантка.

— Да, — кивнул я, ища взглядом Леху.

Тот сидел в углу у телевизора, на мягком кожаном диване, закинув ногу на ногу. За столом спиной ко мне расположились еще двое мужчин. Увидев меня, Леха помахал рукой.

Я подошел к ним. Леха вскочил, обнял, похлопал по спине и усадил рядом с собой.

— Знакомься, Серега. Леонид и Саймон.

— Сергей.

Я пожал протянутые руки. Неужели сам Леня Ткач? Я вопросительно глянул на Леху, стрельнув глазами в сторону Леонида. Леха кивнул.

Принесли пиво, закуски. Официантка сновисто все расставила на столе и удалилась. Ее лицо показалось мне знакомым. Я наморщил лоб, пытаясь вспомнить, где видел девушку. Леха воспринял мою озабоченность по-своему.

— О твоей насыщенной жизни поговорим потом, Серег. Все обсудим, разберем ошибки, — начал говорить Леха. — Сегодня просто посмотрим футбол.

— Да, — присоединился Ткач. — Просто футбол и немного поговорим о деле.

Они переглянулись с Саймоном, тот кивнул, и Ткач продолжил.

— Сергей, мы наслышаны о тебе. Много хорошего рассказывал наш общий знакомый Стас Кацюба. Небезызвестная тебе Лидия тоже дала самые лучшие рекомендации. А когда оказалось, что мой хороший друг Алекс знаком с тобой, я был окончательно заинтригован.

— Я сейчас сам заинтригован, — сказал я.

— Терпение, юный падаван, — засмеялся Леха.

— Позвольте мне объяснить, — на хорошем русском с легким акцентом сказал Саймон. — Сергей, нашей группе компаний нужно собственное рекламное агентство в вашей стране. Раньше все дела велись через лондонский офис, но после последних событий работать стало намного сложнее, и мы решили открыть такую компанию в Санкт-Петербурге, you know.

— Открыть или купить, — уточнил Ткач.

— Го-о-о-ол! — заорал Леха: наши забили.

— Го-о-о-ол! — заорали в зале.

Мы отпраздновали гол и продолжили разговор.

— Возвращаясь к теме, — продолжил Леха. — Мы покупаем «Расмус Медиа». Согласие Стаса уже есть, он давно собирался отойти от дел и переехать поближе к теплему морю. Парочка теневых акционеров в раздумьях, но, по предварительной информации, они просто тянут время, пытаюсь выбить наилучшие условия.

— О какой компании речь? — решил уточнить я, прежде чем продолжать волнующую меня тему.

Леха шепнул мне на ухо. Я был в шоке: это же мировой бренд, монстр на рынке!

— Алекс, зачем? — укоризненно посмотрел на Леху Саймон.

— Пусть трепещет! — сказал Леха, потрепал меня по загривку и отвернулся к телевизору.

Официантка спросила, повторить ли пиво. Я внимательно всмотрелся в ее лицо — усталое, без эмоций, с тяжелыми мешками под глазами. Анна! Моя девушка из далекого прошлого. Магазин видео, совместная жизнь, фильмы, картины пронеслись перед глазами. Я кивнул ей, дав понять, что узнал. Она, переминаясь с ноги на ногу, закусил губу и отвернулась. Не узнала? Или не хочет узнавать?

— Сергей? — вопросительно сказал Леонид.

— Да-да, я слушаю.

— Как докладывали наши источники, нынешний менеджмент компании разложен и погряз в коррупции. Заместитель генерального, некий Михаил...

— Степаныч? — перебил я, удивившись.

— Михаил Степанович, да, — кивнул он. — Уволен по собственному желанию, когда нашлись неопровержимые доказательства его участия в коррупционных схемах с основными заказчиками. Еще нескольким сотрудникам будут предъявлены обвинения, наши юристы работают.

— Лида? — не смог сдержаться я.

— Нет-нет, — успокоил меня Ткач. — Никто из вашего отдела, Сергей. За своих коллег можешь быть спокоен, они не замешаны. Речь о других подразделениях холдинга.

— Какова моя роль во всем этом?

— Мы обратились за помощью к Алексу. Он у нас считается знатоком человеческих душ. Мы искали достойного топа. В теме, с чистой историей, не замаранного ни в чем, с наработанными контактами. Алекс посоветовал тебя.

— Меня? — я так искренне удивился, что Леха решил пояснить.

— Скажу честно, Серега. Ты так накосорезил за последнее время, что я поставил на тебе крест. Но через наших общих знакомых продолжал интересоваться твоей судьбой. Меня порадовало, как достойно ты выбрался из пропасти, в которую сам себя загнал. Ты проявил характер. Но еще больше мне понравилось, что ты снова стал джедаем, а не подлецом.

— А это-то ты как узнал?

Леня с Саймоном тактично уставились в телевизор, не вмешиваясь в наш разговор.

— Меня беспокоило, сможешь ли ты, забыв прошлое, справедливо управлять этими ребятами. Так что историю с компроматом на Юру Бажова я придумал. От и до.

— Как?

— Мозгами. Вот как. Познакомился с твоим соседом — колоритный персонаж, кстати. Посулил хорошие скидки, вывел его на «Расмус». С Юрой он, кстати, вообще не общался, с Лидой работал. А дальше дело техники — записали диалог Артура с одним знакомым парнем, наложили шумы, ветер. Слова еще можно разобрать, а вот кто говорит — не особо. Но запись не пригодилась — ты повел себя достойно.

— Ну ты, блин, постановщик хренов, — возмутился я. — Я думал, мы друзья!

— Так я и с Леной дружу. Не мог же я ему советовать непроверенного кандидата.

— Логично, — согласился я. — Слушай, а на кой черт ты вообще со мной связался?

— Да просто захотелось! — воскликнул Леха. — Все, отстань, дай футбол посмотреть!

Леха отвернулся, но наступил перерыв. Леонид, заметив, что мы закончили, вернулся к разговору.

— Сергей, в общем, мы предлагаем тебе должность управляющего партнера.

Я согласился. Мне нужно было выждать некоторое время, пока улаживались формальности по продаже холдинга. Но по договоренности с Кацубой меня должны были представить коллективу уже на следующей неделе.

Уходя, подошел к стоящей в углу Анне.

— Привет!

— Здравствуйте.

— Не узнаешь, Ань? Это же я, Сергей. Помнишь?

— Молодой человек, вы ошиблись, — не глядя, ответила Анна.

Я замялся, но решил не продолжать.

— Ну, извини.

— Всего доброго. Приходите еще, — сказала она, провожая меня взглядом.

На улице я остановил такси и поехал к Рите.

Звонить не стал. По дороге купил букет цветов.

У ее двери замер, слушая свое сердце. Оно быстро колотилось, и я постучал в дверь в унисон. Время было не совсем позднее, и я надеялся, что мой визит уместен.

— Кто там? — раздался удивленный Риткин голос. Она явно никого не ждала.

— Рита, это я.

Она отперла замок, открыла дверь, и мое сердце остановилось.

В коротких джинсовых шортах и футболке, не накрашенная, она радостно уставилась на меня. Протянул ей букет и, волнуясь, выпалил:

— Я тебя люблю!

— Да заходи ты уже! — воскликнула она, и я зашел.

Она нерешительно подошла, и я обнял ее. Она прижалась ко мне и прошептала:

— Я тоже тебя люблю.

Последний кирпич занял свое место.

Хотя нет. Это был не последний. Но самый важный кирпич в моей жизни, удешаляющий силы и жажду жизни, дающий странную смесь покоя и буйства, тепла гейзера и холода айсберга, тот, что «громче вопля бешеного, но тише писка забитой мыши»^[38].

Я говорю о любви.

Мы долго стояли, обнявшись и ничего не говоря. Все было ясно без слов.

Потом мы выбрались поужинать, хотя уже и был поздний вечер. В ресторане сидели, держась за руки, и я боялся отпустить ее.

После ресторана поехали ко мне...

Ранним воскресным утром первого дня лета и первого дня оставшейся жизни я нашел в себе силы встать. Слово «надо» в последнее время уже не было для меня пустым звуком. Я собрался и аккуратно, стараясь не разбудить Риту, встал с кровати.

— Не уходи, — услышал я ее сонный голос. — Остайся.

— Рит, я не могу, мне нужно бегать, — я ласково отстранил ее руку и, шатаясь, пошел в ванную.

— Возвращайся скорее, — ласково сказала Рита и уснула безмятежным сном.

Я сделал зарядку, почистил зубы, умылся, оделся и пошел на пробежку. Как бы ни было приятно нежиться в постели с любимой, я не мог предать себя и нарушить свои обещания.

Люди, проходившие через футбольное поле, чтобы сократить дорогу, могли видеть бегущего счастливого, влюбленного, улыбающегося парня. Парня? Мужчину! Меня, Сергея

Александровича Резвея, построившего свою первую кирпичную крепость.

Уважение коллег, победа в драке или словесном поединке, внимание красивой девушки, карьерный рост... все эти атрибуты крутости — безусловное достижение, но только для того Резвея, над которым потешались всем офисом.

Сейчас для меня это не круто. Круто — любить и быть любимым, иметь надежных друзей, уметь держать удар и вставать раз за разом, не унывать в любой ситуации и жить каждый день так, будто он последний, используя каждый шанс, чтобы узнать чуть больше и стать чуть лучше.

Я мысленно прикидывал, потянет ли Миха место Степаныча, оставлять ли мне Риту своей секретаршей или нет, удастся ли сохранить с Лидой дружеские отношения, или лучше с ней расстаться, чтобы у Риты не было поводов волноваться. А что делать с Костей и Юркой? Смогу ли я зажечь коллектив? Пойдут ли за мной? Не придется ли мне менять штат целиком?

Я думал о том, что оптимизировать, что развить и в каком направлении двигать компанию.

После пробежки решил взять кофе для себя и Риты. Меня немного шатало от бессонной ночи. Прохожие могли подумать, что я всю ночь пил. Еще бы: трехдневная щетина, пропахший потом спортивный костюм.

У стойки заказа я увидел тощего сторбленного парня. Засаленные волосы, забитый вид, треснувшее стекло в очках. Он терпеливо ждал, когда уснувшая девушка уделит ему внимание.

— Девушка, проснитесь! — гаркнул я.

Она ворчливо встала, уперла руки в бока и спросила:

— Чего вам?

— Три кофе, пожалуйста! — попросил я.

— Какой вам кофе?

— Мне один черный, один капучино, а вот этому... — я повернулся к задохлику. — Тебе какой кофе, чудак? И зовут-то тебя как?..

2004, 2012–2014

Слова благодарности от автора

Моей любимой жене Елене и детям: Артемию, Дарине и Кенесу — вы придали моей жизни смысл и наполнили ее светом.

Огромное спасибо моим родителям, большой маме, аташке, татешке и кокешке, сестренке Раушан, братьям Булату и Айдару — я вас люблю и крепко обнимаю. Я не всегда вел себя так, как вам хотелось, но всегда к вам прислушивался.

Моим друзьям, товарищам и коллегам за поддержку на разных этапах моей жизни — Кенесу Шангерееву, Александру Терещенко, Сергею «Корбену» Болбату, Кайрату Тукаеву, Дамиру Халилову, Валентину Батуре, Ксении Бехтеревой, Сергею Бажитову, Олегу Жиню, Сергею Логвину, Азамату Турегулову, Альмиру Хазиеву, Александру Гнеушеву, Алексею Попкову, Виталию Борщеву, Максиму Шумейко, Вадиму Симоненко, Руслану Исмагилову, Денису Колий, Куандыку Мамбетову, Владимиру Меркушеву, Дамиру Кадырову, Максиму Шатилову, Елене Панариной, Ольге Чувильской, Наталье Колосовой, Максиму Муравьеву, Юрию и Виталию Малярам, Жаннетте Герасимчук, Айдосу Тайжанову, Евгению Капустину, Денису Пошелюзному, Светлане Базарь, Максату Тюмалиеву, Сергею Зорину, Юлии Исаковой, Дмитрию Зимину, Анне Кудиновой, Наталье Мамуновой, Денису Андриющенко, Георгию Ану, Владимиру Туреханову, Аслану Сабирову, Александру Тунику, Владимиру Дмитрачкову, Ролану Сердалиеву, Константину и Лилии Осадчук, Александру Юмашеву, Андрею Ющенко, Максиму Ефименко, Сергею Чудакову, Нуржану Жумагалиеву, Александру Карягину, Сергею Мартынову, Айбеку Алдабергенову, Самату Досову, Маргарите Вильбергер, Илье Компанцу, Алексею Дмитриеву, Данияру Урдабаеву, Виктору Герберу, Павлу Иванченко, Сергею Знащенко, Асие Бимуратовой, Сергею Белялову, Марату Рзгазиеву, Филиппу Петлиньскому, Александру Зольникову, Илье Одегову, Айгерим Тажи, Ивану Бекетову, Сергею Алексеенку, Рашиду Закиеву, Ярославу Гащенко, Константину и Алле Нагаевым, Жомарту Амирханову, Олжасу и Расулу Укеновым Алексею Киянице, Алексею Зинченко, Алдияру Шуланову, Сергею Елизарову, Алисе Бржставицкой, Данияру

Балиеву, Светлане Бурцевой, Адриану Крупчанскому, Едыге Какимжанову, Жулдыз Алматбаевой, Левону Тертеряну, Дмитрию Амелину, Дмитрию Громогласову, Виктору Томилину, Ирине Егоровой, Ильдару и Гелие Валиулловым, Роману Зубареву, Назым Газиз, Тимуру Абдибекову, Айдару Ибраеву, Булату Башееву, Эдуарду Багирову, Максиму Воронцову, Юлии Савченко, Сергею Кардаеву, Даурену Толеуханову, Аскару Туганбаеву. Простите, если кого забыл. С кем-то из вас наши жизненные пути разошлись, кого-то из вас уже нет, но я помню и ценю каждого из вас.

Спасибо Виктору Топорову, Михаилу Веллеру, Алексею Цапалину, Михаилу Султанову, Леониду Юргеласу, Владимиру Муну, Рубену Дицдишяну и, конечно, Артему Степанову. Ваша вера в книгу стала для меня лучшей мотивацией.

Отдельное спасибо всем моим учителям, тренерам и наставникам: Елене Геннадьевне Никоновой, Ролану Рустамовичу Чаньшеву, Тулькибаеву Ашиму Шариповичу, Александре Дмитриевне Коломейцевой, Марии Олеговне Потолоковой, Наталье Глебовне Бандровской, Мирбулату Тукмурзаевичу Кунбаеву, Станиславу Евгеньевичу Кацюбе, Куаньшбеку Бахытбековичу Есекееву, Сергею Ростиславовичу Филоновичу, Геннадию Николаевичу Константинову, Сакену Жунусбековичу Мусайбекову, Александру Егоровичу Ляхову, Адильбеку Газизовичу Сарсенову, Галине Лукиничне Пак, Вячеславу Вячеславовичу Киктенко — за жизненные и профессиональные уроки.

Спасибо Дмитрию «Удаву» Соколовскому. Дима, если бы не udaff.com и его читатели, книги бы точно не было.

Спасибо ребятам, помогавшим отредактировать и сверстать первую версию книги, вышедшую только в электронном виде, — благодарю Анастасию Саар, Ольгу Нуждову, Сергея Докукина, Элеонору Васину, Вячеслава Кириленко, Александра Левина, Георгия Халявина и Елену Васякину.

Спасибо моим редакторам — Павлу Банникову, Ольге Свитовой и Марии Красовской, которые сделали книгу лучше.

Спасибо питерской рэп-рок-группе «Кирпичи» — я был вашим фанатом и воспользовался вашим названием, чтобы отдать дань уважения. Сейчас вас слушает мой старший сын.

Спасибо издательству «Манн, Иванов и Фербер» за отличные книги. Если бы мне год назад кто-нибудь сказал, что «МИФ» выпустит «Кирпичи», я бы рассмеялся.

Спасибо всем тем, кто писал мне слова благодарности после прочтения первой версии, кто ждал продолжения и дождался.

И, конечно, спасибо тебе, читатель.

Примечания

[1] Речь идет об udaff.com.

[2] Пикап — знакомство с целью соблазнения, а также совокупность методов, наблюдений, взглядов, развившихся на основе эмпирического подхода к соблазнению.

[3] Штормград — столица людей и самый крупный человеческий город в Азероте, мире компьютерной игры World of Warcraft.

[4] Речь о компьютерной игре World of Warcraft. *Прим. ред.*

[5] Термины «рейд» и «рейдить» в Word of Warcraft традиционно относятся к походам в подземелья отрядами в 10 или 25 человек.

[6] Рейдовый отряд с постоянным составом участников.

[7] Траить — от английского to try (пробовать).

[8] Сотки (другие названия — фишки; кэпсы, от англ. caps — крышки) — азартная игра, популярная в 1990-х и начале 2000-х годов среди школьников и подростков в возрасте от 9 до 13 лет.

[9] Здесь и далее персонажи трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец». *Прим. ред.*

[10] Валерий Васильевич Лобановский — выдающийся советский и украинский тренер по футболу. Имел привычку раскачиваться зад-вперед, наблюдая за ходом матча с тренерской скамьи.

[11] Сообщество фанатов санкт-петербургского клуба «Зенит». *Прим. ред.*

[12] Глорихантер — болельщик футбольного клуба, ставший таковым в силу веяний моды или после громких успехов/роста популярности команды в СМИ. «Сине-гранатовые», «Барса» — прозвища футбольного клуба «Барселона»; «сливочные» — «Реал Мадрид» (по цвету формы). *Прим. ред.*

[13] Массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра, или ММОРПГ (англ. Massively multiplayer online role-playing game, MMORPG) — компьютерная игра, в которой жанр ролевых игр совмещается с жанром массовых онлайн-игр.

[14] «Рита Хейуорд, или Побег из Шоушенка» — повесть Стивена Кинга, выходила на русском языке в сборнике «Четыре сезона» (М. : АСТ, 1998). По повести вышел одноименный культовый американский фильм-драма 1994 года, снятый режиссером Фрэнком Дарабонтом.
Прим. ред.

[15] Скайнет («небесная сеть») — искусственный интеллект из серии фильмов о Терминаторах; падаван — ученик джедая (серия фильмов «Звездные войны»). *Прим. ред.*

[16] Павел Дуров и Марк Цукерберг (основатели «ВКонтакте» и Facebook соответственно). *Прим. ред.*

[17] Леха приводит искаженную цитату персонажа сатирической повести братьев Аркадия и Бориса Стругацких «Сказка о тройке» (1968). В оригинале цитата звучала так: «У мене внутре... гм... не... неонка».

[18] То есть телесные, тактильные ощущения. *Прим. ред.*

[19] Менеджеров по работе с клиентами.

[20] Гейнер — пищевая добавка из углеводов и белка, предназначенная для набора мышечной массы; ВСАА — аминокислоты с разветвленными цепочками (лейцин, изолейцин, валин), участвующие в строительстве новых мышц; тестостероновые бустеры — добавки для стимуляции роста мышц, увеличения силы и либидо, предотвращения мужского климакса и коррекции уровня половых гормонов. *Прим. ред.*

[21] Наркотик, который варил главный герой сериала «Во все тяжкие». *Прим. ред.*

[22] Манчкины — изначально один из народов, населявших Страну Оз из книги Фрэнка Баума; в компьютерных играх — игрок, стремящийся к максимальному прокачиванию характеристик и навыков, чтобы «выносить врагов с полпинка». *Прим. ред.*

[23] В World of Warcraft — ездовое животное; шире — персональное транспортное средство. *Прим. ред.*

[24] Серия ударов в единоборствах, заученная до автоматизма.

[25] Героиня знаменитого фильма братьев Вачовски «Матрица». Изображение Тринити с пистолетом нередко используется в качестве картинок пользователей на форумах и в соцсетях. *Прим. ред.*

[26] Вовка — сленговое название популярной игры World of Warcraft. Mists of Pandaria — четвертое, последнее на 2014 год дополнение к этой игре.

[27] Хардмод — самый тяжелый режим прохождения рейдов в World of Warcraft.

[28] Цитата из романа «Корпорация “Бессмертие”» (на языке оригинала вышел в 1958 году, неоднократно публиковался на русском языке). *Прим. ред.*

[29] Изначально — название роты дворцовых гренадер, в переносном смысле — представители низов общества и преступники. Излюбленное выражение Остапа Бендера по отношению к Паниковскому.

[30] Демон, вымышленный герой комиксов Майка Миньолы, двух фильмов, двух мультфильмов и компьютерной игры. Характерная черта — две большие шишки на лбу от спиленных рогов. *Прим. ред.*

[31] Комбо (англ. combo, сокр. от combination — комбинация) — термин, используемый в компьютерных играх файтинг-жанра, в которых этим словом обозначаются комбинации ударов.

[32] Названия дворовых игр, популярных на территории бывшего СССР в домультимедийную эпоху (до конца 1990-х).

[33] Отсылка к книге Брайана Трейси [«Выйди из зоны комфорта»](#). М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. *Прим. ред.*

[34] «Самострел» (или селфи, от англ. self — сам) — фотоавтопортрет, иногда с использованием зеркала, шнура или таймера на фотоаппарате. Популярное развлечение у пользователей соцсетей, а в последние годы — и у знаменитостей. *Прим. ред.*

[35] Вымышленный язык из серии романов «Песни Льда и Пламени» и сериала «Игра престолов». «Все должны служить» (валар дохаэрис) используется в качестве отзыва на пароль «валар моргулис». *Прим. ред.*

[36] Товарищеский матч.

[37] На воровском жаргоне — уголовный авторитет на положении вора, отвечающий за определенную территорию. *Прим. ред.*

[38] Цитата из песни Дельфина «Любовь». *Прим. ред.*

Оглавление

[От автора](#)

[Глава 1. Инициация](#)

[Глава 2. Первый кирпич](#)

[Глава 3. Level up](#)

[Глава 4. Цели и стимулы](#)

[Глава 5. Нет — и точка](#)

[Глава 6. Другая пятница](#)

[Глава 7. Жизнь продолжается](#)

[Глава 8. Дым сигарет](#)

[Глава 9. Новая жизнь](#)

[Глава 10. Лох — это судьба](#)

[Глава 11. Кино и немцы](#)

[Глава 12. Разбор полетов](#)

[Глава 13. Злые языки](#)

[Глава 14. В тупике](#)

[Глава 15. Быть мужиком](#)

[Глава 16. С чистого листа](#)

[Глава 17. Первое свидание](#)

[Глава 18. Любовь и железо](#)

[Глава 19. No pain, no gain](#)

[Глава 20. В ответе за...](#)

[Глава 21. Казаться человеком](#)

[Глава 22. И полетели ножи](#)

[Глава 23. У родителей](#)

[Глава 24. Искренне ваш](#)

[Глава 25. Вторая натура](#)

[Глава 26. Темна ночь перед рассветом](#)

[Глава 27. Круг замкнулся](#)

[Слова благодарности от автора](#)

Максимально полезные книги от издательства «Манн, Иванов и Фербер»

Если у вас есть замечания и комментарии к содержанию, переводу, редакции и корректуре, то просим написать на be_better@m-i-f.ru, так мы быстрее сможем исправить недочеты.

Наши электронные книги:

<http://www.mann-ivanov-ferber.ru/ebooks/>

Заходите в гости:

<http://www.mann-ivanov-ferber.ru/>

<http://blog.mann-ivanov-ferber.ru/>

<http://www.facebook.com/mifbooks>

<http://vk.com/mifbooks>

<https://twitter.com/mifbooks>

[Дерево знаний](#)

[Предложите нам книгу.](#)

[Ищем правильных коллег](#)

Для корпоративных клиентов:

[Полезные книги в подарок](#)

[Корпоративная библиотека](#)

[Книги ищут поддержку.](#)

Над книгой работали

Главный редактор *Артем Степанов*
Ответственный редактор *Мария Красовская*
Арт-директор *Алексей Богомолов*
Редактор *Ольга Свитова*
Верстка *Юлия Рахманина*
Корректоры *Лев Зелексон, Юлия Молокова*
Дизайн переплета *Станислав Леонтьев*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

mann-ivanov-ferber.ru

Электронная версия книги
подготовлена компанией Webkniga, 2014

webkniga.ru